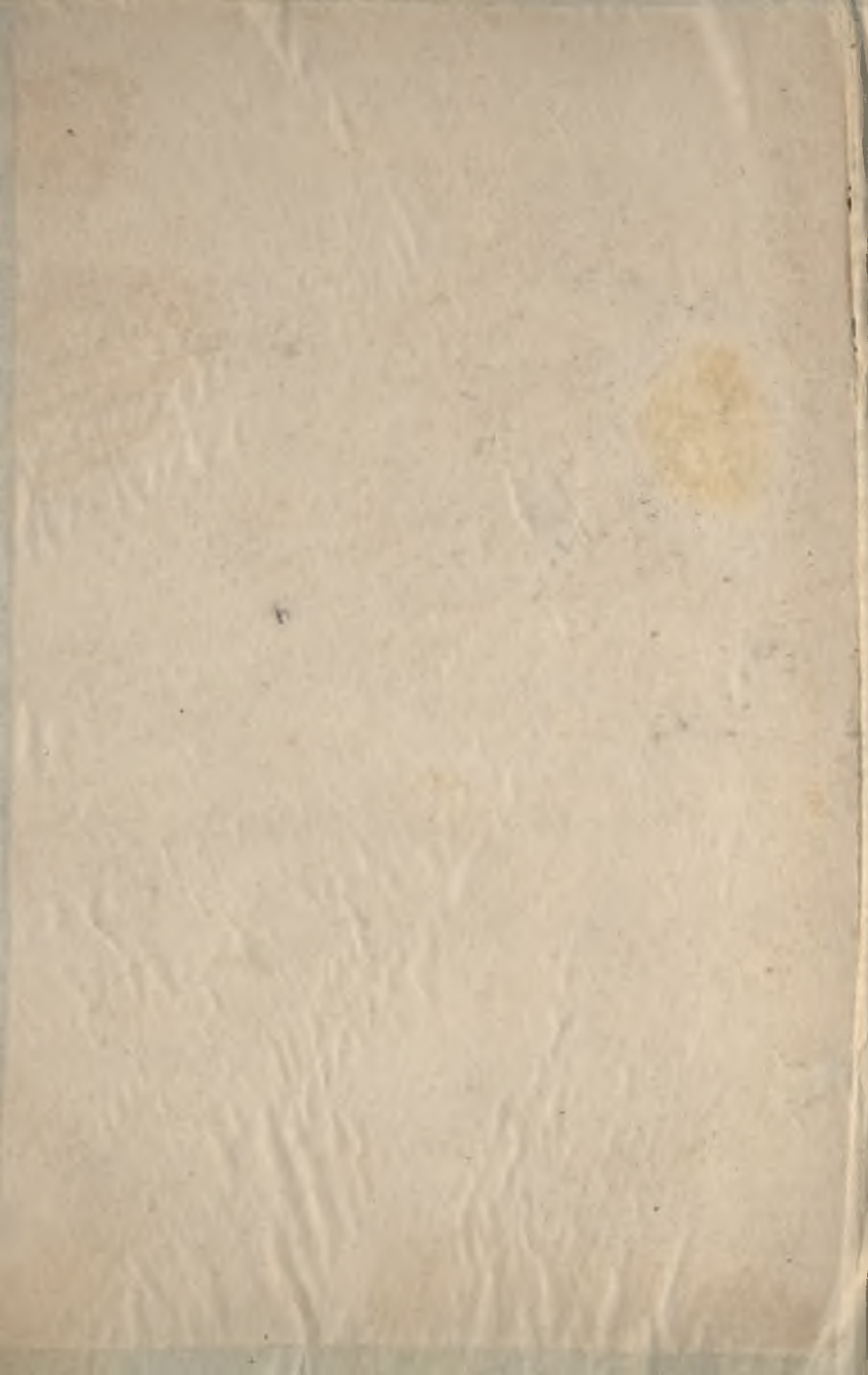

83,3(49000)
687

Георгъ Брандесъ.

БАЙРОНЪ

и

ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЯ

78/4-2

Переводъ **И. Д. Городецкаго.**

Второе, пересмотрѣнное, изданіе съ предисловіемъ
профессора **Н. И. Стороженка:**

„О ВЛІЯНІИ БАЙРОНА НА ЕВРОПЕЙСКІЯ ЛИТЕРАТУРЫ“

126

МОСКВА.

1889.

846522

«Белгородский государственный
национальный
исследовательский университет»

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
им. Н.Н. Страхова

Баранкова Н. В.

Принято
в ДАР

0000595608

Вліяніє Байрона на европейскія литературы *)

Профессора Н. И. Стороженко.

Могучая поэзія Байрона наложила свою оригинальную и неизгладимую печать на европейскую литературу первой половины настоящаго столѣтія. Помимо геніальнаго таланта Байрона, были двѣ причины, содѣйствовавшія популярности его поэзіи на континентѣ. Первая заключалась въ космополитическомъ характерѣ этой поэзіи, вторая—въ тѣхъ историческихъ условіяхъ, среди которыхъ она возникла. Разорвавъ съ неблагодарной родиной, оказавшейся для него не матерью, но злой мачихой, Байронъ провелъ почти половину своей жизни въ странствованіяхъ по Европѣ и, оставаясь англійскимъ лордомъ по своимъ инстинктамъ и привычкамъ, мало по-малу сдѣлался чистымъ космополитомъ по своимъ убѣжденіямъ. Интересы свободы и человѣчества были всегда въ его глазахъ выше интересовъ національных; даже сюжеты своихъ произведеній онъ заимствовалъ не изъ англійской жизни, но изъ жизни различныхъ народовъ Европы. Не даромъ Гёте называлъ его всемірнымъ гражданиномъ и привѣтствовалъ въ немъ провозвѣстника той общечеловѣческой, всемірной литературы, скорое наступленіе которой онъ не разъ предсказывалъ. Второй причиной всеобщаго увлеченія поэзіей Байрона было то обстоятельство, что она пришла какъ разъ ко времени, что могучіе звуки ея раздались въ удушливой атмосферѣ, созданной все болѣе и болѣе усиливавшейся въ Европѣ реакціей идеямъ

*) Речь, произнесенная въ торжественномъ собраніи въ память Байрона въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности.

XVIII в., завершившейся учрежденіемъ священнаго союза. Поэзія Байрона возстановила связь между прерванными традиціями XVIII в. и начинавшимся пробужденіемъ умовъ въ XIX в.; выражая свои чувства, онъ въ то же время выражалъ чувства общія. Вотъ почему вся либеральная партія въ Европѣ увидѣла въ немъ своего поэтическаго вождя и жадно прислушивалась къ его пѣснямъ, громившимъ гнетъ и тираннію и призывавшимъ народы къ священной борьбѣ за свободу. Апострофы личности въ борьбѣ съ общественными предрассудками, протестъ противъ политическаго и соціальнаго гнета, горячее сочувствіе къ бьющимся за свою свободу народамъ, неудовлетвореніе и пресыщеніе безцѣльной жизнью и тѣсно связанный съ нимъ скептицизмъ, доходящій порою до мизантропіи и отчаянія, и рядомъ съ нимъ поэтической восторгъ передъ вѣчно юными красотами природы, на лонѣ которой чело-вѣкъ находитъ нѣкоторое облегченіе отъ терзающихъ его жизненныхъ противорѣчій — таковы основныя черты и идейное содержаніе того направленія, которое извѣстно въ европейской литературѣ подъ именемъ байронизма.

Ранѣ другихъ континентальныхъ странъ Байронъ былъ оцѣненъ въ Германіи. Починъ въ этомъ отношеніи былъ данъ самимъ Гёте, считавшимъ Байрона величайшимъ поэтомъ XIX в. и поддерживавшимъ своимъ авторитетомъ его только что начинавшуюся популярность въ Германіи. Въ бесѣдахъ Гёте съ его секретаремъ Эккерманомъ не разъ заходила рѣчь о Байронѣ, и всякій разъ Гёте отдавалъ полную справедливость генію англійскаго поэта. «То, что я считаю изобрѣтеніемъ въ поэзіи, — сказалъ однажды Гёте Эккерману, — ни у кого не достигаетъ такой высокой степени развитія, какъ у Байрона. Способа, которымъ онъ развязываетъ драматическую интригу, никогда нельзя предвидѣть, и онъ всегда выше ожидаемаго читателемъ». Вообще Гёте былъ весьма высокаго мѣнтя о драматическихъ произведеніяхъ Байрона, которыя признаются критикой слабѣ всего имъ написаннаго. Онъ удивлялся искусству, съ какимъ Байронъ, обладавшій

такой мощной индивидуальностью, сьумѣлъ совершенно скрыться за дѣйствующими лицами своихъ драмъ, особенно въ Марино Фальеро. По мнѣнію Гёте, въ характерѣ Байрона было ничто общее съ Т. Тассо, хотя сравненіе ихъ талантовъ могло только повредить итальянскому поэту. «Байронъ, это—воспламененный кустарникъ, который можетъ превратить въ пепелъ священный кедръ Ливана. Великая эпопея Т. Тассо сохраняла свою славу въ теченіе вѣковъ, но Освобожденный Иерусалимъ можно совершенно уничтожить однимъ стихомъ изъ Д. Жуана». Сожалѣя о преждевременной смерти англійскаго поэта, Гёте былъ того мнѣнія, что для литературы эта потеря безразлична, ибо онъ не могъ пойти дальше того, до чего дошелъ. «Байронъ коснулся уже вершинъ творчества, и во всемъ, что бы онъ ни написалъ впослѣдствіи, онъ не могъ бы переступить границъ, очерченныхъ вокругъ его таланта. Въ своей несравненной поэмѣ «Видѣніе Суда» онъ достигъ высшей точки возможнаго для него совершенства». Когда однажды его собесѣдникъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ отзывовъ реакціонной англійской печати, выразилъ сомнѣніе, чтобы произведенія Байрона оказали полезное вліяніе на умственное развитіе человечества. Гёте возразилъ ему довольно рѣзко: «Я не раздѣляю этого мнѣнія. Да и почему вы думаете, что смѣлость, дерзость и гравдіозность Байрона сами по себѣ не могутъ способствовать нашему развитію? Нужно остерегаться признавать образовательное значеніе только за тѣмъ, что безупречно въ нравственномъ отношеніи; все великое можетъ содѣйствовать нашему развитію, если только мы сьумѣемъ понять, въ чемъ состоитъ его величіе». Въ другой разъ, разговаривая съ Эккерманомъ по поводу недоконченной фантастической драмы «*Deformed Transformed*», Гёте воскликнулъ: «Я снова перечелъ ее и долженъ сознаться, что талантъ Байрона показался мнѣ на этотъ разъ еще болѣе могучимъ. Его дьяволъ, очевидно, сродни моему Мефистофелю, но это нельзя назвать подражаніемъ, ибо все здѣсь ново и оригинально.

Нѣтъ ни одного мѣста величиною съ булавочную головку, которое было бы слабо, въ которомъ не просвѣчивали бы творчество и умъ. Не будь у Байрона меланхоліи и отрицанія, онъ могъ бы сравниться съ Шекспиромъ и древними». Кромѣ переводовъ нѣсколькихъ отрывковъ изъ «Д. Жуана» и «Манфреда», Гете заплатилъ дань удивленія и симпатіи гению Байрона, изобразивъ его подъ видомъ Эвфоріона во второй части «Фауста». Въ этомъ фантастическомъ существѣ, сынѣ Фауста и троянской Елены, мелькнувшемъ какъ метеоръ и сдѣлавшемся жертвой отваги, прекрасно олицетворенъ безпокойный духъ и порывистое стремленіе къ свѣту и свободѣ, которое отличало Байрона. Сѣтованіе хора о безвременно погибшемъ юношѣ есть едва-ли не лучшая характеристика Байрона:

„Плачь не нуженъ погребальный:
Намъ завиденъ жребій твой!
Жилъ ты свѣтлый, но печальный,
Съ гордой пѣснью и душой.
Ахъ! рожденъ для счастья былъ ты!
Древній родъ твой славенъ былъ.
Рано самъ себя сгубилъ ты,
Въ полномъ цвѣтѣ юныхъ силъ.
Все имѣлъ ты: взглядъ глубокій,
Быстрый умъ и сердца жаръ,
И любовь жены высокой,
И чудесныхъ пѣсень даръ.
Ты летѣлъ неудержимо,
Въ даль невольно увлеченъ,
Ты презрѣлъ неукротимо
И обычай, и законъ.
Свѣтлый умъ къ дѣламъ чудеснымъ
Душу чистую привелъ:
Ты погнался за небеснымъ
Но его ты не нашель.
Кто найдетъ? Вопросъ печальный!
Рокъ отвѣта не даетъ,
Въ дни, когда многострадальный,
Весь въ крови, молчитъ народъ“.

(Переводъ Холодковского).

Оплакавъ такими теплыми поэтическими слезами гибель Байрона, Гёте чтить въ немъ главнымъ образомъ возвышенныя стремленія и крупную поэтическую силу. Къ политическимъ тенденціямъ Байрона германскій олимпіецъ былъ совершенно равнодушенъ и едва ли придавалъ имъ большое значеніе. Но послѣдующее поколѣніе поэтовъ, въ которомъ негодованіе противъ торжествующей реакціи чередовалось съ приливами мизантропіи и унынія, происшедшими отъ признанія своего безсилія, увидало въ Байронѣ своего вождя, а въ его произведеніяхъ боевой кличъ, призывающій къ борьбѣ за поправныя права человѣческой личности. Такой взглядъ на Байрона господствуетъ у поэтовъ Южной Германіи, которые находились къ нему почти въ такихъ же вассальныхъ отношеніяхъ, въ какихъ ихъ предшественники, поэты *Sturm und Drang*, находились къ Шекспиру. Уже въ вышедшихъ въ 1822 году юношескихъ стихотвореніяхъ самаго крупнаго поэта Южной Германіи Гейне мы находимъ нѣкоторые изъ основныхъ элементовъ байронизма, — обстоятельство, тогда же замѣченное критикой. «Пѣсни Гейне, — писалъ Иммерманъ, — проникнуты недовольствомъ, нерѣдко доходящимъ до ярости и отчаянія. Горькое негодованіе противъ невыносимаго настоящаго, глубокая ненависть къ современному порядку вещей всецѣло овладѣли нашимъ Гейне, и этимъ объясняется, что изъ 53 стихотвореній, написанныхъ юношей, нѣтъ ни одного, изъ котораго-бы вѣяло веселымъ и радостнымъ настроеніемъ. Нѣкоторое сходство замѣчается между этими стихотвореніями и произведеніями лорда Байрона, къ которымъ нашъ соотечественникъ, по видимому, питаетъ особенное сочувствіе. Сравненіе ихъ другъ съ другомъ можетъ послужить отчасти къ выгодѣ, а отчасти и къ невыгодѣ для нашего поэта. Никто сильнѣе Байрона не умѣетъ изобразить страшную пропасть растерзанной души человѣка, и въ этомъ отношеніи Гейне можетъ слѣдовать за нимъ развѣ въ почтительномъ отдаленіи. Но за то у нашего поэта больше свѣжести и бодрости. Для него еще возможно любоваться поэзіей извѣст-

наго явленія, тогда какъ Байронъ одинаково презираетъ и божественное, и человѣческое, и временное, и вѣчное». Годъ спустя послѣ этой рецензіи Гейне издалъ въ свѣтъ свою трагедію «Ратклифъ», герой которой имѣетъ несомнѣнное сходство съ любимымъ байроновскимъ образомъ падшаго ангела. Смерть Байрона глубоко поразила Гейне. «Это былъ единственный человѣкъ,—писалъ онъ Мозеру,—съ которымъ я чувствовалъ духовное родство, и во многихъ отношеніяхъ насъ можно сравнивать другъ съ другомъ». Повидимому, смерть Байрона еще болѣе укрѣпила это духовное родство, потому что въ послѣдующихъ произведеніяхъ Гейне нерѣдко замѣчаются байроновскіе мотивы и байроновская манера. Чудныя, какъ бы подернутыя меланхоліей описанія природы въ *Reisebilder* невольно приводятъ на память подобныя-же картины въ *Чайльдъ-Гарольдѣ*, а проникнутое ѣдкой ироніей описаніе нѣмецкихъ порядковъ въ «Зимней Сказкѣ» до такой степени носитъ на себѣ отпечатокъ байроновской манеры, что кажется отрывкомъ изъ «Д. Жуана». Предѣлы отмѣреннаго для моего сообщенія времени не позволяютъ мнѣ прослѣдить даже въ краткомъ очеркѣ вліяніе байронизма на нѣмецкую поэзію первой половины настоящаго столѣтія; замѣчу только, что вліяніе это сказывается въ болѣе или менѣе сильной степени въ «Греческихъ Пѣсняхъ» Вильгельма Мюллера, въ «Польскихъ Пѣсняхъ» Платена, въ «Д. Жуанѣ» Ленау, въ «Шильонскомъ Узникѣ» Морица Гартмана, въ стихотвореніяхъ нѣмецко-американскаго поэта Дранмора, въ политической лирикѣ Гервега и т. д. Популярность Байрона въ Германіи доказывается, сверхъ того, множествомъ стихотворныхъ переводовъ отдѣльныхъ его произведеній на нѣмецкій языкъ, количество которыхъ развѣ немного уступитъ количеству переводовъ изъ Шекспира.

Тѣ же причины, которыя способствовали популярности поэзіи Байрона въ Германіи, существовали, пожалуй, еще въ большей степени, во Франціи: и тамъ, и здѣсь реакція создала удобную почву для воспріятія поэзіи борьбы, от-

чаянія и проклятiя. «Всю нравственную болѣзнь нашего столѣтiя, — какъ выразился въ одномъ мѣстѣ Альфредъ-де-Мюссе, — можно объяснить изъ двухъ причинъ. Народъ нашъ, продѣлавшій 1793 и 1814 г., носить въ своемъ сердцѣ двѣ раны: того, что было — нѣтъ и то, что должно быть — еще не наступило. Нечего искать другихъ причинъ и объясненiй нашей мировой скорби». Самымъ раннимъ представителемъ байронизма во Франціи былъ Ламартинъ. Сообразно складу своей мягкой и сентиментальной натуры, Ламартинъ могъ усвоить себѣ только нѣкоторыя стороны байронизма, которымъ придалъ сентиментальный оттѣнокъ. Считая Байрона падшимъ ангеломъ, Ламартинъ возимѣлъ оригинальную и назидательную мысль примирить его съ Богомъ и церковью и съ этой цѣлью вскорѣ послѣ смерти Байрона издалъ окончаніе Чайльдъ Гарольда («Le dernier chant du pèlerinage de Child Harold»), въ которомъ онъ заставляетъ Чайльдъ-Гарольда раскаяться, отказать отъ своихъ скептическихъ воззрѣнiй и умереть смертью вѣрующаго христіанина на поляхъ Греціи. Въ заключительномъ обращенiи къ лорду Байрону, Ламартинъ, сопоставляя себя съ умершимъ поэтомъ, увѣряетъ, что судьба его имѣетъ много общаго съ судьбой Байрона, что подобно послѣднему и ему довелось осушить отравленный кубокъ (*J'ai vidé comme toi la coupe empoisonnée*). Вдохновенный Байрономъ, Ламартинъ написалъ свою извѣстную оду къ Наполеону и свою безконечную поэму «La chute d'un Ange», но оба подражанiя безконечно ниже своего образца, не говоря уже о томъ, что они не вполнѣ проникнуты байроновскимъ духомъ. По слѣдамъ Ламартина пошло немало поэтовъ романтической школы, издавшихъ въ свѣтъ массу стихотворенiй, въ которыхъ они воспѣвали и Байрона, и востокъ, и свободу Греціи. С. Бѣвъ въ свое время зло и остроумно посмѣялся надъ ихъ бездарными произведенiями, но не нужно забывать, что памятникомъ этого увлеченiя Греціей и востокомъ были, между прочимъ, «Les Orientales» Виктора Гюго и Мессенскiя элегіи «Les Messéniennes» Казимира Делявица. Хотя

Альфредъ-де-Мюссе и отвергалъ мнѣніе критиковъ, что онъ въ своей поэмѣ «*Naouina*» подражалъ Байрону и съ гордостью утверждалъ, что онъ пьетъ изъ своего собственнаго кубка, какъ онъ ни малъ (*Mon verre n'est pas grand mais je bois dans mon verre*), но новѣйшая критика съумѣла отыскать во многихъ его произведеніяхъ слѣды пристальнаго изученія Байрона, между прочимъ, въ его «*Порціи*», характеръ которой представляетъ много сходныхъ чертъ съ характерами Лары и Паризины, и въ его поэмѣ «*Намуна*», гдѣ дѣйствуетъ легендарный Донъ-Жуанъ и которая какъ по формѣ, такъ и по поэтической манерѣ напоминаетъ байроновскаго Донъ-Жуана. Равнымъ образомъ, вліяніе Байрона замѣтно въ раннихъ романахъ Ж. Сандъ. Выступивъ на борьбу съ обществомъ и его вѣковыми предрассудками за права женщины, Ж. Сандъ нашла себѣ сильную нравственную поддержку въ произведеніяхъ англійскаго поэта, раньше ея поднявшаго знамя индивидуализма и въ процессѣ общества съ личностью всегда стоявшаго на сторонѣ личности. Разница между ними состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что Байронъ обвиняетъ въ эгоизмѣ и несправедливости все человѣчество, тогда какъ Ж. Сандъ только одну половину человѣческаго рода, поработившую, по ея словамъ, женщину и коварно придуманными законами и обычаями стѣснившую свободу ея чувства и лишившую ее дѣятельнаго участія въ общественной жизни. Къ числу восторженныхъ поклонниковъ Байрона нужно причислить такъ родственнаго ему по духу автора «*Ямбовъ*» и «*Гимна къ свободѣ*» — Огюста Барбье. Посѣтивъ Вестминстерское аббатство и не найдя тамъ праха Байрона, Барбье написалъ превосходное стихотвореніе «*Westminster*», гдѣ вложилъ въ уста поэта трогательную жалобу на преслѣдованія, которымъ онъ подвергался при жизни, и на вражду, препятствующую и послѣ смерти найти успокоеніе подъ сѣнью національнаго пантеона, въ уголкѣ поэтовъ. Барбье объясняетъ эти преслѣдованія тѣмъ, что Байронъ смѣло обличалъ пороки своихъ соотечественниковъ, что онъ сорвалъ маску съ

ихъ мнимой добродѣтели. Къ концу сороковыхъ годовъ влияніе поэзіи Байрона проявляется во французской литературѣ все слабѣе и слабѣе, но за то количество переводовъ изъ Байрона и этюдовъ о немъ увеличивается, — фактъ, доказывающій, что увлеченіе прошло и что наступило время изученія и серьезной критической оцѣнки произведеній англійскаго поэта. Впрочемъ, послѣдній лучъ байропизма блеснулъ еще не такъ давно въ «*Tentation de Saint Antoine*» Флобера, гдѣ многое оказывается навѣяннѣмъ вторымъ актомъ байроновскаго Каина.

Изъ всѣхъ странъ Европы менѣе другихъ подверглась влиянію поэзіи Байрона столь любимая имъ и столь часто имъ воспѣваемая Италія. Строго говоря, Байронъ въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ больше обязанъ Альфіери, чѣмъ Уго Фосколо ему. Раздробленная политически, страдая отъ деспотизма австрійской династіи на сѣверѣ и бурбонской на югѣ, Италія была слишкомъ поглощена своимъ собственнымъ горемъ, чтобы переноситься въ идеальный міръ романтической поэзіи, слѣдить за демоническими героями въ борьбѣ ихъ съ обществомъ или предаваться космополитической міровой скорби. Вся ея новая поэзія носитъ на себѣ мѣстный и патріотическій характеръ, преимущественно отзывается на злобу дня. Пессимистическіе мотивы, попадающіеся у Фосколо, Манцони и другихъ поэтовъ, имѣютъ мало общаго съ байроническимъ повѣтріемъ; въ большинствѣ случаевъ они представляютъ собою плоды патріотическаго отчаянія въ возрожденіи и свободѣ Италіи. Даже меланхолія Леопарди, самаго космополитическаго и философскаго изъ итальянскихъ поэтовъ, сильно обостряется жгучими воспоминаніями о прежней славѣ его родины и ея теперешнемъ униженіи. Вслѣдствіе указанныхъ причинъ, итальянскіе поэты вдохновляются только одной политической тенденціей поэзіи Байрона и оставляютъ въ сторонѣ другія стороны байропизма. Таковъ, напр., Джьовани Беркэ (Berchet), поэтъ сѣверной Италіи, авторъ весьма популярныхъ патріотическихъ пѣсенъ, въ произведеніяхъ ко-

того знаменитый итальянскій критикъ Франческо де-Санктисъ видитъ несомнѣнные слѣды вліянія Байрона. Но если въ силу указанныхъ обстоятельствъ байронизмъ оказалъ сравнительно незначительное вліяніе на характеръ итальянской поэзіи, нигдѣ за то личность англійскаго поэта не была такъ популярна, какъ въ Италіи. Долговременное пребываніе Байрона въ Италіи, его высокопоэтическія описанія Рима и Венеціи, его сочувствіе дѣлу итальянской свободы, наконецъ, его роскошная, загадочная, фантастическая жизнь въ Венеціи—все это создало вокругъ его личности ореолъ, до сихъ поръ не совсѣмъ поблекшій. До сихъ поръ въ Венеціи живо воспоминаніе о немъ, до сихъ поръ гондольеръ укажетъ вамъ на Canale Grande pallazzo, гдѣ жилъ Байронъ, и при этомъ не преминетъ сообщить нѣсколько слышанныхъ имъ отъ отца или дѣда анекдотовъ о щедрости и эксцентричности англійскаго поэта.

Мнѣ еще остается сказать нѣсколько словъ о судьбѣ поэзіи Байрона въ нашемъ отечествѣ. Нашъ байронизмъ есть явленіе своеобразное, во многомъ отступающее отъ своего источника. И у насъ, какъ и на Западѣ Европы, къ поэзіи привились далеко не всѣ составные элементы байронизма. Политико-соціальная основа поэзіи Байрона, не имѣвшая корней въ самой жизни, была у насъ понята весьма немногими и оставила мало слѣдовъ въ литературѣ; байроновскій индивидуализмъ, апофеозъ личности въ борьбѣ ея съ обществомъ, превратилъ у насъ въ обожаніе собственной личности и презрительное отношеніе ко всякой чужой; перенесенное на русскую почву байроновское разочарованіе совершенно лишилось своего трагическаго характера и было понято весьма односторонне, какъ слѣдствіе жизненнаго пресыщенія. Видоизмѣненный такимъ образомъ байронизмъ оказалъ немалое вліяніе не только на поэзію, но и на нравы нашей интеллигентной молодежи двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Москвичи въ Гарольдовыхъ плащахъ,—какъ ихъ мѣтко окрестилъ Пушкинъ,—вдуръ ни съ того, ни съ сего почувствовали не-

понятное презрѣніе къ обществу, ни въ чемъ передъ ними неповинному; непризнанныя природы стали относиться пренебрежительно къ общественной нравственности и освященнымъ вѣками обычаямъ и считали такое отношеніе признакомъ высшей породы. Всѣ эти видоизмѣненія байронизма могли только уронить въ глазахъ общества значеніе поэтическаго направленія, которое, взятое въ цѣломъ, дѣйствовало во всякомъ случаѣ благотворно, внося въ литературу массу новыхъ идей, чувствъ и поэтическихъ образовъ, поднимая нравственное достоинство человѣка, возбуждая въ немъ энтузіазмъ къ дѣлу свободы и ненависть къ насилію и всякаго рода соціальной неправдѣ. Знакомство русскаго общества съ поэзіей Байрона началось только за нѣсколько лѣтъ до смерти великаго поэта. Въ то время какъ вся Европа давно уже зачитывалась его произведеніями и съ страстнымъ участіемъ слѣдила за его судьбой, мы имѣли о немъ и о его поэзіи довольно смутное понятіе, да и то съ чужихъ словъ. Первые переводы изъ Байрона появляются въ русскихъ журналахъ не ранѣе 1819 г. Съ этихъ поръ интересъ къ его поэзіи видимо растетъ. Въ «Вѣстникѣ Европы», «Сынѣ Отечества» и другихъ журналахъ то и дѣло попадаются переводы изъ Байрона. Каченовскій, не знавшій англійскаго языка, спѣшитъ удовлетворить любознательность своихъ подписчиковъ, печатавъ въ «Вѣст. Евр.» свои неуклюжіе переводы отдѣльныхъ произведеній Байрона съ французскаго. Гяндичъ, Ротченъ и другіе переводятъ «Еврейскія Мелодіи», а въ 1821 г. отецъ русскаго романтизма Жуковскій, лично не симпатизировавшій Байрону и даже, по свидѣтельству А. И. Тургенева, дремавшій надъ нимъ, тѣмъ не менѣе увлеченный общимъ потокомъ, издаетъ, хотя и съ нѣкоторыми смягченіями и сокращеніями, свой переводъ «Шильонскаго Узника». Наибольшій энтузіазмъ возбуждала поэзія Байрона въ либеральномъ кружкѣ русскихъ поэтовъ, во главѣ котораго стояли кн. Вяземскій и Пушкинъ. Вяземскій, жившій въ началѣ двадцатыхъ годовъ въ Варшавѣ, по словамъ Тур-

гелева, бредилъ Байрономъ и переводилъ его мелкія стихотворенія, а сосланный на югъ Россіи Пушкинъ, по его собственному признанію, буквально сходилъ съ ума отъ Байрона; онъ подражалъ англійскому поэту въ привычкахъ и образѣ жизни и, впадая подъ вліяніемъ чтенія Байрона въ мрачное настроеніе, давалъ ему исходъ въ мелкихъ стихотвореніяхъ. Таковы его стихотворенія «Погасло дневное свѣтило» и «Я пережилъ свои желанья», оба написанныя на югѣ Россіи въ 1820 и 1821 г. Смерть Байрона вызвала въ либеральномъ кружкѣ русскихъ поэтовъ самое живое и неподдѣльное сожалѣніе. Рылѣевъ, Кюхельбекеръ и вп. Вяземскій излили свое горе въ отдѣльныхъ стихотвореніяхъ. Благодаря любезности нашего сочлена, В. Е. Якушкина, я могу привести вамъ двѣ строфы изъ до сихъ поръ неизданной элегіи Рылѣева. Стихотвореніе это, помимо глубокаго чувства, замѣчательно тѣмъ, что въ немъ прекрасно понята политико-соціальная основа поэзіи Байрона. Изображая горе греческаго народа, лишившагося своего мужественнаго защитника, поэтъ восклицаетъ:

„Рыдая, вкругъ его кипить
Толпа шумящаго народа —
Какъ будто въ гробъ томъ свобода
Воскресшей Греціи лежитъ.
Какъ будто цѣпи вѣковыи
Готовы вновь тягчить ес,
Какъ будто идутъ на нее
Султанъ и грозная Россія.
Царица гордая морей!
Гордись не силою гигантской,
Но прочной славою гражданской
И доблестью твоихъ дѣтей.
Парящій умъ, свѣтило вѣка,
Твой сынъ, твой другъ и твой поэтъ,
Увянуль Байронъ въ цвѣтъ лѣтъ
Въ святой борьбѣ за вольность грека.

Не послѣднимъ былъ въ выраженіи этого общаго горя русской поэзіи и Пушкинъ. Есть трогательное преданіе, что, получивъ извѣстіе о смерти своего любимаго поэта,

Пушкинъ, по русскому обычаю, отслужилъ панихиду по рабѣ Божьемъ Георгіи. Вся Россія знаетъ наизусть тѣ чудныя строфы, которыя посвящены памяти Байрона въ стихотвореніи «Къ морю», гдѣ Пушкинъ называетъ англійскаго поэта властителемъ нашихъ думъ, пѣвцомъ, оплаканнымъ самой свободой. Что до вліянія Байрона на Пушкина, то оно оказывается далеко не такъ значительнымъ, какъ можно было ожидать, не говоря уже о томъ, что оно продолжалось не болѣе трехъ—четырехъ лѣтъ. Слѣды вліянія Байрона можно отыскать въ нѣкоторыхъ мелкихъ стихотвореніяхъ и въ юношескихъ поэмахъ Пушкина. Съ особенной силой оно проявляется въ «Цыганахъ», которыми и оканчивается краткій байроническій періодъ пушкинскаго творчества. Здѣсь не только встрѣчаются отдѣльные мотивы байронизма, но—что гораздо важнѣе—самый типъ героя сложился подъ вліяніемъ Байрона. Въ Алеко нѣтъ ничего русскаго, да и вообще въ немъ нѣтъ никакой національной окраски. Онъ появляется неизвѣстно откуда и неизвѣстно куда пойдетъ. Какъ явленіе русской жизни, онъ необъяснимъ, но онъ прекрасно объясняется какъ явленіе литературное, какъ родственное героямъ Байрона воплощеніе гордости и мятежнаго протеста противъ устарѣвшаго общественнаго устройства, основаннаго на торжествѣ насилія, предразсудковъ и преклоненія передъ золотымъ тельцомъ. Самостоятельность Пушкина проявилась здѣсь не въ созданіи типа, но въ знаменательномъ критическомъ отношеніи къ нему, въ его осужденіи устами старика-цыгана. Когда друзья Пушкина, переведеннаго лѣтомъ 1824 г. изъ Одессы въ деревню, узнали, что онъ трудится надъ поэмой въ байроническомъ родѣ, подъ которой разумѣлся «Евгеній Онѣгинъ», они пришли въ сильное безпокойство. «Пушкинъ, — писалъ ему Рылѣевъ, — ты приобрѣлъ уже въ Россіи пальму первенства; ты можешь быть нашимъ Байрономъ, но ради Бога, ради Христа, ради твоего любезнаго Магомета—не подражай ему! Твое огромное дарованіе, твоя пылкая душа, могутъ вознести тебя до Байрона, оставивъ Пушкинымъ».

Опасенія друзей Пушкина были, впрочемъ, напрасны, ибо Байронъ въ это время уже утратилъ надъ нимъ прежнее обаяніе. Въ это время Пушкинъ увлекался Шекспиромъ, передъ которымъ его недавній кумирь (какъ драматургъ) казался ему ничтожнымъ. Непродолжительность и сравнительная слабость вліянія Байрона на Пушкина зависѣла, по моему мнѣнію, въ значительной степени отъ того, что ихъ художественные темпераменты были совершенно различнаго закала. Байронъ, если можно такъ выразиться, былъ человѣкъ фанатическаго темперамента; онъ не зналъ середины ни въ ненависти, ни въ любви; онъ считалъ малодушіемъ дѣлать малѣйшія уступки тому, что было противно его убѣжденіямъ. Напротивъ того, Пушкинъ былъ натура уравновѣшенная, гармоническая, въ которой уживались и взаимно сглаживались самыя противоположныя стремленія и симпатіи. Уступая англійскому поэту въ глубинѣ мысли, картинности описаній, силѣ лирическаго полета, Пушкинъ далеко превосходитъ его чувствомъ мѣры, художественной простоты и жизненной правды. Онъ не могъ подняться до высоты политическаго энтузіазма Байрона, но за то не могъ спуститься въ мрачныя бездны байроновскаго пессимизма и меланхоліи. Сосредоточенная скорбь, демоническая гордость, мрачное отчаяніе, непримиримая ненависть никогда не могли привиться къ его мягкой, свѣтлой и гармонической натурѣ, способной сохранить въ самомъ пылу увлеченія трезвость ума и мѣру въ сужденіяхъ. Разница художественныхъ темпераментовъ обоихъ поэтовъ всего яснѣе обнаружилась въ ихъ отношеніяхъ къ Наполеону. Съ уничтожающей ироніей относится Байронъ къ развѣнчанному завоевателю, называетъ его презрѣннымъ ничтожествомъ, злымъ духомъ для человечества. Ненависть его къ поработителю народовъ не смягчается ни мыслью объ его гениі, ни воспоминаніемъ о разразившемся надъ нимъ ударѣ судьбы, сразу низвергнувшемъ его съ высоты величія въ бездну ничтожества. Не такъ смотритъ на недавняго врага Россіи Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи «Наполеонъ», написанномъ въ

1821 году. т. е. эпоху самаго сильнаго увлеченія гениемъ Байрона. Великодушно забывая все зло, сдѣланное міру Наполеономъ, нашъ поэтъ не позволяетъ себѣ никакого злорадства, не издѣвается надъ развѣнчаннымъ величіемъ, находитъ, что все его воинственные замыслы и стяжанья искуплены

Тоскою душнаго изгнанья
Подъ снѣго чуждою небесъ

и въ заключеніе приглашаетъ путника начертить слово примиренья на надгробномъ камнѣ Наполеона и заранѣе осуждаетъ всякаго, кто позволилъ себѣ невеликодушно издѣваться надъ его памятью.

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь.

Подъ вліяніемъ находившихъ на него мрачныхъ минутъ, Байронъ высказываетъ иногда такіа безотрадныя пессимистическія возрѣнія на жизнь, которыя мы можемъ найти развѣ только у Леопарди или г-жи Аккерманъ. «Сочти радостныя часы твоей жизни, перечисли дни свободные отъ нравственныхъ страданій и убѣдишься, что тебѣ можетъ быть было бы лучше совсѣмъ не существовать». Зналъ такіа минуты и Пушкинъ, но его свѣтлая натура не допускала пессимизму всецѣло овладѣть имъ, и какъ ни горька была ему подчасъ печаль прошедшихъ дней, но онъ не жалѣетъ о томъ, что живетъ, не жаждетъ уничтоженія, но хочетъ жить хоть бы для того, чтобы мыслить и страдать, и питаетъ надежду, что жизнь дастъ ему немало утѣшенья

Срель горестей, заботъ и тревоженья.

Приведенные примѣры, надѣюсь, доказываютъ, что въ силу коренной разницы въ поэтическихъ темпераментахъ, Пушкинъ никогда не могъ проникнуться вполне байроновскимъ міросозерцаніемъ, что даже въ пору увлеченія поэзіей Байрона онъ всегда счумѣлъ остаться самимъ со-

бою. Весьма возможно, что именно въ силу большого сродства поэтическихъ темпераментовъ, поэзія Байрона имѣла гораздо болѣе значительное вліяніе на другого нашего великаго поэта, на Лермонтова. Увлеченіе Байрономъ овладѣло Лермонтовымъ еще на школьной скамьѣ. Ученическія тетради Лермонтова, составляющія драгоцѣнный матеріалъ для его біографіи, наполнены подражаніями и передѣлками изъ разныхъ поэтовъ, между прочимъ, изъ Пушкина, Гёте, Шиллера и Байрона. Просматривая ихъ, нельзя не замѣтить, что вліяніе Байрона мало-помалу дѣлается преобладающимъ: седьмая тетрадь почти на половину наполнена выписками изъ Байрона, переводами и подражаніями ему. Тутъ-же мы встрѣчаемъ весьма любопытное стихотвореніе, въ которомъ 16-ти-лѣтній Лермонтовъ, прочитавъ біографію Байрона, написанную Т. Муромъ, сопоставляетъ себя съ своимъ кумиромъ:

Я молодъ, но кипятъ на сердцѣ звуки
И Байрона достигнуть я бъ хотѣлъ:
У насъ одна душа, одинъ и тѣ же муки,
О, еслибъ одинаковъ былъ удѣлъ!
Какъ онъ, ищу забвенья и свободы,
Какъ онъ, въ ребячествѣ пылалъ уже душой,
Любилъ закатъ въ горахъ, пнящіяся воды
И бурь земныхъ и бурь небесныхъ вой.
Какъ онъ, ищу спокойствія напрасно,
Гонимъ повсюду мыслию одной
Гляжу назадъ—прошедшее ужасно,
Гляжу впередъ—тамъ нѣтъ души родной.

Увлеченіе Байрономъ продолжалось и впоследствии, и большинство написаннаго Лермонтовымъ носить на себѣ печать байронова генія. Пушкинъ въ одномъ мѣстѣ справедливо замѣтилъ, что герои Байрона всѣ на одно лицо, потому что онъ всюду изображалъ самого себя. Изъ произведеній Байрона Лермонтовъ извлекъ этотъ титанически гордый, неукротимый и тоскующій характеръ и сдѣлалъ его подъ разными именами героемъ своихъ произведеній. Вслѣдствіе большого сродства своего поэтического темперамента съ темпераментомъ Байрона, нѣкоторыя стороны

байронизма, какъ то: отрицаніе, гордость возмущившейся противъ общества личности и байроновская меланхолія были поняты Лермонтовымъ глубже, чѣмъ Пушкинымъ. Несмотря однакожь на то, что вліяніе Байрона на Лермонтова продолжалось до самой смерти нашего поэта, его ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать слабымъ осколкомъ Байрона, какъ назвалъ его въ одномъ мѣстѣ кн. Вяземскій. Лермонтовъ обладалъ слишкомъ могучимъ и самостоятельнымъ талантомъ, чтобы осудить себя на одно подражаніе. Байронъ былъ для него, какъ и для Пушкина, только школой, только необходимой ступенью для достиженія самобытности. Масса лирическихъ стихотвореній свидѣтельствуетъ о необычайномъ ростѣ его могучаго таланта. Подражая складу русскихъ народныхъ былинъ, онъ создаетъ неподражаемую по своей оригинальности пѣсню про купца Калашникова; подражая Евгенію Онѣгину, онъ въ «Героѣ нашего времени» кладетъ основы русскаго психологическаго романа. Было бы интересно прослѣдить подробнѣе отношеніе Байрона къ Лермонтову и къ послѣдующимъ поэтамъ, у которыхъ иногда мелькаютъ то тамъ, то сямъ искры байронизма; но это вопросъ спеціальнѣйшій, требующій спеціальнаго разсмотрѣнія.

Заняться имъ теперь было бы неумѣстно въ виду цѣли настоящаго засѣданія. На литературныхъ поминкахъ по Байронѣ мысль наша невольно обращается отъ планетъ къ стоящему посреди ихъ солнцу. Въ IV пѣсни «Чайльдъ-Гарольда», измученный клеветой и злобными инсинуаціями критики, Байронъ взываетъ къ потомству и высказываетъ пророческую надежду, что его произведенія не будутъ забыты, что бессмертное дыханіе его таланта расплавитъ желѣзные сердца людей и наполнитъ ихъ душу состраданьемъ къ его судьбѣ. Первая половина этого пророчества давно уже приобрѣла всемірное значеніе, и опредѣленіе вліянія этого гениа на европейскія литературы давно сдѣлалось предметомъ тщательнаго изученія. Мы глубоко увѣрены, что скоро исполнится и вторая часть его пророчества; по крайней мѣрѣ относительно Россіи она ис-

полняется во-очію. Ваше присутствіе въ такомъ количествѣ на настоящемъ засѣданіи служить новымъ подтвержденіемъ того, что русская публика привыкла видѣть въ Байронѣ нѣчто родное, что имя его, тѣсно связанное съ дорогими именами Пушкина и Лермонтова, вѣчно будетъ вызывать въ ней одно свѣтлое и благодарное воспоминаніе.

БАЙРОНЪ И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

I.

Когда вы войдете въ музей Торвальдсена въ Копенгагенѣ, первымъ скульптурнымъ произведеніемъ, которое по правую руку бросится въ глаза, будетъ мраморный бюстъ красиваго молодого человѣка съ тонкими, благородными чертами лица, съ чудными кудрями, бюстъ лорда Байрона. Такой же бюстъ, но только гипсовый, вы увидите и въ залѣ № XII; бюстъ этотъ по смерти Байрона послужилъ моделью для его статуи, которую вамъ не трудно будетъ отыскать въ залѣ № XIII. Если вы остановитесь передъ гипсовымъ бюстомъ, который внѣ всякаго сравненія стличается наибольшою выразительностью, то прежде всего вы будете поражены изяществомъ и осмысленностью его красоты, а затѣмъ жизнью, которая запечатлѣна въ немъ, и въ особенности тревожными думами, расположившимися на его челѣ, подобно тучамъ, вотъ-вотъ готовымъ разразиться страшною грозою, и, наконецъ, мощною, подавляющею силою взгляда. Чело это носить на себѣ печать непоколебимой энергіи.

Если подумать о разницѣ въ характерахъ Байрона и Торвальдсена и припомнить при этомъ, что послѣдній, по всему вѣроятію, во всю жизнь не прочелъ ни единой строки англійскаго поэта, и Байронъ представлялся Торвальдсену далеко не въ выгодномъ свѣтѣ, то нельзя не подивиться результату встрѣчи этихъ двухъ великихъ людей. Правда, бюстъ, какъ копія съ лица Байрона слабъ и несовершененъ, но за то онъ передаетъ правдиво и прекрасно одну изъ преобладающихъ чертъ байроновскаго

характера, которая такъ далеко была отъ торвальдсеновской: область, въ которой Торвальдсенъ былъ дѣйствительно великъ, — идиллія; когда онъ изображаетъ въѣздъ Александра въ Вавилонъ, то пастухи, овцы, рыбаки, дѣти и женщины, вся обстановка торжественной процессіи удаются ему несравненно лучше, нежели самъ герой; героическое не всегда по плечу Торвальдсену; не его дѣло и изображеніе проявленій мятежнаго духа въ той сложной, новѣйшей формѣ, которую назвали демонической. И все-таки онъ прекрасно понялъ духъ Байрона. Своимъ бюстомъ онъ воздвигъ поэту памятникъ, который, правда, не пришелъ по вкусу ни графинѣ Гвигчиоли (Guiccioli), ни Томасу Муру, тѣмъ не менѣе вполне достоинъ и поэта, и художника. Знаю послѣдній Байрона лично, произведеніе его, навѣрное, больше выиграло бы и лучше передавало бы тотъ открытый, пріятный характеръ, который такъ очаровывалъ всѣхъ, кто былъ знакомъ съ поэтомъ. Но этого-то и нѣтъ въ бюстѣ. Какъ бы то ни было, датскому художнику вполне удалось подъ мрачнымъ выраженіемъ, которое онъ придалъ бюсту, по его признанію, совершенно случайно, воспроизвести реальное, глубоко своеобразное выраженіе скорби, тревоги, гениальной мысли, благородной и страшной силы.

Несомненно, что это — тотъ самый Байронъ, какимъ его знали по музею и съ которымъ выросло прежнее поколѣніе; но, не смотря на это, относительно бюста упорно держался анекдотъ о посѣщеніи поэтомъ мастерской Торвальдсена и восклицаніи его, что онъ хотѣлъ бы казаться менѣе несчастнымъ *), и всѣ невольно дивились, что такой великій человѣкъ не могъ быть вполне естественнымъ. Такимъ образомъ, уже съ самаго начала мы стали къ Байрону въ неестественныя, ложныя отношенія. Въ подобныя странныя отношенія стало къ нему и новое поколѣніе въ теченіе послѣдняго пятидесятилѣтія, протекшаго со смерти поэта. Онъ слишкомъ далекъ отъ того, чтобы

*) Thiele: Thorwaldsen in Rom. Bd. I, 342.

быть героемъ нашихъ дней. Все, что такъ интересовало въ немъ нашихъ дѣдушекъ и бабушекъ, и интересовало ихъ даже болѣе, чѣмъ его поэтическій геній, все это отвергнуто нынѣшнимъ поколѣніемъ. Нынѣшнее поколѣние уже не интересуется ни легендами о немъ, ни многочисленными преданіями, которыя связаны съ исторіей его жизни и мѣшаютъ безпристрастно взглянуть на нее; для него поэтъ уже не театральнй герой, галстукъ котораго служилъ моделью для всѣхъ франтовъ, не романическій герой, никогда не разстававшійся съ своими пистолетами, герой, любовныя похождения котораго были не менѣе извѣстны, чѣмъ его произведенія, не тотъ, наконецъ, аристократъ, громкій титулъ котораго былъ такъ дорогъ ему, но, увы! уже не производилъ импонирующаго дѣйствія на его демократическое потомство. Нашъ практическій положительный вѣкъ невысоко ставитъ человѣка, считавшаго за честь быть Байрономъ, въ житейскихъ же дѣлахъ бывшаго дилеттантомъ. Для него было дѣломъ чести заниматься своимъ искусствомъ только въ качествѣ любителя и диллетанта. Въ предисловіи къ своимъ первымъ стихотвореніямъ, молодой поэтъ замѣчаетъ, что его положенія и стремленія становятся крайне неправдоподобными, и что онъ никогда болѣе не возьмется за перо. Въ апрѣлѣ 1814 года, находясь уже на вершинѣ славы, которую создали ему его первыя поэтическія произведенія, онъ рѣшается болѣе не писать и написанное имъ раньше уничтожить. Спустя мѣсяць, онъ пишетъ «Лару», и когда Джефри замѣчаетъ, что характеръ героя обработанъ очень старательно, онъ (въ одно изъ писемъ 1822 года) говоритъ: «Что подразумѣваютъ рецензенты подъ выраженіемъ: «старательно обработанъ»? Лару писалъ я, раздѣваясь по возвращеніи съ карнаваловъ и маскарадовъ 1814 года, на которые я такъ любилъ ходить». Отсюда легко видѣть, что онъ особенно подчеркивалъ небрежность своего творчества и отсутствіе плана—неизбѣжное послѣдствіе этой небрежности: прежде всего, ему хотѣлось быть свѣтскимъ человѣкомъ и не поэтомъ по профессіи, а дилеттантомъ

въ поэзіи, чего не позволялъ ему его геній. Стараюсь всѣми силами казаться дилеттантомъ въ своей области, гдѣ онъ никогда не могъ имъ быть, и не отдавая, къ великому нашему сожалѣнію, должнаго своему таланту, онъ, напротивъ, былъ чистѣйшимъ дилеттантомъ на томъ поприщѣ, гдѣ ему этого отнюдь не хотѣлось, а именно— въ политикѣ. Сколько ни выказывалъ онъ практическаго смысла, выступая на политическое поприще, политикою его, собственно говоря, руководила только жажда приключеній, безразлично: принималъ ли онъ участіе въ заговорѣ карбонаріевъ въ Равеннѣ, или стоялъ во главѣ суліотовъ въ Миссолунги. Такъ, едва порѣшивъ ѣхать въ Грецію, онъ, прежде всего, позаботился о томъ, чтобы заказать для себя и своихъ товарищей золоченые шлемы съ аристократическими девизами. Политикъ нашего времени это, —человѣкъ, который имѣетъ опредѣленный планъ дѣйствій, твердо придерживается его, годъ изъ году развиваетъ и, наконецъ, выполняетъ съ твердостью и энергіей поистинѣ геройскими, отнюдь не прибѣгая при этомъ къ какимъ-нибудь внѣшнимъ атрибутамъ. Наконецъ, цѣлый рой байроновскихъ поклонниковъ и подражателей сталъ между нимъ и нами, и образъ великаго человѣка помрачился, и впечатлѣніе отъ него потускнѣло. Ему приписывали ихъ качества и ставили въ вину ихъ ошибки. Съ наступленіемъ въ литературѣ реакціи противъ тѣхъ, которые вполнину или совсѣмъ ложно понимали его, противъ людей, разбитыхъ жизнью, разочарованныхъ и интересничавшихъ, имя великаго поэта, вмѣстѣ съ именами его подражателей, звѣзда которыхъ уже угасла, было отодвинуто на задній планъ, хотя и заслуживало лучшей участи.

Джорджъ Гордонъ Байронъ родился 22 января 1788 года отъ страстной и несчастной матери, которая не долго передъ тѣмъ разошлась съ своимъ грубымъ, безпутнымъ мужемъ, капитаномъ Байрономъ, долгое время служившимъ въ Америкѣ гвардейскимъ офицеромъ; за свою безшабашную, разгульную жизнь въ молодости этотъ

капитанъ былъ всюду извѣстенъ подъ именемъ «сумасброднаго Джэка Байрона». За увозъ жены маркиза Кармартена (Carmarthen) капитанъ былъ привлеченъ къ суду; дѣло кончилось разводомъ, и онъ женился на маркизѣ. Проматавъ состояніе жены, онъ обращался съ нею такъ грубо, что та вскорѣ умерла отъ горя. Затѣмъ, вмѣстѣ съ своей маленькой дочерью, онъ отправился въ Англію и, единственно изъ денежныхъ расчетовъ, женился на богатой шотландской наслѣдницѣ, миссъ Катаринѣ Гордонъ, впоследствии матери того ребенка, слава котораго гремитъ теперь по всему міру. Почти тотчасъ-же послѣ женитьбы, капитанъ Байронъ началъ точно такъ-же распорядиться состояніемъ своей второй жены, какъ первой, и черезъ годъ, отъ ея 24,000 фунтовъ стерлинговъ оставалось всего 3,000. Она покинула его во Франціи и родила въ Лондонѣ свое первое и единственное дитя. При рожденіи нога дитяти была вывихнута или повреждена.

Черезъ два года, мать съ ребенкомъ перебрались въ Шотландію, въ Эбердинъ, куда повременамъ, отдыхая отъ своихъ кутежей, заглядывалъ и капитанъ Байронъ, въ надеждѣ выманить у жены послѣдніе гроши. Миссисъ Байронъ зачастую принимала его очень радушно; посѣщенія становились все чаще и чаще; наконецъ, чтобы избѣгнуть преслѣдованій докучливыхъ кредиторовъ, онъ вынужденъ былъ бѣжать во Францію, гдѣ вскорѣ и умеръ. Когда извѣстіе о его смерти дошло до жены, которая никогда не переставала его любить, она до того огорчилась, что рыданія ея огласили всю улицу. У обоихъ родителей Байрона мы встрѣчаемъ одну общую характерную черту, которая выразилась у нихъ только не въ одинаковой степени и формѣ,—необыкновенную страстность, соединенную съ значительнымъ недостаткомъ самообладанія.

Обращаясь къ восходящимъ линіямъ, мы найдемъ у предковъ обоихъ семействъ одни и тѣ-же черты: у родственниковъ матери—попытки самоубійства и отравленія, у родственниковъ отца—геройскую храбрость и какую-то дикость въ образѣ жизни. Дѣдъ Байрона съ отцовской

стороны, адмиралъ Джонъ Байронъ, извѣстный вездѣ подъ именемъ смѣлаго Байрона, «hardy Byron», принималъ участіе въ морской войнѣ съ испанцами и французами, плавалъ по Тихому океану съ цѣлью открытій, объѣхалъ вокругъ земнаго шара, испыталъ массу опасностей, приключеній и кораблекрушеній. Такъ какъ у него ни одно путешествіе не обходилось безъ страшныхъ бурь, то матросы дали ему кличку «foul-weather-Tack». Байронъ сравниваетъ свою судьбу съ судьбой этого родственника. У брата послѣдняго, дѣда Вилліама, характерныя родовыя черты тоже ясно выступаютъ наружу. Это былъ развращенный забіяка, убившій ни съ того, ни съ сего, на дуэли безъ секундантовъ, своего сосѣда Чэворта (Shaworth). Только благодаря своему англійскому перству, удалось ему избѣгнуть должной кары за намѣренное убійство; онъ поселился теперь въ своемъ Ньюстедскомъ аббатствѣ и жилъ тамъ, избѣгаемый всѣми, какъ прокаженный. Домашніе ненавидѣли его; супруга покинула; суевѣрные деревенскіе жители рассказывали самыя отвратительныя исторіи о совершенныхъ имъ будто-бы убійствахъ.

Безпокойная кровь текла въ жилахъ поэта, но кровь эта за то была старинною, аристократическою кровью. Съ материнской стороны онъ находился въ родствѣ съ Стюартами и могъ довести свой родъ до короля Іакова II. Съ отцовской стороны происходилъ онъ (все-же единственный незаконный сынъ въ родовомъ деревѣ—обстоятельство, о которомъ самъ Байронъ никогда не упоминаетъ) отъ древняго норманнскаго дворянскаго рода, одинъ изъ предковъ котораго, извѣстный Радульфъ де-Бурунъ, принималъ участіе въ завоеваніи Англии норманнами. Такъ какъ упомянутый дѣдушка лишился своего единственнаго сына, а затѣмъ, въ 1794 году, и своего единственнаго внука, то представлялась возможность, что его ньюстедское имѣніе, а вмѣстѣ съ нимъ и пэрскія права и титулъ, должны будутъ перейти къ ребенку, котораго онъ въ глаза не видалъ и котораго обыкновенно называлъ «мальчикомъ, живущимъ въ Эбердинѣ».

Хромой малютка росъ, такимъ образомъ, съ блестящею перспективою впереди. Гордъ и упрямъ былъ онъ отъ природы. Когда его еще совсѣмъ маленькаго побраили за то, что онъ запачкалъ свое новое платье, онъ, не говоря ни слова, блѣдный, какъ смерть, вцѣпился себѣ въ грудь обѣими руками и въ припадкѣ ярости (впослѣдствіи перѣдкомъ) разорвалъ на себѣ платье сверху до низу. Воспитаніе, данное ему матерью, носило такой характеръ: то она осыпала ребенка всевозможной бранью, то расточала всевозможныя ласки, то обвиняла его въ несправедливостяхъ, которыя причинялъ ей отецъ, то попрекала уродствомъ. Она больше всѣхъ виновата въ томъ, что это уродство съ самыхъ юныхъ лѣтъ набросило мрачную тѣнь на душу ребенка. Не разъ мать въ глаза называла его уродомъ. Отъ ортопедическихъ машинъ и биптованій дѣло нисколько не улучшалось; нога болѣла, и мальчику нужно было много усилій, чтобы скрыть боль и хромоту. Подчасъ онъ рѣшительно не выносилъ ни малѣйшихъ намековъ на свой недостатокъ, подчасъ же съ горькимъ юморомъ самъ подсмѣивался надъ своей «косой лапой».

Не отличаясь большимъ прилежаніемъ въ школѣ, ребенокъ едва научился читать, какъ съ жаромъ принялся за историческія сочиненія и въ особенности за путешествія. Такимъ образомъ, его страстному стремленію на востокъ было положено начало еще въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Онъ самъ говоритъ, что не имѣя еще и 10 лѣтъ отъ роду, онъ прочелъ болѣе десятка большихъ книгъ о Турціи, кромѣ того, нѣсколько путешествій и арабскія сказки. Излюбленнымъ романомъ мальчика былъ «Зелуко», Джона Мура, герой котораго, вслѣдствіе дурнаго воспитанія, полученнаго отъ матери, и послѣ смерти отца, предается всевозможнѣйшимъ прихотямъ своей фантазіи, а характеръ его, въ концѣ концовъ, становится «такъ же легко воспламенимъ, какъ ружейный порохъ». Ребенокъ видѣлъ себя, какъ въ зеркалѣ, въ этомъ героѣ романа, напоминающемъ Вилльяма Лоуэлла. Между особенностями,

игравшими впоследствии решающую роль в жизни поэта, страстное влечение к женщинам уже началось с самого раннего детства. Всего еще пяти лет от роду, он до такой степени влюбился в маленькую девочку Марию Дефъ, что был как громом пораженъ, когда однажды, одиннадцать лет спустя, услышалъ объ ея замужествѣ.

Къ гордости, страстности, меланхолии и фантастической жадѣ путешествій присоединилась еще очень важная характеристическая черта—пламенная любовь къ истинѣ, наивная правдивость, сказавшаяся еще в детствѣ того, кому выпало на долю бороться съ общественнымъ лицемеріемъ въ Европѣ. Его склонность противорѣчить была только одною изъ формъ его любви къ истинѣ. Слѣдующій анекдотъ изъ его детства доказываетъ, какъ горячо онъ любилъ правду. Разъ нянька взяла его въ театръ на «Укрощеніе строптивой» Шекспира, и когда актеры дошли до той сцены, гдѣ Катарина говоритъ: «Это мѣсяць», а Петручіо, чтобы укротить ее, возражаетъ: «Э! Да какъ же ты завираешься, это—солнышко красное», мальчикъ, возмущенный неправдою, вскочилъ съ мѣста и крикнулъ актеру: «А я говорю вамъ, милостивый государь, что это—мѣсяць».

Когда Джорджу минуло десять летъ, его дѣдъ умеръ. Первымъ движеніемъ мальчика было бѣжать къ матери и спросить ее, не замѣтила ли она въ немъ какойнибудь перемѣны, такъ какъ онъ теперь сталъ лордомъ. Когда на другой день въ школѣ перекликали учениковъ и къ его имени, къ общему удовольствію товарищей, былъ прибавленъ титулъ *dominus*, онъ до того былъ растроганъ, что залился слезами и не могъ произнести обычнаго *adsum*.

Осенью 1798 года миссисъ Байронъ отправилась съ своимъ маленькимъ сыномъ въ Ньюстедъ. Когда они подъѣхали къ шоссеиной заставѣ Ньюстедата, миссисъ Байронъ, дѣлая видъ, будто не знаетъ мѣстности, спросила женщину, подымавшую шлагбаумъ, кому принадлежитъ паркъ и замокъ. Женщина сказала, что послѣдній владѣлецъ

аббатства умерь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. — «А кто же его наслѣдникъ?» спросила она внѣ себя отъ радости. — «Да, должно быть, тотъ мальчуганъ, который живетъ въ Эбердинѣ».

Тогда нянька, у которой сидѣлъ на колѣняхъ маленький Байронъ, не могла сдержатъ себя отъ радости и торжественно воскликнула: «Вотъ онъ, вотъ онъ, и да благословить его Господь Богъ!»

Въ 1801 году, мальчика отдали въ школу въ Гарроу (Harrow), одну изъ англійскихъ національныхъ школъ, которыя такъ жаловала высшая аристократія. Преподаваніе греческаго и латинскаго яз. отличалось и сухостью, и педантизмомъ, и не имѣло особеннаго дѣйствія на Байрона, который обыкновенно находился въ крайне натянутыхъ отношеніяхъ съ своими учителями, заводя самую романтическую дружбу съ своими товарищами: «Моя школьная дружба», говоритъ онъ въ своемъ дневникѣ 1821 года, «была формальной страстью, ибо я всегда былъ очень неспокоенъ». Онъ всегда былъ великодушнымъ другомъ и защитникомъ слабыхъ. Когда однажды на Пия, вполсѣдствіи министра, напалъ одинъ изъ взрослыхъ товарищей и началъ его немилосердно колотить, Байронъ прервалъ расходившагося бойца просьбою удѣлить ему половину ударовъ, назначенныхъ его товарищу. Когда одинъ изъ младшихъ учителей обжогъ раскаленнымъ желѣзомъ руку маленькому лорду Гарту за то, что тотъ плохо поджарилъ ему хлѣбъ, и мальчикъ, когда дѣло дошло до разбирательства, наотрѣзъ отказался назвать имя виновнаго, то Байронъ пригласилъ его жить вмѣстѣ съ собою въ одной комнатѣ, обѣщая, что впредь ему некого будетъ бояться. «Я сталъ подъ его защиту», говоритъ лордъ Гортъ (см. Мемуары графини Гвичіоли (Guiccioli), и былъ крайне счастливъ, что приобрѣлъ такого добраго и великодушнаго начальника, который постоянно дарилъ мнѣ пирожки и всякія лакомства и снисходительно переносилъ всѣ мои ошибки...» Въ своихъ «Часахъ Досуга» Байронъ вспоминаетъ о школьной жизни въ прекрасныхъ стихахъ,

обращенныхъ къ своему любимому товарищу, герцогу Дорсету.

Когда Байронъ прїѣзжалъ на праздники домой, мать накидывалась на него со всею своею раздражительностью, не знавшею никакихъ предѣловъ; но вмѣсто того, чтобы трепетать отъ страха, онъ частенько не могъ удержаться отъ смѣху, видя эту слабость маленькой толстой женщины. Мало того, что она въ припадкѣ бѣшенства колодила всякую посуду, она иногда обращала своего сына въ бѣгство, преслѣдуя его со шипцами или ножемъ въ рукахъ *).

Вообразите себѣ, послѣ одной изъ подобныхъ сценъ, появленіе молодой бѣлокурой дѣвушки, однимъ взглядомъ усмиравшей упрямаго мальчика, и вамъ представится живая картина, вѣроятно, не разъ происходившая въ замкѣ Аннеслей, въ семействѣ Чэвортсъ (предокъ этой семьи былъ убитъ на дуэли дѣдушкой Байрона Вилльямомъ), когда мать и сынъ гостили въ немъ, а юная миссъ Мэри Анна Чэвортсъ хоть на мгновенье останавливала свои глаза на Джорджѣ. Ей было семнадцать лѣтъ, ему пятнадцать. Онъ страстно любилъ ее и ревновалъ. На балахъ, гдѣ она блистала, ему, не принимавшему участія въ танцахъ, вслѣдствіе своей хромоты, приходилось съ болью въ сердцѣ смотрѣть, какъ ея станъ обвивали чужія руки. Наконецъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, ему удалось услышать, какъ, разговаривая съ горничной, наемкнувшей ей о Байронѣ и его видахъ на нее, она отвѣтила: «Неужели ты думаешь, что меня интересуетъ этотъ хромой мальчишка?» Онъ проглотилъ обиду и ретировался. Тридцать лѣтъ спустя, обливаясь слезами, написалъ онъ въ виллѣ Дюдати, на Женевскомъ озерѣ, свое стихотвореніе «Сонъ», которое говоритъ объ этой любви и служить доказательствомъ, какъ близко къ сердцу принялъ онъ это юношеское разочарованіе **).

*) Д'Израэли, весьма живо и правдоподобно изобразилъ въ своемъ романѣ „Венеція“ эти отношенія между матерью и сыномъ.

**) Крайне интересно, какъ мать, два года послѣ того, какъ

Отношенія между матерью и сыномъ ставились тѣмъ болѣе неестественными, чѣмъ съ большимъ спокойствіемъ и насмѣшкою относился Байронъ къ припадкамъ бѣшенства своей матери. Дѣло дошло до того, что однажды вечеромъ они оба отправились въ аптеку съ просьбой отпустить безвредной микстуры, если кто-нибудь изъ нихъ спроситъ себѣ яду. Угрожали-ли они другъ другу самоубійствомъ? Съ горькимъ юморомъ говоритъ молодой Байронъ въ своихъ письмахъ о прогулкахъ, благодаря которымъ онъ нерѣдко избѣгалъ домашнихъ сцена и о которыхъ онъ ни слова не говорилъ изъ страха, по его выраженію, «передъ обычными материнскими буйными завываніями».

Въ 1805 году Байронъ поступилъ въ Кэмбриджскій университетъ, гдѣ проводилъ свое время не столько въ занятіяхъ университетскими науками, сколько въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, которымъ онъ еще съ дѣтскихъ лѣтъ отдался съ особеннымъ жаромъ, чтобы какъ-нибудь загладить свой физическій недостатокъ. Ъзда верхомъ, плаванье, нырянье, стрѣльба, боксъ, игра въ крокетъ и попойки—вотъ искусства, которыя онъ считалъ своимъ священнымъ долгомъ изучить во всей полнотѣ. Въ немъ уже началъ немного проглядывать денди. Изъ одного мальчишескаго хвостоства ходилъ онъ обыкновенно гулять

Байронъ уже оставилъ всякую надежду, сообщила ему о томъ, что миссъ Чэвортсъ выходитъ замужъ. Она получила извѣстіе какъ разъ въ то время, когда у нея были гости. „Байронъ! сказала она сыну: у меня есть для тебя новость!“—Что такое?— „Достань себѣ платокъ, онъ тебѣ понадобится.“—Байронъ сдѣлалъ, что было ему приказано. Когда затѣмъ мать сообщила ему, что миссъ Чэвортсъ вышла замужъ, онъ быстро сунулъ платокъ въ карманъ и съ напускнымъ равнодушіемъ и холодною сказаль: „Только-то?“ въ то время, какъ лицо его страшно поблѣднѣло. На замѣчаніе матери, что это извѣстіе, какъ она полагала, причинитъ ему страшное горе, онъ ничего не отвѣчалъ и заговорилъ совсѣмъ о другомъ. Чѣмъ меньше находилъ онъ въ своей матери друга, съ которымъ могъ бы отвести душу, тѣмъ большую испытывалъ онъ необходимость повѣрить свои чувства и заботы бумагѣ.

въ сопровожденіи хорошенькой дѣвушки, которую одѣвалъ пажемъ и выдавалъ за своего младшаго брата *)); разъ даже онъ дошелъ до того, что подъ этимъ именемъ представилъ ее одной незнакомой дамѣ на водахъ въ Брайтонѣ.

Ньюстедское аббатство отдавалось въ наймы; лишь только наемщикъ оставилъ его, Байронъ не замедлилъ переселиться туда. Это—старинное готическое аббатство съ трапезною и кельями, заложенное еще въ 1170 году, обнесенное кругомъ стѣною, съ паркомъ, озеромъ и готическимъ колодцомъ на дворѣ. Здѣсь, вмѣстѣ со своими товарищами, наперекоръ всѣмъ правиламъ, онъ велъ самую безшабашную жизнь, отличавшуюся тѣмъ же характеромъ и оригинальностью, которые такъ часто встрѣчаются у гениальныхъ юношей, еще на вполнѣ сознавшихъ задачи и цѣли своего существованія. Вставали обыкновенно въ замкѣ часа въ два по-полудни, затѣмъ фехтовали, играли въ волакъ, стрѣляли изъ пистолетовъ, а послѣ обѣда къ великому ужасу богобоязненныхъ соседей, пили круговую изъ черепа, наполненнаго бургонскимъ виномъ. Черепъ этотъ, случайно вырытый садовникомъ и, вѣроятно, принадлежавшій какому-нибудь монаху, по нелѣпой прихоти Байрона, былъ оправленъ въ серебро и служилъ поэту и его товарищамъ вмѣсто чаши, когда они, изъ чистаго ребячества, одѣвались въ монашескія рясы и обвѣшивались четками и крестами **). Не слѣдуетъ, однако, смотрѣть на эту продѣлку съ черепомъ, какъ на юношескій цинизмъ, нерѣдко обнаруживаемый, на примѣръ, молодыми медиками. Характеръ, подобный Байроновскому, по всему вѣроятію, чувствовалъ мучительное наслажденіе, имѣя во время пирушки передъ глазами такое своеобразное *memento mori*. Въ стихахъ, которые Байронъ написалъ на кости, говорится, что прикосновеніе губъ человѣческихъ для мертвеца, во всякомъ

*) Гордона.

***) Теперешній владѣлецъ Ньюстеда изъ религіозныхъ побужденій велѣлъ похоронить этотъ черепъ.

случаѣ, менѣе противно, чѣмъ прикосновеніе червя. Однако, его странныя выходки отнюдь не вытекали изъ одного необузданнаго высокоумія. Имъ овладѣвала не только та грусть, которая такъ часто встрѣчается у выдающихся натуръ въ ихъ первой молодости, вслѣдствіе сознанія, что имъ, надѣленнымъ еще неиспытанными способностями и силами, предстоитъ стать лицомъ къ лицу съ труднѣйшими вопросами жизни,—ему присуща была еще меланхолія, вслѣдствіе его склада характера, воспитанія и его бурныхъ страстей. Изъ этого періода его жизни разсказываютъ два анекдота, отъ которыхъ біографы его обыкновенно приходятъ въ восторгъ. Первый касается его собаки.

Въ 1808 году, на могилѣ своей любимой собаки онъ сдѣлалъ въ высшей степени мизантропическую надпись, въ которой превозносилъ собаку на счетъ всего человечества и въ то-же время сдѣлалъ завѣщаніе (впослѣдствіи уничтоженное), въ которомъ высказывалъ желаніе быть похороненнымъ рядомъ съ этой собакой, своимъ единственнымъ другомъ. Другое свидѣтельство одиночества, испытаннаго имъ, относится къ тому, какимъ образомъ онъ отпраздновалъ день своего рожденія въ 1809 году. Въ этотъ день ему исполнился 21 годъ, и по англійскимъ законамъ онъ сдѣлался совершеннолѣтнимъ. День этотъ въ Англии считается величайшимъ торжествомъ; аристократія празднуетъ его танцами, иллюминаціей, фейерверкомъ и угощеніемъ всѣхъ фермеровъ. Байронъ былъ такъ бѣденъ, что только за лихвенные проценты могъ раздобыть денегъ, чтобы зажарить, по обычаю, цѣлаго быка и сдѣлать своимъ людямъ балъ. Ни ряда экипажей съ именитыми поздравителями не было видно у воротъ его замка 22-го января 1809 года, ни мать, ни сестра, ни опекунъ, ни кто-либо изъ родственниковъ не явились къ нему съ визитомъ, и онъ провелъ этотъ день въ одной изъ лондонскихъ гостинницъ. Въ одномъ изъ его писемъ за 1822 годъ говорится: «Развѣ я не разсказывалъ вамъ, какъ я въ день своего совершеннолѣтія ѣлъ за обѣдомъ

яичницу съ вядчиной и запиваль ее бутылочкой эля? Это мое любимое кушанье и мой любимый напитокъ. Но такъ какъ мой желудокъ не выноситъ ни того, ни другаго, то я позволяю себѣ эту роскошь только разъ въ четыре или пять лѣтъ, да и то по большимъ праздникамъ». Понятное дѣло, пріятнѣе быть богатымъ, чѣмъ бѣднымъ, и болѣе льститъ самолюбію, если приходится принимать всякія родственныя и неродственныя поздравленія, чѣмъ если чувствуешь себя въ полнѣйшемъ одиночествѣ, но въ сравненіи съ тѣми трудностями, лишеніями и униженіемъ, съ которыми приходится бороться каждому современному молодому плебею въ началѣ своего жизненнаго поприща, горе этого юнаго патриція едва ли можетъ быть принято во вниманіе. Оно имѣетъ свое значеніе только въ томъ отношеніи, что заблаговременно указало Байрону, который, какъ аристократъ, могъ бы очень легко занестись въ своихъ сословныхъ чувствахъ, какъ нерѣдко единичная, изолированная личность нуждается въ посторонней помощи.

Ни одно изъ величайшихъ политическихъ событій того періода, ни общій энтузіазмъ, ни общее негодованіе противъ историческихъ катастрофъ, которыми такъ богато было то время, не могли оторвать Байрона отъ его безпорядочной, безтактной жизни въ Ньюстедѣ. Событія, какъ смерть Фокса или какъ позорное для Англій бомбардированіе Копенгагена, не заинтересовали юношу, котораго, какъ человѣка, должно было бы волновать всякое политическое событіе, будь оно хорошо или преступно. Только благодаря личной литературной неудачѣ, произошелъ переворотъ въ его жизни. Во время своего пребыванія съ лѣта 1806 до лѣта 1807 года въ маленькомъ городкѣ Соутвелѣ, Байронъ написалъ свои первые поэтическіе опыты, которые были встрѣчены весьма сочувственно младшими членами семейства Пиго (Pigot), которое жило по сосѣдству съ нимъ. Въ мартѣ 1807 года появился сборникъ его стихотвореній, подъ заглавіемъ «Hours of idleness» («Часы досуга»). Между этими стихотвореніями

рѣдкое обладает какими-либо достоинствами; тѣ изъ нихъ, которыя проникнуты живою энергіей или неподдѣльнымъ чувствомъ, теряются въ массѣ ученическихъ попытокъ, частью переводовъ и подражаній прочитаннымъ въ школахъ классическимъ поэтамъ и Оссіану, частью сентиментальныхъ, слабыхъ въ стилистическомъ отношеніи стихотвореній, воспѣвающихъ дружбу и любовь. Впрочемъ, нѣкоторыя стихотворенія ясно указываютъ намъ будущаго Байрона, какъ по своему характеру, такъ и по слогу. Такъ, въ стихотвореніи «*To a lady*» («Къ дамѣ»), посвященномъ Мэри Чэвортъ, встрѣчаются истинно байроновскія строфы.

Въ дѣйствительности-же, стихотворенія эти прошли почти незамѣченными, а такъ какъ они къ тому же сопровождались ребяческими и безтолковыми примѣчаніями, предисловіемъ съ большими претензіями и сверхъ всего къ имени автора, красовавшемуся на заглавномъ листѣ, было прибавлено «несовершеннолѣтній», то этотъ сборникъ послужилъ богатымъ матеріаломъ для насмѣшки сатиры. Въ январѣ 1808 г., въ «*Edinburgh Review*», одномъ изъ лучшихъ критическихъ органовъ того времени, былъ помѣщенъ крайне ѣдкій разборъ этихъ стихотвореній, сдѣланный, по всему вѣроятію, лордомъ Брумомъ (Brougham). «Несовершеннолѣтіе, говорится тамъ, можно видѣть и на заглавномъ листѣ, и даже на переплетѣ... Если бы кому-нибудь пришло въ голову посѣтовать на лорда Байрона за изданную имъ массу стиховъ, то судья этотъ, навѣрное, ужъ не призналъ бы ихъ за истинную поэзію... Онъ могъ бы это объяснить несовершеннолѣтіемъ поэта, но такъ какъ товаръ предлагается добровольно... и т. д. Затѣмъ, рецензентъ снова продолжаетъ: «Очень возможно, что авторъ желаетъ сказать: смотрите, какъ мальчикъ можетъ писать! И вправду, вотъ стихотвореніе 18-ти лѣтняго молодаго человѣка, а вотъ и 16-ти лѣтняго. Будучи далеки отъ мысли, что эти жалкіе стишонки написаны въ промежуточное время между гимназіей и университетомъ, мы, напротивъ, склонны думать, что изъ де-

сяти англійскихъ гимназистовъ девять въ состоянїи написать точно также, а десятый напишетъ даже лучше самого лорда Байрона... Мы считаемъ своимъ долгомъ ему замѣтить, что удачная рѣма и правильный размѣръ,— и это, впрочемъ, не всегда у него удается—далеко еще не составляютъ всего того, что требуется отъ поэта. Для поэта нужна еще нѣкоторая фантазія и т. д.» Затѣмъ, рецензентъ совѣтуетъ Байрону распротистись навсегда съ поэзіей и воспользоваться своими способностями и преимуществами своего положенія для чего-нибудь иного, болѣе полезнаго. Рецензія эта, направленная противъ одного изъ величайшихъ поэтовъ нашего вѣка чело- вѣкомъ, задавшимъ мыслью критически разбирать и цѣ- нить произведенія человѣческаго ума, не смотря на нѣ- которую долю правды, была, надо сознаться, весьма и весьма неловкою шуткой. Но она наиболѣе всего послужила Байрону на пользу. Она раздражила его, какъ дерзкій вызовъ; она смертельно ранила его тщеславіе и пробудила въ немъ гордость, которой суждено было пережить его тщеславіе. Прїятель, посѣтившій его тотчасъ послѣ того, какъ статья эта побывала уже въ рукахъ у Байрона, увѣряетъ, что глаза поэта свѣтились такимъ чуднымъ выраженіемъ злобы и гордости, что художникъ, который пожелалъ-бы изобразить оскорбленное божество, врядъ-ли-бы отыскалъ лучшей образецъ для изображенія страшной красоты. Отъ своей среды онъ скрылъ, какъ глубоко онъ былъ оскорбленъ; въ одномъ изъ писемъ того времени онъ сожалѣетъ, что на его мать эта рецензія подѣйствовала такъ сильно. Онъ говоритъ, что ему эта статья не испортила ни сна, ни аппетита, и прибавляетъ, что эти бумажныя пули только научили его твердо стоять подъ выстрѣлами. Лѣтъ десять съ небольшимъ спустя, онъ пишетъ: «Я еще очень живо помню, какое впечатлѣніе произвела на меня Единбургская критика: это была чистѣйшая ярость, рѣшимость дать отпоръ и отомстить за себя, но отнюдь не малодушіе или отчаяніе. Безжалостная критика—это ядъ для начинающаго писа-

теля; она сбила меня съ ногъ, но я поднялся снова... и рѣшился, во что-бы то ни стало, заставить умолкнуть это воронье карканье и вскорѣ снова заговорить о себѣ». Такимъ образомъ, толчекъ, данный извнѣ, заставилъ страстную и разбитую душу молодого человѣка сосредоточиться на одномъ чувствѣ, на одной идеѣ. Съ твердою рѣшимостью и упорною настойчивостью началъ онъ работать, спалъ днемъ, вставалъ послѣ солнечнаго заката, чтобы имѣть больше покоя, и писалъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ цѣлыя ночи напролетъ, вплоть до разсвѣта, свою знаменитую сатиру «Англійскіе барды и шотландскіе обозрѣватели».

II.

Сатира эта по праву пользовалась извѣстностью и пользуется еще до сихъ поръ, но не ради ея остроумія и юмора, которыхъ напрасно было-бы въ ней искать, и не ради мѣткости ея ударовъ, которые падаютъ мимо, направо и налево, но ради ея мощи, чувства собственнаго достоинства и неслыханной смѣлости, которыя лежали въ ея основѣ и проявились здѣсь во всей своей силѣ. Нападки критики вызвали въ Байронѣ въ первый разъ такое чувство, которому суждено было укорениться въ его характерѣ, чувство, въ которомъ онъ впервые узналъ самого себя, а именно: я одинъ противъ васъ всѣхъ! Это впечатлѣніе было для него, какъ и для другихъ великихъ историческихъ борцовъ, жизненнымъ элексиромъ: «Меня осмѣять безнаказанно! Смѣль думать меня уничтожить! Меня, который одинъ сильнѣе ихъ всѣхъ!» Вотъ что звучало у него въ ушахъ, когда онъ писалъ свою сатиру. Единбургцы привыкли видѣть, когда имъ удавалось одною изъ подобныхъ рецензій сбить съ ногъ какого-нибудь дюжиннаго поэта, подобно мухѣ или жалкой подстрѣленной птицкѣ, какъ раненый грустилъ въ тиши или мало-

душно признавался въ своемъ ничтожномъ дарованіи, такъ что за рецензіей, во всякомъ случаѣ, наступало молчаніе. Но тутъ они натолкнулись на такого, вся сила и слабость котораго въ томъ-то именно и заключалась, что онъ никогда не приписывалъ себѣ вины въ неудачѣ, но обыкновенно усердно сваливалъ ее на другихъ. Но и на этотъ разъ за рецензіей послѣдовало полуторогодичное молчаніе. Потомъ произошло то же, что и у Виктора Гюго въ его «*La caravane*» (изъ «*Châtiments*»):

Tout à coup au milieu de ce silence morne
Qui monte et qui s'accroît de moment en moment
S'élève un formidable et long rugissement,
C'est le lion.

И картина вѣрна. Дѣйствительно, эта ни чудная, ни граціозная, ни остроумная сатира скорѣе—рычаніе, нежели пѣніе. Поэтъ, обладающій соловьинымъ голосомъ, приходитъ въ упоеніе, слыша впервые трели своего чуднаго голоса; гадкій утенокъ замѣчаетъ свою лебединую природу, когда попадаетъ въ свою сферу; но рычаніе молодого льва приводитъ его самого въ восторгъ и показываетъ ему, что онъ теперь выросъ и обладаетъ силой. Поэтому нечего искать въ «Англійскихъ бардахъ и шотландскихъ обозрѣвателяхъ» ударовъ меча, которыми надѣляетъ мощная и вѣрная рука; эти раны наносила не рука, это царапины, сдѣланныя лапой,—но *ex ungue leonem!* Здѣсь нечего искать ни критики, ни сдержанности, ни даже здраваго смысла; развѣ раненый звѣрь знаетъ мѣру или пощаду, если пуля, которая должна была убить его на-повалъ, только ранила его? Нѣтъ, звѣрь видитъ, какъ льется его кровь передъ его глазами, и онъ хочетъ въ отмщеніе также пролить кровь. Онъ ищетъ не того только, кто сдѣлалъ выстрѣлъ; если одинъ изъ толпы охотниковъ ранилъ молодого льва, тогда горе всей толпѣ! Всѣ знаменитые англійскіе поэты, наиболѣе извѣстные и наиболѣе прославленные, всѣ тѣ, которые стояли на хорошемъ счету у «*Edinburgh Review*», всѣ писавшіе для этого журнала, третируются, какъ

школьники, въ этой сатирѣ двадцатилѣтнимъ юношей, который самъ еще такъ недавно сошелъ со школьной скамьи. Англійскіе поэты и шотландскіе рецензенты должны были здѣсь одинъ за другимъ пройти сквозь строй. Здѣсь нерѣдко попадаютъ довольно ядовитыя словца, которыя говорятъ далеко не на вѣтеръ. Натянутая фантастичность поэмы Соути «Талаба» и чрезвычайная плодовитость этого писателя, доводы Вордсворта, доказывающаго на своихъ стихотвореніяхъ истину своего положенія, что стихи и проза—одно и то-же, нелѣпное ребячество Кольриджа, прихотливость Мура,—все это подвергается тутъ самымъ ядовитымъ насмѣшкамъ. Надъ «Марміономъ» Скотта, наминавшемъ инвективы Аристофана противъ героевъ Эврипида, однимъ ударомъ произнесенъ окончательный приговоръ. Но большинство этихъ нападокъ все-таки такъ неразумны и бессмысленны, что онѣ впоследствии причинили самому автору гораздо болѣе непріятностей, чѣмъ тѣмъ, противъ кого онѣ были направлены. Опекунъ Байрона, лордъ Карлейль, которому еще такъ недавно были посвящены «Часы досуга», но который отказался ввести въ парламентъ своего питомца, люди, какъ Скоттъ, Муръ, лордъ Голландъ, которые позднѣе были лучшими друзьями Байрона, были выруганы здѣсь безпощаднымъ образомъ, безъ всякаго повода съ ихъ стороны, на основаніи совершенно ложныхъ догадокъ и безъ всякаго критическаго такта. Ругань эта могла быть оправдана ими только благодаря той готовности, съ которою Байронъ, придя къ инымъ взглядамъ, извинился передъ ними и старался загладить послѣдствія своихъ прежнихъ заблужденій. Онъ нѣсколько лѣтъ сряду напрасно старался изъять изъ обращенія свою сатиру; ему удалось только уничтожить ея пятое изданіе; первыя четыре изданія этой сатиры имѣли громадный успѣхъ и принесли автору ея желанное удовлетвореніе.

Въ началѣ 1809 года Байронъ поселился въ Лондонѣ, чтобы отдать въ печать свою сатиру и занять принадлежащее ему мѣсто въ верхней палатѣ. Такъ какъ ему

не къ кому было обратиться, кто бы провелъ его въ парламентъ, то онъ самъ ввелъ себя туда, вопреки всѣмъ правиламъ и обычаямъ. Вотъ какъ описываетъ эту сцену другъ Байрона Далласъ. Когда онъ вошелъ въ палату, то былъ блѣднѣе обыкновеннаго, и на лицѣ его можно было прочесть выраженіе недовольства и негодованія. Канцлеръ лордъ Эльдонъ, улыбаясь, встрѣтилъ его и любезно привѣтствовалъ. Холоднымъ поклономъ отвѣчалъ Байронъ на привѣтствіе и слегка пожалъ руку, протянутую ему Эльдономъ. Канцлеръ, замѣтивъ пренебреженіе, съ какимъ отнесся къ нему Байронъ, возвратился на свое мѣсто, а Байронъ затѣмъ небрежно разсѣлся на одной изъ незанятыхъ скамеекъ оппозиціи. Просидѣвъ здѣсь нѣсколько минутъ, онъ всталъ и удалился, желая показать этимъ, къ какой партіи онъ принадлежитъ. «Я занялъ свое мѣсто», сказала онъ Далласу, — «теперь я могу ѣхать за-границу». Въ іюнѣ 1809 года онъ покинулъ Англію.

Давно уже, какъ говорится въ одномъ изъ его писемъ къ матери 1808 года, онъ чувствовалъ, «что тотъ, кто видѣлъ только свое отечество, никогда не будетъ въ состояніи судить о человѣкѣ съ независимой общей точки зрѣнія»; ибо, говоритъ онъ, «познаніе пріобрѣтается изъ опыта, а не изъ книгъ; пѣтъ ничего поучительнѣе познаванія предмета чувствами».

Сначала онъ отправился въ Лиссабонъ, и описаніе Цинтры въ первой пѣснѣ «Чайльдъ Гарольда» обязано своимъ появленіемъ именно этому пребыванію. Затѣмъ, онъ поскакалъ съ своимъ товарищемъ, мистеромъ Гобгоузомъ, въ Севилью, а оттуда побывалъ въ Кадиксѣ и Гибралтарѣ. Ни одинъ изъ великолѣпныхъ и историческихъ памятниковъ Севильи не произвелъ на него особеннаго впечатлѣнія, но здѣсь, какъ и въ Кадиксѣ, всѣ его помысленія были исключительно заняты женщинами. Онъ, какъ юноша, чувствуетъ себя польщеннымъ тѣмъ вниманіемъ, которое ему оказывали красавицы испанки, и изъ Севильи, какъ какіе нибудь священные предметы, при-

возить съ собою косу въ три фута длиною. Гибралтаръ, само собою разумѣется, какъ англійскій городъ, является для него «проклятымъ мѣстомъ». Но насколько мало его интересуютъ историческія воспоминанія, настолько живо начинаютъ занимать теперь политическія отношенія его страны, и первое, на чемъ онъ останавливается, это—отношеніе Испаніи къ Англіи. Обѣ первыя пѣсни «Чайльдъ Гарольда» показываютъ, какое горькое презрѣніе питалъ онъ ко всей тогдашней англійской политикѣ; онъ смѣется надъ такъ называемой «Мадридской побѣдой», гдѣ англичане имѣли болѣе 5,000 убитыми, не причинивъ французамъ никакого существеннаго вреда, и даже доходитъ до такой смѣлости, что называетъ Наполеона своимъ героемъ.

Изъ Испаніи онъ направляется въ Мальту и здѣсь къ воспоминаніямъ старины, которыя въ послѣдствіи приводили въ такой восторгъ стараго большого В. Скотта, онъ опять остается совершенно равнодушнымъ. Историко-романтическій духъ такъ-же мало былъ ему чуждъ, какъ и романтическое національное чувство. Его поэтическія мысли и чувства стремились не къ зеленымъ лугамъ Англіи, не къ туманнымъ горамъ Шотландіи, но къ Женевскому озеру, съ его вѣчною прелестью красокъ, и къ греческому архипелагу. Его занимали не историческія дѣянія его народа, не война между алой и бѣлой розой, но политика настоящаго, а въ воспоминаніяхъ старины ему дороги были только преданія о великихъ войнахъ за свободу. Древнія статуи были для него простымъ камнемъ; живыя женщины ему болѣе нравились, нежели античныя богини («горшечная работа» называетъ онъ ихъ въ «Донъ-Жуанъ»), но онъ погрузился въ размышленія на Марафонскомъ полѣ и воспѣлъ его въ чудныхъ стихахъ въ своихъ двухъ героическихъ поэмахъ. Когда въ послѣдніе годы своей жизни онъ посѣтилъ Итаку, то на предложеніе проводника показать ему памятники острова онъ отвѣтилъ: «Я терпѣть не могу этого антикварнаго вздора. Неужели люди думаютъ, что у меня нѣтъ свѣтлыхъ ми-

нутъ и что я за тѣмъ прїѣхалъ въ Грецію, чтобы пачкать бумагой всякой чушью, въ которой и такъ нѣтъ недостатка?» Практическій паѳосъ передъ свободой поглотилъ въ немъ, наконецъ, даже и поэтическій жаръ. Съ Байрономъ окончилась романтическая сантиментальность, и начался новый духъ въ поэзи. Потому-то поэзія его вліяла не только на его родину, но и на всю Европу, потому-то онъ навсегда останется пѣвцомъ для тѣхъ, которые принадлежать своему времени.

На Мальтѣ Байронъ почувствовалъ себя сильно увлеченнымъ одною красивою особой, съ которой онъ познакомился тамъ, мистрисъ Спенсеръ Смитъ, которая изъ какихъ-то политическихъ причинъ находилась подъ опалой Наполеона, и между ними завязалась горячая дружба, оставившая по себѣ памятникъ въ цѣломъ рядѣ байроновскихъ стихотвореній (Чайльдъ Гарольдъ, пѣснь II, стр. 30: Къ Флорансѣ. Въ альбомѣ. Во время бури. Въ амбраційскомъ заливѣ).

Изъ Мальты черезъ западную Грецію онъ отправился въ Албанію, «непокорную кормилицу дикихъ сыновъ», какъ онъ называетъ эту страну, о которой поеть:

Тамъ бродитъ волкъ, тамъ клювъ жемѣзный
Остричь проснувшійся орелъ,
Тамъ хищный звѣрь въ горахъ прошелъ
И хищный горецъ сталъ надъ бездной,
Тамъ буря лѣсъ съ корнями рветъ
И громъ грохочетъ круглый годъ*).

Развѣ не характеристично для Байрона, что его первое путешествіе направлено было именно черезъ тѣ страны, которыхъ вовсе не касалась никакая цивилизація, и гдѣ индивидуальность могла развиваться, какъ ей было угодно, не взирая ни на какія стѣсняющія понятія о приличіи. Съ этими природными сценами, съ этими людьми онъ находился въ свойствѣ; будучи по прямой линіи по-

*) Чайльдъ Гарольдъ (переводъ Д. Минаева). Пѣснь II-я, 42 строка.

слѣдователемъ Руссо, онъ чувствуетъ себя особенно сильно привязаннымъ ко всѣмъ людямъ, живущимъ въ естественномъ состоянїи *). Албанны и по сію пору еще такъ же дики, какъ ихъ предки пелазги; кулачное право и кровавая месть еще и теперь являются у нихъ единственнымъ правовымъ порядкомъ.

Мужчины и женщины, стоявшіе на берегу въ свопхъ великолѣпныхъ одѣяніяхъ, въ поярковыхъ шляпахъ или тюрбанахъ, въ сопровожденїи чернокожихъ рабовъ, богато убранные кони, барабанная дробь призыва муэдзина съ минарета, заходящее солнце, освѣщавшее своими лучами всю эту картину, все это казалось, зрѣлищемъ изъ «Тысячи и одной ночи». Янина показалаcя гораздо болѣе красивымъ городомъ, нежели Аѳины. Туристы близъ этого города зачастую теряютъ своихъ проводниковъ въ томъ безпросвѣтномъ мракѣ, который воспѣлъ Байронъ, и тутъ, среди горъ, имѣя впереди голодную смерть, онъ произвелъ на своихъ спутниковъ довольно сильное впечатлѣніе своимъ непоколебимымъ мужествомъ, которое во всѣхъ опасностяхъ составляло его главную характеристическую черту.

*) Въ одной строфѣ „Чайльдъ Гарольда“ (III-я пѣснь, 77-я строфа) Байронъ изобразилъ Руссо; строфа эта могла быть отлично перенесена на него самого:

Здѣсь прахъ Руссо. Пѣвецъ страданья,
Страстямъ онъ прелесть придавалъ
И доводилъ до обожанья
Всѣ муки сердца. Онъ искалъ
Въ безумьи - близость идеала;
Всѣ мысли черныя, дѣла
Блестящимъ свѣтомъ заливала
Его софизмовъ похвала.
Они мгновенно ослѣпляли,
Какъ блескъ отъ солнечныхъ лучей,
Такъ что нерѣдко изъ очей
Потокомъ слезы выбѣгали,
И переполненная грудь
Въ слезахъ хотѣла отдохнуть.

(Пер. Д. Минаева).

Въ самый день своего прибытія, Байронъ былъ представленъ Али-пашѣ, турецкому Бонапарту, которому онъ всегда дивился, не смотря на его свирѣпый и дикій характеръ. Али принялъ его стоя, былъ крайне любезенъ, просилъ передать свой поклонъ его матери и сказалъ (что особенно польстило Байрону), что по его маленькимъ ушамъ, бѣлымъ рукамъ и кудрявымъ волосамъ онъ узнаетъ его аристократическое происхожденіе. Посѣщеніе Али-паши послужило поводомъ для изображенія нѣсколькихъ предѣстныхъ сценъ въ четвертой пѣснѣ «Донъ Жуана»; Ламбро и многіе другіе байроновскіе образы срисованы съ него; его, между прочимъ, впоследствии, изобразилъ и Викторъ Гюго въ своихъ «*Orientales*». Али обходился съ Байрономъ, какъ съ избалованнымъ ребенкомъ, и посылалъ ему на дню разъ двадцать то миндаля, то фруктовъ, то шербету, то еще какихъ-нибудь лакомствъ.

Снабженный пашою вооруженными проводниками на случай нападенія разбойниковъ, которые тамъ бродили цѣлыми шайками, Байронъ путешествовалъ теперь безопасно по всей Албаніи, и его дикіе спутники до того привязались къ нему, что, когда онъ черезъ нѣсколько дней захворалъ лихорадкой, грозили доктору смертью, если онъ не вылѣчитъ; вслѣдствіе этого, докторъ бѣжалъ, а Байронъ поправился самъ собою. Во время этого путешествія, Байрону пришлось перепочевать въ пещерѣ на берегу Артскаго залива, гдѣ онъ случайно сдѣлался свидѣтелемъ ночной сцены,—танца мечей подъ пѣніе албанскихъ пѣсень,—сцены, доставившей матеріалъ для извѣстнаго описанія этой пляски въ «Чайльдъ Гарольдъ» (Пѣснь II, начиная съ 67 строфы) и прекрасной пѣсни «*Tamburgi, Tamburgi!*» *). Въ Аѳинахъ досада на англичанъ, разграбившихъ изъ Партенона скульптурныя произведенія, послужила поводомъ для его стихотворенія «Проклятіе Минервы», а интрижка, которую онъ завелъ

* Въ русс. переводѣ Д. Минаева: „Варабаны! вашъ грохотъ сзываетъ... (Изд. Гербеля).

тамъ же съ дочерью англійскаго консула Макри,—для небольшой пѣсенки «Аѳинской дѣвушкѣ», героиня которой, много лѣтъ спустя, уже сдѣлавшаяся толстой матроной, была постояннымъ предметомъ любопытства для англійскихъ туристовъ. 3-го мая Байронъ совершилъ свой извѣстный подвигъ: онъ переплылъ Дарданельскій проливъ. Этимъ подвигомъ Байронъ гордился всю свою жизнь. Онъ упоминаетъ о немъ, между прочимъ, и въ «Донъ Жуанъ». Все, что ему пришлось видѣть и переживать во время своихъ путешествій по чужимъ краямъ, все это впоследствии послужило ему поэтическимъ матеріаломъ. Разъ въ Константинополѣ онъ увидалъ, какъ собаки среди бѣла дня обглядывали трупъ, и эта, имъ самимъ пережитая, сцена дала поводъ къ изображенію ужасовъ въ «Осадѣ Коринѳа» и затѣмъ къ изображенію въ «Донъ Жуанъ» тѣхъ ужасныхъ сценъ, которыми сопровождалась осада Измаила. А когда онъ возвращался чрезъ Морею въ Аѳины, то, какъ кажется, самъ испыталъ то любовное приключеніе, которое лежитъ въ основѣ его «Гяура» (письмо маркизы Слиго упоминаетъ объ этомъ). Во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ однажды, идя домой съ купанья въ Пиреѣ, натолкнулся на толпу турецкихъ солдатъ, которые несли зашитую въ мѣшокъ молодую дѣвушку, намѣреваясь ее утопить въ морѣ за ея любовную связь съ христіаниномъ. Съ пистолетомъ въ рукѣ Байронъ заставилъ дикую орду вернуться назадъ и частью подкупомъ, частью угрозами добился освобожденія дѣвушки.

Но вся эта пестрая скитальческая жизнь не могла дать его душѣ необходимаго для нея удовлетворенія. Въ его послѣднихъ путевыхъ письмахъ слышится глубокая грусть. Безцѣльность этихъ путешествій и, вслѣдствіе этого, пресыщеніе жизнью, повидимому, крайне тяжелымъ гнетомъ ложились на его душу. Сверхъ того, безпокойство о долгахъ, мысли о пошатнувшемся здоровьи, разстроенномъ частыми лихорадками, и о неимѣніи настоящихъ друзей, не давали ему ни на минуту покоя. Дома онъ ждетъ

только привѣтствій отъ кредиторовъ. Тутъ онъ получаетъ еще извѣстіе о болѣзни матери. Онъ спѣшитъ въ Нью-стедъ, чтобы увидать ее еще разъ, но пріѣзжаетъ уже на другой день послѣ ея смерти. Горничная, увидавшая, какъ онъ однажды сидѣлъ надъ трупомъ и плакалъ горькими слезами, попробовала было уговорить его не предаваться такъ горю, но Байронъ отвѣчалъ ей сквозь слезы: «Быль у меня одинъ только другъ, и тотъ вотъ теперь умеръ». И все таки онъ, не желая выказать своего горя передъ посторонними, не въ силахъ былъ преодолѣть своей чрезвычайной нелюдимости, и отказался проводить свою мать до могилы, а остался стоять у воротъ замка, пока похоронная процессія не скрылась изъ глазъ. Затѣмъ, онъ позвалъ своего пажа, велѣлъ принести свою фехтавальную перчатку и принялся съ судорожною яростью за свои обычныя упражненія. Но горе взяло свое: онъ бросилъ перчатку и заперся въ своей комнатѣ. Тутъ съ нимъ сдѣлался припадокъ меланхоліи, во время котораго онъ прибавилъ въ завѣщаніи, чтобы его похоронили рядомъ съ его собакой.

Едва вернулся Байронъ въ Англію, какъ другъ его Далласъ обратился къ нему съ вопросомъ, не привезъ ли онъ съ собой изъ путешествія какихъ-нибудь стиховъ. Поэтъ, бывшій въ то же время плохимъ критикомъ, не безъ гордости указалъ на «Hints from Horace», новую сатиру въ стилѣ Попа, и, когда другъ, по справедливости, не особенно удовлетворенный послѣ прочтенія ея, спросилъ его, нѣтъ ли у него чего-нибудь другого, Байронъ далъ ему, какъ онъ выразился, «нѣсколько небольшихъ стихотвореній и массу спенсеровскихъ стансовъ»,—это были двѣ первыя пѣсни «Чайльдъ Гарольда». По настоятельной просьбѣ друга, онѣ были впервые отданы въ печать.

Для людей нашего времени впечатлѣніе этихъ двухъ пѣсенъ легко сливается съ воспоминаніемъ о двухъ послѣднихъ пѣсняхъ, написанныхъ шесть-семь лѣтъ позднѣе первыхъ. Однако слѣдуетъ строго различать эти два впечат-

лѣнія, если хотимъ вполне отчетливо уяснить себѣ ходъ развитія байроновскаго творчества. Отъ первой половины «Чайльдъ Гарольда» ко второй такой же рѣзкій переходъ, какъ отъ этой послѣдней къ «Донъ Жуану». Стансы, которые показывалъ Байронъ Далласу, написаны очень звучнымъ стихомъ, глубоко прочувствованы и нерѣдко торжественны; здѣсь впервые раздаются пѣніе и музыка изъ тѣхъ устъ, изъ которыхъ лилось множество дивныхъ звуковъ до той поры, пока онѣ сохраняли дыханіе. Но здѣсь предъ нами еще только слабый очеркъ фізіономіи того поэта, который спустя лѣтъ десять сдѣлался извѣстенъ по всей Европѣ. Многочисленныя и могучія картины природы являются здѣсь главнымъ предметомъ, лирическія мѣста въ сравненіи съ ними совсѣмъ незначительны. Поверхностному взгляду читателя пѣсни эти могутъ показаться путевыми впечатлѣніями молодого, знатнаго и утомленнаго жизнью англичанина, облагороженными лишь, благодаря строго идеальному, высоко художественному слогу, такъ какъ «Чайльдъ Гарольдъ» столько же идеальное произведеніе, сколько «Донъ Жуанъ» реальное. Здѣсь мы встрѣчаемся съ настроеніемъ, которое все покрываетъ однимъ мрачнымъ колоритомъ. Но Байронъ здѣсь еще не поэтъ, переходящій отъ одного чувства къ другому, чаще всего въ противоположную крайность, чтобы всѣмъ имъ придать особую силу, и чѣмъ сильнѣе напряжены эти чувства, тѣмъ съ большею яростью разрываетъ онъ ихъ. Но если мы взглянемъ на поэта только съ одной стороны, въ профиль, и забудемъ язвительную иронию сатирика, забудемъ его то циническій, то шуточный смѣхъ, — передъ нами здѣсь выступить, въ пламенномъ и торжественномъ пафосѣ юноши, великое я поэзіи нашего вѣка. Въ этой поэмі господствуетъ та субъективность, которая проникаетъ собою все, преобладаетъ, — то я, котораго не въ силахъ подавить никакое чувство, которому не чуждо ни одно изображаемое имъ лицо. Въ то время, какъ личность всякаго другого поэта могла-бы видоизмѣниться въ воздушную, подвижную или кристаллизированную форму,

въ то время, какъ иная личность могла бы или ступе-
ваться здѣсь за другою личностью, или же исчезнуть со-
вершенно въ чувственныхъ впечатлѣнiяхъ, охватываю-
щихъ ее извиѣ,—здѣсь мы наталкиваемся на то я, кото-
рое всегда и вездѣ относится и возвращается къ самому
себѣ, на то живое, страстное я, о душевныхъ волненiяхъ
котораго свидѣтельствуется своею жизненностью даже са-
мая незначительная строфа, подобно тому, какъ шумъ
отдѣльной раковины напоминаетъ шумъ цѣлаго моря.
Чайльдъ Гарольдъ (первоначально Чайльдъ Бурунъ), пос-
лѣ дико и бурно проведенной молодости, съ сердцемъ,
разбитымъ сплиномъ, покидаетъ свою родину, гдѣ не
оставляетъ ни друга, ни возлюбленной. Онъ испытываетъ
уже томленiе жизнью, преждевременное пресыщенiе нас-
лажденiями; онъ чувствуетъ, что физическiй организмъ
располагаетъ его къ меланхоли. Въ немъ и слѣда не
осталось беззаветной юношеской веселости, въ немъ нѣтъ
уже прежней жажды ни славы, ни удовольствiй, онъ ду-
маетъ, что онъ уже покончилъ со всѣмъ этимъ, хотя ему
пришлось еще очень мало испытать, и поэтъ до такой
степени полно сливается съ своимъ героемъ, что никогда
даже ни на одну минуту не относится къ нему ирониче-
ски. Все то, что производило такое импонирующее дѣй-
ствiе на его современниковъ, далеко не соответствуетъ
вкусу новѣйшаго болѣе трезваго читателя, ибо трагиче-
ская «поза» чересчуръ рѣзко бросается въ глаза, да и
время, когда разочарованность могла быть интересна, дав-
нымъ-давно миновало. Но, съ другой стороны, всякiй
опытный глазъ легко замѣтитъ, что если осторожно уда-
лить маску,—а она здѣсь, несомнѣнно, есть,—то изъ за
этой маски выглянетъ серьезное, мученическое лицо. Эта
маска была маска отшельника; снимите ее, и вы увидите
за нею истинное одиночество! Эта маска была трагиче-
ская меланхолия; сорвите ее, и вы увидите за нею непод-
дѣльную грусть! Паломническiй плащъ Гарольда, во вся-
комъ случаѣ—только маскарадное домино, но онъ скры-
ваетъ подъ собою юношу съ пламеннымъ чувствомъ,

острымъ умомъ, юношу, вынесшаго изъ жизни одни разочарованія и всею душою стремящагося къ полнѣйшей свободѣ. Въ идеальномъ я Чайльдъ Гарольда нѣтъ ничего неточнаго: за всѣ его чувства и мысли отвѣчаетъ самъ Байронъ. И если кто-нибудь, знакомый съ настоящимъ образомъ жизни Байрона, въ его послѣдующіе годы, обратитъ вниманіе на контрастъ между старческою тоскою вымышленной личности и юношескимъ пылкимъ наслаждемъ дѣйствительной личности, то все это разногласіе объясняется единственно тѣмъ, что Байронъ, твердо державшійся еще въ поэзіи абстрактно-идеалистическаго направленія, не могъ, въ первыхъ пѣсняхъ «Чайльдъ Гарольда», выказать *всего* своего существа. Конечно, и это произведеніе является до нѣкоторой степени зеркаломъ его характера, но въ немъ живетъ еще совершенно иной міръ, который онъ могъ вполне изобразить и воплотить только въ «Донъ Жуанъ» и другихъ своихъ поэтическихъ произведенійхъ. Не слѣдуетъ поэтому неполноту самонизображенія объяснять притворствомъ и аффектаціей.

Въ февралѣ 1812 года Байронъ произнесъ свою первую рѣчь въ парламентѣ въ пользу бѣдныхъ ноттингемскихъ рабочихъ, переломавшихъ ткацкія машины, благодаря чему они остались безъ куска хлѣба; онъ хотѣлъ отстоять тѣхъ, которыхъ намѣрены были покарать самымъ строжайшимъ образомъ. Рѣчь эта не особенно серьезна и отличается риторикою, но за то жива и тепла. Байронъ съ любовью говорилъ за голодающую, доведенную до крайности массу и весьма послѣдовательно доказывалъ своимъ согражданамъ, что десятой доли тѣхъ денегъ, которыя они такъ охотно ссудили португальцамъ для веденія войны, было-бы вполне достаточно, чтобы устранить ту страшную нужду, противъ которой теперь хотятъ идти съ темицами и висѣльцами. Живая и упорная ненависть Байрона противъ войны—это одинъ изъ тѣхъ многихъ «грановъ здраваго человѣческаго смысла», которые можно постоянно найти въ растворѣ въ его поэзіи. Она же одухотворяетъ и первыя пѣсни «Чайльдъ Гарольда». Его

вторая рѣчь касается эмансипаціи католиковъ; она менѣе понравилась публикѣ, чѣмъ первая, но, на самомъ дѣлѣ, была несравненно превосходителе ея.

Первая рѣчь Байрона была какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ могла теперь одновременно служить рекламою для двухъ первыхъ пѣсень «Чайльдъ Гарольда», появившихся въ свѣтъ два дня спустя послѣ произнесенія ея. Успѣхъ поэмы былъ чрезвычайный: сразу Байронъ сдѣлался знаменитостью, новымъ львомъ Лондона, законнымъ владыкою города на 1812 годъ. Вся аристократія Лондона, т. е. все, что было въ немъ красиваго, знатнаго, высокообразованнаго и блестящаго, все это лежало у ногъ двадцати трехъ-лѣтняго юноши. Еслибы первые пѣсни «Чайльдъ Гарольда» обладали достоинствами послѣднихъ, т. е. если бы онѣ отличались глубокою оригинальностью и благородною энергіею, одушевляющими обѣ послѣднія пѣсни «Чайльдъ Гарольда», то, весьма вѣроятно, онѣ не достигли бы такой громкой извѣстности. Истинное благородство и истинная оригинальность никогда не приобрѣтають сразу расположенія массы. Но именно эта полускрытая интересность, эта неясная разочарованность въ первыхъ опытахъ гениальнаго поэта и имѣли такое сильное дѣйствіе на массу: энергія, проглядывавшая тамъ и самъ въ поэмѣ, производила тѣмъ большее впечатлѣніе, что высказывалась нѣсколько театрално. Это была цвѣтущая пора дендизма, когда съ легкой руки извѣстнаго Брумеля настоящая лондонская *high life* дошла до такой роскоши и вѣтренности, какихъ не видали со временъ Карла II. Визиты, балы, театры, игра, долги, любовныя интриги и слѣдовавшія за ними дуэли, — вотъ что составляло содержаніе жизни тогдашней аристократіи. И Байронъ былъ героемъ дня и даже цѣлаго года. Сколько удивленія и поклоненія могъ онъ вызвать въ томъ обществѣ, которое скучало и томилось отъ собственной своей пустоты! Такъ молодъ, такъ красивъ и такъ пороченъ! Всѣ были вполнѣ убѣждены, что онъ самъ былъ такимъ именно *mauvais sujet*, какъ его герой.

Ко всякаго рода искушеніямъ и лести Байронъ не относился съ такимъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ, какъ Вальтеръ - Скоттъ. Онъ плылъ по теченію, уносившему его. Какъ художнику, ему страстно хотѣлось пережить всѣ тревоженія, и онъ ни одного не прогонялъ отъ себя прочь. Онъ легко удержалъ на должной высотѣ свою поэтическую славу, потому что въ короткій промежутокъ велѣдъ за «Чайльдъ Гарольдомъ» послѣдовали поэтическіе рассказы: «Глуръ» (май, 1813), «Абидосская невѣста» (декабрь, того-же года), «Корсаръ» (окончена на новый годъ 1814), который въ одинъ день разошелся въ 13,000 экземплярахъ. Полная горечи «Ода къ Наполеону», по случаю его отреченія, доказываетъ, что Байронъ за занятіями поэзіей не терялъ изъ виду и политики. Затѣмъ, въ 1815 году онъ написалъ «Паризицу» и «Осаду Коринѳа». Новизна, своеобразность и непримѣрная страстность этихъ произведеній привлекли къ нимъ вниманіе изнывавшаго отъ скуки лондонскаго общества. Онъ сталъ феноменомъ, съ котораго не сводили глазъ. Молодыя женщины трепетали отъ восторга при одной мысли, что онъ ихъ, можетъ быть, поведетъ къ столу, и не осмѣливались прикоснуться ни къ единому блюду, зная, что онъ не любитъ видѣть, когда женщины ѣдятъ. Онъ съ благоговѣніемъ отдавались надеждѣ, что онъ напишетъ той или другой нѣсколько строкъ на память въ альбомъ. На каждую его строчку смотрѣли, какъ на сокровище. Къ нему постоянно приставали съ вопросами, сколько гречанокъ и турчанокъ уморилъ онъ своею любовью и сколькихъ супруговъ отправилъ на тотъ свѣтъ. Вся его наружность какъ будто говорила о его глубокой преступности. Онъ не употреблялъ пудры и его волосы были такъ же растрепаны, какъ и его чувства. Совершенно непохожій на обыкновенныхъ смертныхъ, онъ, подобно своему «Корсару», былъ крайне воздержанъ въ пищѣ. Какъ то разъ, обѣдая у одного лорда, онъ пропустилъ мимо себя одиннадцать блюдъ и потребовалъ себѣ только бисквитъ и содовой воды. Какая обида для хозяйки, которая употребила

столько хлопотъ на приготовленіе обѣда, и какая безтактность въ обществѣ, гдѣ хорошій аппетитъ считается національною добродѣтелью!..

Такимъ образомъ, мы видимъ, какъ Чайльдъ Гарольдъ превращается въ Донъ Жуана. Одинокій скиталецъ становится теперь салоннымъ львомъ. Такое-же сильное впечатлѣніе, какъ поэзія Байрона, производили въ дамскихъ кружкахъ, конечно, и его высокое положеніе, его молодость и его рѣдкая красота. Въ біографіи Вальтеръ Скотта встрѣчается слѣдующая замѣтка о наружности Байрона: «Миѣ случилось на своемъ вѣку видѣть многихъ лучшихъ поэтовъ моей страны, и хотя у Борнса были чрезвычайно прекрасные глаза, однако никто не обладалъ въ такой степени истинно-поэтической наружностью, какъ Байронъ. Портреты его даютъ неправильное представленіе о немъ; правда, и въ нихъ видѣнъ огонь, но огонь этотъ не горитъ. Лицо-же Байрона заключало въ себѣ ничто такое, о чемъ можно только мечтать». Извѣстно, что одна изъ первѣйшихъ англійскихъ красавицъ, въ первый разъ увидавши Байрона, воскликнула: «Это блѣдное лицо рѣшить мою судьбу!» Женщины тщательно старались проникнуть во внутреннюю жизнь Байрона, а нѣкоторые намеки въ «Чайльдъ Гарольдъ» послужили поводомъ къ молвѣ, будто Байронъ въ Ньюстедѣ содержалъ настоящій гаремъ, хотя этотъ гаремъ, на самомъ дѣлѣ, надо думать, состоялъ всего изъ единственной одалиски. О его любовныхъ приключеніяхъ во время путешествія ходила масса самыхъ нелѣпыхъ разсказовъ. Вслѣдствіе этого, женщины буквально брали его съ бою; на его столѣ ежедневно появлялось множество писемъ отъ знакомыхъ и незнакомыхъ ему дамъ. Одна даже явилась къ нему въ одеждѣ пажа, очень вѣроятно, желая походить на Каледа въ «Ларѣ». Чтобы понять должнымъ образомъ, въ какомъ водоворотѣ страстей приходилось ему жить, нужно припомнить его разсказъ Медвину о томъ, какъ онъ однажды послѣ своей свадьбы засталъ въ квартирѣ своей жены трехъ замужнихъ женщинъ, «которыя», выражаясь его собственнымъ

языкомъ, «знакомы были ему всѣ, какъ одного поля ягода».

Эта жизнь, полная пустыхъ наслажденій, была торжествомъ для еѣго тщеславія, но для Байрона она была все-таки лучше покоя, потому что покой, какъ выражается онъ въ «Чайльдъ Гарольдъ», это—адъ для сильныхъ душъ. Но играло ли тутъ какую нибудь роль еѣго сердце? Не думаю. Любовныя интриги, занимавшія въ этомъ году Байрона и получившія нѣкоторое значеніе въ еѣго позднѣйшей судьбѣ, были, какъ намъ показываютъ еѣго письма того времени, водоворотомъ въ водоворотѣ и, интересныя сами по себѣ, онъ оставляли въ совершенномъ покоѣ еѣго сердце. Лэди Каролина Лэмбъ, молодая женщина изъ высшаго аристократическаго круга, впоследствии супруга извѣстнаго государственнаго человѣка, лорда Мельборна, давно имѣла весьма страстное желаніе познакомиться съ поэтомъ «Чайльдъ Гарольда». Это была взбалмошная, мечтательная, безпокойная натура, не выносившая никакихъ принужденій и слѣдовавшая, безъ всякихъ разсужденій, своимъ первымъ влеченіямъ; въ этомъ отношеніи, она была въ нѣкоторомъ духовномъ родствѣ съ поэтомъ, который былъ на три года моложе ея. Она была стройная и красивая блондинка съ весьма пріятнымъ голосомъ. Все ея существо, не смотря на аффектацію и эксцентричность, обладало довольно сильною притягательною силой. Она играла въ жизни Байрона точно такую же роль, какъ г-жа Кальбъ въ жизни Шиллера. Ея отношенія къ поэту настолько обратили на себя вниманіе общества, что мать молодой дамы не могла быть спокойна, пока они не прекратились съ отъѣздомъ послѣдней въ Ирландію. Тогда Байронъ написалъ лэди Лэмбъ прощальное письмо, съ котораго она впоследствии дала копію лэди Морганъ, письмо, которое крайне типично для слога Байрона въ ранній періодъ еѣго поэтической дѣятельности, но въ которомъ врядъ ли психологъ отыщетъ какіе-нибудь слѣды языка любви. Оно очень походитъ на пародію гамлетовской записки къ Офеліи: «Если слезы, которыя ты ви-

дѣла и на которыя, какъ тебѣ извѣстно, я не особенно щедръ; если душевное волненіе, съ какимъ я прощался съ тобою,—душевное волненіе, котораго ты не могла не замѣтить въ продолженіе всего этого потрясающаго нервы событія, хотя оно вполнѣ ясно обнаружилось только, когда наступила послѣдняя минута разлуки; если все, что я говорилъ и дѣлалъ, и все, что готовъ еще сказать и сдѣлать, если все это недостаточно доказало тебѣ, каковы мои дѣйствительныя чувства къ тебѣ, моя дорогая, и какими они останутся на все будущее время, то у меня нѣтъ болѣе никакихъ другихъ доказательствъ... Есть-ли что-нибудь такого на землѣ или на небѣ, что могло-бы меня такъ осчастливить, какъ твое согласіе на бракъ со мною? Ты вѣдь знаешь, что я съ радостью отдалъ-бы всё сокровища и по ту, и по сю сторону могилы, и если я еще не разъ повторю тебѣ все это, ужели и тогда я буду непонятенъ? Для меня нисколько не важно, узнаетъ-ли кто это и какое онъ сдѣлаетъ изъ этого употребленіе; слова эти относятся къ тебѣ и къ тебѣ только одной. Я былъ твоимъ и остался имъ до сихъ поръ, никѣмъ и ничѣмъ не связанный, чтобы тебѣ угождать, почитать и любить тебя и вмѣстѣ съ тобою бѣжать, когда, куда и какъ бы ты ни захотѣла или приказала».

Поэтому никто ни мало не удивился, когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сдѣлалось извѣстно, что онъ порвалъ съ ней всякія связи. Его любовь была лишь рефлективною любовью, которая подобно зеркалу подражаетъ всеѣмъ колебаніямъ пламени, но не въ силахъ произвести огонь. На одномъ балу, нѣсколько времени спустя, лэди Лэмб случайно встрѣтилась съ Байрономъ. Эта встрѣча такъ сильно на нее подѣйствовала, что она въ отчаяніи схватила первое попавшееся подъ руку острое орудіе,—одни говорятъ ножницы, другіе (Galt) разбитый стаканъ отъ желе, и поранила себѣ горло. Послѣ этой неудавшейся попытки самоубійства, она (по увѣренію графини Гвиччоли) сначала обратилась съ просьбою къ молодому лорду вызвать Байрона на дуэль и убить его, «дѣ-

лая ему за это невѣроятнѣйшія обѣщанія», но вскорѣ сама явилась къ Байрону «отнюдь только не затѣмъ, чтобы перерѣзать себѣ или ему горло». Записка, которую она ему оставила у него на столѣ, не заставъ его дома, послужила поводомъ для эпиграммы Байрона «Remember thee!», помѣщенной въ его сочиненіяхъ. Пылая мщеніемъ, лэди Лэмбъ взялась теперь за перо и написала романъ «Гленарвонъ», который появился въ самое неблагоприятное для Байрова время, именно вскорѣ послѣ его размолвки съ женой, и произвелъ большое впечатлѣніе въ умахъ его противниковъ. Романъ имѣлъ въ эпиграфѣ слова изъ «Корсара»:

Вѣкамъ же передалъ до поздняго конца
Онъ имя лишь одно корсара-удальца,
Въ душѣ чьей, что въ себѣ такъ много зла вмѣщала,
Одна святая страсть царила и сіяла.

Романъ этотъ рисуешь Байрона демономъ притворства и злобы, надѣленнымъ всѣми недостатками своихъ героевъ. При всемъ томъ она, быть можетъ, въ свое оправданіе, не обошлась и безъ того, чтобы не сообщить его образу нѣкоторыя симпатичныя черты характера. Въ одномъ мѣстѣ говорится: «Будь его характеръ такого рода, что онъ позволялъ-бы себѣ что-нибудь, что могло-бы имѣть видъ вольности или фамиліарности, которыя такъ часто позволяютъ себѣ мужчины, то она, можетъ быть, боялась-бы или остерегалась его. Да и чего-же ей было бѣжать? Конечно, ужъ не пошлой лести или вѣтренныхъ и легкомысленныхъ клятвъ, къ которымъ скоро привыкаютъ всѣ женщины, но вниманія, отзывавшагося на ея малѣйшія прихоти, тонкаго и въ то-же время не лишенаго лести уваженія, пріятности, нѣжности, которыя такъ-же обманчивы, какъ и рѣдки. И все это соединялось съ могучей фантазіей, съ умомъ и остроуміемъ, какими не обладалъ въ его время ни единый смертный». Впослѣдствіи, во время пребыванія Байрона въ Венеціи, «Гленарвонъ» былъ переведенъ на итальянскій языкъ, и когда цензоръ обратился къ нему съ запросомъ, не

имѣть ли онъ чего-нибудь противъ появленія книги, которую, въ такомъ случаѣ, можно не пропустить, Байронъ, вмѣсто всякаго отвѣта, издалъ ее на свой счетъ. Мы встрѣчаемъ лэди Лэмбъ еще одинъ разъ, и при странныхъ обстоятельствахъ, въ исторіи Байрона. Когда его трупъ былъ привезенъ изъ Греціи въ Англію и когда похоронная процессія медленнымъ шагомъ двигалась изъ Лондона въ Ньюстедъ, по дорогѣ встрѣтили ее, спя на верхомъ на лошадахъ, мужчина и дама. Дама пожелала узнать, чи это похороны, и когда ей назвали имя покойника, она безъ чувствъ упала съ лошади. Эта дама была авторъ романа «Гленарвонъ».

✓ Легкомысленная и безшабашная лондонская жизнь Байрона завершилась весьма роковымъ для него событіемъ—женитьбою. Особеннаго уваженія къ женщинѣ Байронъ не питалъ во всю свою жизнь; но женщина, не смотря на его своеобразную любовь, была для него преданнымъ, самоотверженнымъ существомъ, которое онъ съ особенною любовью изображалъ въ своихъ стихотвореніяхъ. И теперь судьбѣ было угодно, чтобы онъ взялъ себѣ въ супруги особу скупую и крайне неподатливаго характера. Миссъ Анна Изабелла Мильбланкъ, единственная дочь богатаго баронета, очаровала Байрона своей простотою и скромностью, привлекла его своею красотою и соблазнила возможностью ея приданымъ привести въ нѣкоторый порядокъ ньюстедскія дѣла; по болѣе всего она заинтересовала его тѣмъ, что отклонила его первое предложеніе, а затѣмъ, по собственному побужденію, начала съ нимъ вести дружескую переписку и, наконецъ, дала ему свое согласіе въ отвѣтъ на его крайне легкомысленное письмо, въ которомъ онъ просилъ ея руки и которое онъ потому отослалъ ей, что другъ его, которому онъ прочелъ его, нашелъ, что письмо «хорошо написано». Изъ крайне гадкихъ видовъ, частью тщеславныхъ, частью филистерскихъ, вступилъ Байронъ въ бракъ, который уже, судя по началу, ничего не могъ предвѣщать добраго. Во все время передъ своей свадьбой онъ былъ въ крайне веселомъ на-

строени. «Я по уши влюбленъ», писалъ онъ одной изъ своихъ пріятельницъ, «и чувствую себя, какъ и всѣ неженатые господа въ подобномъ положеніи, какъ-то особенно глупо», и въ другомъ мѣстѣ: «Теперь я счастливѣйшій изъ смертныхъ, такъ какъ прошла еще всего недѣля, какъ я обручился. Вчера я встрѣтился съ молодымъ Ф., тоже счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, потому что и онъ обручился». Такимъ ребячествомъ отзываются всѣ тогдашнія письма Байрона. Такъ, между прочимъ, онъ, повидимому, былъ очень озабоченъ вопросомъ о голубомъ фракѣ, въ которомъ ему, согласно обычаямъ, необходимо было вѣнчаться и котораго онъ въ то же время видѣть не могъ. Межъ тѣмъ, чѣмъ болѣе приближался день свадьбы, тѣмъ тяжелѣе становилось у него на душѣ. Печальная судьба брака его родителей внушала ему преждевременный страхъ передъ бракомъ. Свои чувства во время вѣнчанія онъ изобразилъ въ своемъ стихотвореніи «Сонъ», а Медвину передавалъ, что онъ дрожалъ во время вѣнчанья и давалъ отвѣты совершенно не на вопросы.

«Сиропный мѣсяцъ», какъ называетъ его Байронъ, прошелъ, не омрачившись ни единымъ облачкомъ. «Я провожу свое время (въ деревнѣ родителей своей супруги), пишетъ онъ Муру, «въ страшномъ однообразіи и тишинѣ, и занимаюсь только тѣмъ, что ѣмъ компотъ, шляюсь изъ угла въ уголь, играю въ карты, пересчитываю старые альманахи и газеты, собираю по берегу раковины и наблюдаю за правильностью роста нѣкоторыхъ исковерканныхъ кустовъ крыжовника». Два дня спустя онъ пишетъ: «Я живу здѣсь съ большимъ комфортомъ и выслушиваю каждый вечеръ проклятые монологи, которые старики называютъ разговоромъ и которымъ мой тестъ предается ежедневно, кромѣ тѣхъ дней, когда онъ играетъ на скрипкѣ. Впрочемъ, старики здѣсь крайне любезны и гостепримны. Белль *) здорова и по-прежнему мила и весела».

Пегасъ чувствовалъ себя однако не совсѣмъ хорошо подъ ярмомъ. Молодая чета отправилась, между тѣмъ, въ

*) Сокращено изъ Анна Изабелла (Аннабелли-Белль).

Лондонъ, устроилась тамъ блестящимъ образомъ, обзавелась экипажами, прислугой, принимала массу гостей и пр., до тѣхъ поръ, пока не явились кредиторы Байрона. 10.000 фунтовъ приданнаго испарились, какъ роса передъ солнцемъ. 8.000 фунтовъ, которые достались Байрону по наслѣдству, пошли по той же дорожкѣ! Ему даже пришлось продать свои книги. Книгопродавецъ Муррей предложилъ ему 1,500 фунтовъ гонорару впередъ, чтобы удержать его отъ продажи книгъ, но поэтъ изъ ложной гордости отклонилъ это предложеніе. Затѣмъ, послѣдовала въ восьмой разъ опись имущества. Опечатана была даже брачная постель, между тѣмъ какъ остальная мебель и экипажи были уже выведены кредиторамъ. Среди такихъ-то обстоятельствъ, родила лэди Байронъ свою дочь Аду.

Само собою разумѣется, молодой избалованной наслѣдницѣ и въ голову не приходило, чтобы ей предстояли когда-нибудь подобныя денежныя затрудненія. Какъ бы то ни было, жизнь ихъ вначалѣ была очень хороша. Они выѣзжали обыкновенно вмѣстѣ, и молодая супруга терпѣливо ждала въ каретѣ въ то время, какъ мужъ ея дѣлалъ визиты. Она писала за него письма, переписывала его стихотворенія и, между прочимъ, переписала «Осаду Коринѳа». Между тѣмъ, и въ мелкихъ дрязгахъ тоже не было недостатка. Молодая жена, повидному, взяла себѣ въ привычку обращаться къ поэту съ вопросами и разговорами, мѣшавшими ему писать, что приводило его въ крайнюю раздражительность, которую она находила даже не совсѣмъ приличною. Иногда ей приходилось видѣть такую вспыльчивость и безхарактерность, о какихъ ей никогда еще раньше и не снилось. Разъ, она видѣла, какъ онъ въ ярости бросилъ свои часы въ каминъ и изломалъ ихъ шипцами; въ другой разъ, по неосторожности или въ шутку, онъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ ея комнату. Къ этому присоединилась еще ревность. Ей было извѣстно, какую славою гремѣли его любовныя интриги, да она и сама знала про его отношенія къ лэди Лэмбъ, съ которой она была въ близкомъ родствѣ. Въ довершеніе всего не-

счастія, Байронъ былъ выбранъ въ дирекціонный комитетъ Дрюриленскаго театра, и нетрудно понять, какими глазами смотрѣла его супруга на его постоянныя дѣловыя сношенія съ актрисами, пѣвицами и танцовщицами. Особа, служившая ему, горничная лэди Байронъ, которую онъ изобразилъ въ своемъ стихотвореніи «A sketch» («Очеркъ»), сдѣлалась настоящимъ шпиономъ, рылась у Байрона въ ящикахъ и пересматривала его письма. Въ заключеніе, тутъ есть еще одно обстоятельство, къ которому я и возвращаюсь

Черезъ мѣсяць послѣ рожденія ребенка, лэди Байронъ, по взаимному согласію, покинула безпокойное и непріятное жилище мужа, чтобы провести нѣсколько времени у своихъ родителей; но лишь только она успѣла тамъ водвориться, какъ Байрона извѣстилъ ея отецъ, что она къ нему болѣе назадъ не вернется. Не смотря на это, она написала ему письмо (теперь оно уже въ печати), которое начиналось словами «Dear Dick» («Милая цыпочка!») и заканчивалось не менѣе нѣжными кличками. Легко понять, какъ поразило Байрона это извѣстіе... Онъ отвѣчалъ ея отцу, что въ этомъ дѣлѣ онъ, само собою разумѣется, отцовскаго авторитета не признаетъ, а ждетъ объясненія самой жены, которое и не замедлило сейчасъ-же явиться. Въ 1830 году, лэди Байронъ открыто заявила своему мужу, что она написала ему нѣжное письмо только потому, что считала его за человѣка, страдающаго какою нибудь душевною болѣзнію, и что она никогда бы не покинула его, если бы подтвердилось ея предположеніе; въ противномъ-же случаѣ, она не можетъ съ нимъ жить ни при какихъ условіяхъ.

Въ одномъ отрывкѣ изъ романа, писаннаго Байрономъ въ 1817 году, находимъ слѣдующія строки, относящіяся къ этой эпохѣ: «Нѣсколько дней спустя, она отправилась съ своимъ сыномъ въ Аррагонію на побывку къ своимъ родителямъ. Я не сопровождалъ ея, такъ какъ раньше былъ въ Аррагоніи. Съ дороги я получилъ отъ донны Юзефы очень нѣжное письмо, извѣщавшее меня о здоровьи

ея и моего сына. По ея прибытіи въ замокъ, она написала мнѣ еще болѣе нѣжное письмо, въ которомъ въ очень нѣжныхъ и достаточно кокетливыхъ выраженіяхъ просила меня пріѣхать поскорѣе къ ней. Я только было собрался покинуть Севилью, какъ вдругъ получаю, на этотъ разъ отъ отца, письмо, въ которомъ онъ въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ уговариваетъ меня порвать мои брачныя связи съ его дочерью. Я отвѣчалъ также вѣжливо, что ничего подобнаго мнѣ и въ голову не приходило. Тогда пришло четвертое письмо, въ которомъ донна Іозефа сообщала мнѣ, что письмо ея отца было написано по ея настоящему желанію... Тогда въ ближайшемъ письмѣ я спросилъ ее о причинахъ. Она отвѣчала приблизительно такъ: «Причины тутъ ничего не могутъ подѣлать, хотя и нѣтъ особенной необходимости объяснять ихъ»... Но надо согласиться, что она превосходная и оскорбленная жена. Тогда я спросилъ, зачѣмъ же она мнѣ написала передъ этимъ два нѣжныхъ письма, въ которыхъ уговаривала меня пріѣхать въ Аррагонію. Она отвѣчала, что это случилось потому, что она считала меня безумнымъ, и если бы только мнѣ пришлось отправиться въ дорогу, то я прибылъ бы безъ всякихъ затрудненій въ замокъ моего тестя и нашелъ бы тамъ нѣжнѣйшую изъ всѣхъ супругъ и... узкую горячечную рубашку».

Лишь только супруга оставила Байрона, какъ онъ, по приговору свѣта, сразу превратился въ другаго человѣка. Какъ нѣкогда, на другой день послѣ появленія «Чайльдъ Гарольда», онъ проснулся знаменитостью, такъ теперь онъ проснулся человѣкомъ обезславленнымъ и отвергнутымъ.

Какъ все это случилось? Причины всѣ были на-лицо. Первая причина была зависть, не такъ зависть боговъ на которую древніе смотрѣли, какъ на источникъ гибели великихъ людей,—но грязная, низкая людская зависть. Онъ былъ такъ высокъ и такъ великъ, что при всѣхъ своихъ ошибкахъ никогда не могъ унизиться до уровня мѣщанской почтительности; полагаясь на свой гений и на свое

счастіе, онъ не стремился пріобрѣтать себѣ друзей-покровителей и равнодушно относился ко всѣмъ врагамъ, которые становились ему поперекъ дороги. Пересчитать число всѣхъ этихъ враговъ уже теперь не было никакой возможности. Прежде всего и болѣе всего, ему завидовали его коллеги, а изъ всѣхъ родовъ зависти литературная зависть самая ядовитая. Онъ осмѣлялъ ихъ и на вѣки заклеивалъ именовъ писакъ, однихъ изъ нихъ лишилъ громкаго имени, а другихъ даже возможности пріобрѣсть себѣ хоть въ будущемъ какое-нибудь имя, такъ зачѣмъ-же теперь они будутъ боготворить и удивляться ему, и завидовать себѣ кудри для вѣнка, который имъ не достался? Какая радость для нихъ стащить его теперь съ золотого пьедестала знаменитости, и запачкать тою грязью, въ которой они сами купаются!

Въ религіозномъ и политически-ортодоксальномъ обществѣ онъ долгое время былъ предметомъ подозрительныхъ взоровъ и тайной ненависти. Немногія сторфы «Чайльд-Гарольда, гдѣ Байронъ въ весьма осторожныхъ выраженіяхъ позволяетъ себѣ высказать сомнѣніе въ нѣкоторыхъ преданіяхъ, были приняты за дерзкую ересь, и противъ него была написана цѣлая книга: «Анти-Байронъ». Его четыре строчки, обращенныя къ принцессѣ Шарлоттѣ, съ надписью: «Плачущей принцессѣ», напечатанныя вмѣстѣ съ «Корсаромъ» и доставившія принцессѣ утѣшеніе въ печальную годину политическихъ передрягъ регентства приша, до послѣдней степени раздражали противъ него всю могучую торійскую партію. До сихъ поръ, онъ былъ хранимъ своимъ «prestige'емъ», какъ-бы какимъ невидимымъ панцыремъ; но теперь, благодаря бреши, которая открылась въ его жизни, общественное мнѣніе сразу какимъ-то чудомъ возстало противъ него.

Само собою разумѣется, лэди Байронъ и ея родня жили душа въ душу съ этимъ обществомъ, и имъ не трудно было заклеить именовъ чудовища того, кто покинулъ такую примѣрную супругу. Пошли сплетни, была высижена клевета, которая приняла опредѣленный обликъ,

получила ноги и крылья и отправилась гулять по бѣлу свѣту, все увеличиваясь и увеличиваясь во время полета. Ея голосъ, какъ говорится въ знаменитой аріи Базиліо, изъ шопота превратился въ свистъ, а изъ свиста въ оглушительное завываніе, подобное завыванію бури въ горахъ.

Зависть противъ Байрона поступила на службу къ лицемѣрію и работала подъ покровительствомъ послѣдняго. Цивилизованное лицемѣріе первой четверти XIX столѣтія было общественною силою, авторитетъ которой только въ выборѣ своихъ средствъ, а отнюдь не въ своемъ кругѣ дѣйствій и не въ активной силѣ уступалъ авторитету, которымъ былъ облеченъ инквизиціонный трибуналъ. Происходило то, о чемъ Байронъ говоритъ въ «Чайльдъ Гарольдъ» (пѣснь IV, строфа 93):

Могущества земного страсти
Нерѣдко гонять насъ во тьму.
Добро и зло для насъ случайно,
И люди многіе года
Дрожали строгаго суда
Свободной мысли, чрезвычайно
Страшились, кроясь во мглѣ,
Пугаясь свѣта на землѣ *).

Чтобы достойнымъ образомъ воспѣть лицемѣріе, говоритъ Байронъ въ «Донъ Жуанъ» (пѣснь X, строфа 34), потребовалось-бы «сорокъ англійскихъ проповѣдниковъ». Да и дѣйствительно, иначе-то и не могло быть въ то время, которое представляетъ такъ много аналогій съ эпохой, характеризующей разложеніе античнаго міровоззрѣнія,—въ то время, когда старое теологическое воззрѣніе на міръ и на жизнь принуждено было прицѣпиться къ условной морали высшаго общества, чтобы имѣть подъ собою хоть какую-нибудь опору, и когда

*) Пер. Д. Минаева.

клерикальный авторитетъ и мѣщанскій консерватизмъ походили на двухъ хромыхъ, которые поддерживали другъ друга. Если бросить взглядъ на психологическое состояніе Европы въ началѣ этого столѣтія, то покажется, что все это лицемѣріе, зародившееся впервые между французскими эмигрантами, исподоволь развивавшееся у нѣмецкихъ романтиковъ и достигшее своего высшаго напряженія во время реакціи во Франціи, какъ бы сразу обрушилось на одного человѣка.

Благородный Маколей говоритъ по этому поводу: «Я не знаю болѣе смѣшного зрѣлища, какъ британская публика, когда она находится въ одномъ изъ своихъ моральныхъ припадковъ. Обыкновенно оболъщенія, разводы, семейныя передраги идутъ себѣ своимъ путемъ, не возбуждая къ себѣ особеннаго вниманія. Обыкновенно мы поговоримъ о скаandalѣ, на другой день прочтемъ о немъ въ газетахъ, а потомъ и совсѣмъ забудемъ. Но разъ въ шесть или семь лѣтъ добродѣтель наша становится на военную погу. Мы не можемъ переносить, чтобы предписанія религіи и нравственности попирались такъ дерзко и безнаказанно. Мы должны устроить больверкъ противъ порока. Мы должны показать, что англійскій народъ умѣетъ цѣнить священныя узы семьи. Вслѣдствіе этого, тотъ или тотъ несчастный, который ничуть не безнравственнѣе сотни другихъ, къ мнѣніямъ которыхъ относятся съ большою осмотрительностью, является за всѣхъ козломъ отпущенія. Если у него есть дѣти, у него ихъ отнимаютъ; если у него положеніе въ обществѣ—его лишаютъ этого положенія; высшіе классы не кланяются ему, а низшіе шикаютъ и свистятъ. Опъ является тѣмъ «бѣднымъ Макаромъ, на котораго всѣ шишки валяются», т. е., наказывая его, общество наказываетъ одновременно и всѣхъ преступниковъ его пошиба. Мы думаемъ тогда не безъ внутренняго удовольствія о нашей строгости и съ гордостью сравниваемъ высокую степень нравственности, на которой стоитъ Англія, съ парижскою вѣтренностью. Наконецъ, нашъ благородный гнѣвъ удовлетво-

рень. Жертва наша разрушена или лежитъ мертвая и добродѣтель наша снова засыпаетъ на цѣлыя семь лѣтъ».

Чѣмъ сложнѣе были причины паденія Байрона, тѣмъ проще было употреблено средство, единственно дѣйствительное во всѣхъ подобныхъ случаяхъ: печать. Уже по случаю его стиховъ къ привцессѣ Шарлоттѣ многіе журналы осыпали его самую пошлою клеветою, а нѣкоторые изъ нихъ завели даже особую рубрику специально для грязныхъ нападокъ противъ великаго поэта. Теперь нападки на его частную жизнь получили полный просторъ въ силу анонимности, которая, вопреки всей своей неестественности и непригодности, неизбѣжныхъ послѣдствій своихъ, господствовала въ англійской прессѣ. Значеніе анонимности—только то, что всякій, жалчайшій бумагомарака, который едва умѣетъ держать перо, распространяя имъ ложь, будетъ имѣть возможность приложить къ своимъ губамъ моральную трубу общественнаго мнѣнія и трубить въ нее на тысячу ладовъ, голосомъ оскорбленной добродѣтели. И дѣло не ограничивается только тѣмъ, что является на свѣтъ божій какойнибудь одинъ анонимъ, нѣтъ,—онъ, при своей анонимности, можетъ сфабриковать еще сотни другихъ анонимовъ, подъ всевозможными подписями и на массѣ разнообразнѣйшихъ листовъ; и если одного пачкуна было-бы достаточно, чтобы снабдить всю прессу подлѣйшими инсинуаціями на одного человѣка, который сдѣлался бѣльмомъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія, то какимъ-же градомъ должны были обрушиться нападки на Байрона, если число враговъ его было легионъ! Онъ вспоминалъ въ послѣдствіи о ругательныхъ словахъ, съ которыми обрушивалась на него пресса. Его называли: Нерономъ, Апидемъ, Калигулой, Геліогабаломъ и Генрихомъ VIII, т. е. его обвиняли въ всевозможнѣйшей жестокости, въ сумасбродной свирѣности, въ звѣрской и неестественной разнузданности—словомъ, его описывали всѣми красками, какія только имѣются на палитрѣ пошляковъ. Но изъ всѣхъ обвиненій самое ужасное было то, которое успѣло уже про-

никнуть въ печать и положило позорное клеймо на существо, которое ему было дороже всѣхъ,—обвиненіе въ томъ, что онъ живетъ въ преступной связи съ своей сестрой. И при этомъ—никакой возможности отвѣчать на всѣ эти нападки!

Сплетни переходили изъ устъ въ уста. Когда актриса Мардэйнь, вскорѣ послѣ размолвки Байрона, вступила на сцену Дрюрилэнскаго театра, то была освистана, на основаніи ни на чемъ неоснованныхъ слуховъ, будто эта дама, съ которой Байронъ говорилъ всего-то какихъ-нибудь три-четыре раза, находилась съ нимъ въ интимныхъ отношеніяхъ. Дошло до того, что онъ не смѣлъ выходить на улицу. На улицѣ, когда онъ направлялся въ парламентъ, его игнорировали рѣшительно всѣ, а образованная чернь даже оскорбляла.

Такъ какъ не предвидѣлось ни откуда никакой защиты, то онъ, не смотря на всю свою гордость, долженъ былъ покориться силѣ обстоятельствъ и оставить поле битвы. Онъ чувствовалъ, по его выраженію, «что онъ не годится для Англіи, если клевета, публично распространяемая, имѣетъ свои причины; если же она лишена основанія, то Англія не годится для него». 25 апрѣля 1816 года Байронъ сѣлъ на корабль, чтобы никогда болѣе не возвращаться назадъ.—Съ этихъ поръ, начинается истинное величіе Байрона. Впервые вызвала его къ духовной дѣятельности эдинбургская критика, а этимъ ударомъ онъ былъ посвященъ въ рыцари. Нельзя даже дѣлать никакого сравненія между тѣмъ, что онъ написалъ до того перелома, и тѣмъ, что написалъ послѣ него; въ этомъ онъ и самъ признавался не разъ. Несчастіе, постигшее его, было ниспослано гениемъ исторіи, чтобы вырвать его изъ опьяняющаго обоготворенія окончательно устранить отъ всякихъ сношеній съ усыпляющимъ обществомъ и духомъ этого общества, противъ которыхъ онъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, вооружилъ страшнѣйшую оппозицію.

III.

Когда Байрону пришлось во второй раз сдѣлаться безпріютнымъ и одинокимъ скитальцемъ, онъ снова принялся за путевую поэму своей юности и прибавилъ къ «Чайльдъ Гарольду» третью и четвертую пѣсни. Онъ снова исполнился настроеніями своей юности; но какую полноту приобрѣли они въ этотъ промежутокъ! Аккордъ, раздавшійся въ первый разъ въ «Чайльдъ Гарольдѣ», превратился теперь въ тройственное созвучіе одиночества, меланхолія и стремленія къ свободѣ. Каждый изъ его звуковъ, взятый въ отдѣльности, сдѣлался теперь несравненно чище и благозвучнѣе, чѣмъ онъ былъ въ прежнее время.

Вся первая половина произведенія проникнута чувствомъ одиночества, обусловливающимъ любовь къ природѣ; уже здѣсь во второй пѣснѣ (строфы 25 и 26) говорится: «Сидѣть на скалахъ, мечтать надъ волнами, бродить по дремучимъ лѣсамъ, спускаться къ пронастямъ, сидѣть, склонясь надъ водопадомъ,—не есть одиночество, но внутреннее общеніе съ природой; напротивъ, лишь тотъ, по праву, можетъ называться одинокимъ, кто живетъ въ шумномъ вихрѣ свѣта, ни кого не любя и самъ не любимый никѣмъ». Но эти грустныя чувства были или навѣяны ему воспоминаніями о чудно проведенномъ дѣтствѣ въ горахъ Шотландіи, или вызваны видомъ жилища пустынниковъ на Аонской горѣ. Существовала также у Вордсворта, на ряду съ чувствомъ одиночества, любовь къ природѣ, любовь, которая покоилась на отвращеніи къ незнакомому и чужому міру людей. Разница между чувствомъ Вордсворта и Байрона заключалась въ томъ, что Вордсвортъ къ впечатлѣніямъ природы относился какъ-то вяло и мѣшковато, какъ сельское дитя или какъ пейзажистъ, тогда какъ Байронъ относился къ нимъ съ томительною и нервной любовью городского жителя, и еще въ томъ, что Вордсвортъ искалъ природы

обыкновенно въ спокойномъ состояніи, а Байронъ лучше всего любилъ ее созерцать разгнѣванною (пѣсьнь II, стр. 37). Во второй половинѣ пѣзмы чувство одиночества совсѣмъ иного характера. Очень большая разница между влеченіемъ къ уединенному общенію съ природой, испытываемымъ Гарольдомъ въ его юности, и тѣмъ влеченіемъ, которое онъ ощущаетъ въ зрѣлые годы какъ человѣкъ, узнавшій людей и жизнь. Не ненависть къ людямъ, но отвращеніе къ нимъ, какъ результатъ пресыщенія, заставляетъ теперь поэта полюбить нѣмую природу. Все свѣтское общество, играющее главную роль въ столицѣ, которое по стороннему взгляду казалось такимъ гуманнымъ, предупредительнымъ, справедливо думающимъ и рыцарски чувствующимъ, все оно обратилось къ нему своей грубой стороной, и эта обратная сторона весьма поучительна, но отнюдь не красива. Онъ испыталъ, какого рода дружбу оказываютъ тому, кто упалъ въ мнѣніи общества, и узналъ, что единственный факторъ, на котораго можетъ съ увѣренностью въ успѣхѣ рассчитывать всякій, желающій осуществить свои планы въ будущемъ, есть эгоизмъ и вытекающія изъ него послѣдствія. Такимъ образомъ, онъ во второй разъ остался наединѣ съ самимъ собою, и поэзія, которой онъ теперь отдался, писалась имъ не для общественныхъ натуръ. Но тотъ, кто хотя бы на короткое время повернулся спиною къ людямъ, кому было знакомо стремленіе навсегда покинуть свою родину или уѣхать на время изъ своего отечества, чтобы на время не видать знакомыхъ ему лицъ и отдохнуть душою подъ чужимъ небомъ и на чужой землѣ, кто при одномъ лишь приближеніи человѣческаго существа терять расположеніе духа и сразу омрачался, — въ душѣ того не могутъ не откликнуться лирическія пѣсни. Чайльдъ Гарольдъ — одишъ. Онъ понялъ, что совсѣмъ неспособенъ идти нога въ ногу съ другими людьми, что онъ не въ состояніи свои мысли подчинять господству постороннихъ мыслей или умовъ, противъ которыхъ возстаетъ его собственный умъ, или допустить какое нибудь насиліе надъ своей душой. Гдѣ

высятся горы, тамъ онъ чувствуетъ себя посреди друзей; гдѣ бушуетъ море, тамъ его родина. Поэма, которую природа создаетъ солнечными лучами на зеркальной поверхности водъ, для него милѣе, чѣмъ книга на языкѣ его родной страны. Среди людей ему такъ-же тяжело, какъ тяжело вольному соколу, которому обрѣзали крылья. Но хотя онъ и бѣжитъ свѣта, но все-таки не ненавидитъ его; не изъ негодованія и не изъ гордости душа его углубляется въ свой собственный источникъ; она боится излиться въ толпѣ людей, гдѣ одинъ мигъ можетъ разрушить все наше счастье, такъ что «вся кровь наша превратится въ слезы». Развѣ не лучше, спрашиваетъ онъ, быть одному и составлять какъ-бы часть окружающаго міра, въ то время, какъ взоры твои услаждаются видомъ высокихъ горъ, тогда какъ городской шумъ для тебя хуже пытки, и въ то время, какъ горы, небо и море составляютъ часть твоей души, какъ ты ихъ душу, и когда любовь къ нимъ составляетъ для тебя величайшее счастье? Но въ этомъ одиночествѣ душа его находитъ безконечную жизнь, ту истину, съ которой онъ могъ стать выше личнаго сознанья. Гарольду свѣтъ чужой, и онъ чуждъ свѣту. Онъ гордится тѣмъ, что никогда не льстилъ его похотямъ, никогда не преклонялся предъ его кумирами, никогда не вынуждалъ себя улыбаться тому, что считалъ безчестнымъ, и никогда не былъ эхомъ тѣхъ мнѣній, которыя выкрикивались толпой. Онъ былъ среди нихъ, но былъ для нихъ постороннимъ. Теперь онъ хочетъ открытымъ врагомъ разстаться со свѣтомъ, котораго онъ не любилъ и который за эту нелюбовь заплатилъ ему съ большими процентами. Онъ полагаетъ, говоритъ онъ, и этому научился онъ изъ собственного опыта, что существуютъ на бѣломъ свѣтѣ и такія слова, которыя равнозначущи славнымъ дѣламъ, что существуетъ надежда, которая не обманываетъ, истинное состраданіе и двое-трое искреннихъ людей *).

*) Чайльдъ Гарольдъ, пѣснь III, строфы: 69, 70, 72, 75, 90, 113 и 114.

Такимъ образомъ, чувство одиночества переходитъ въ чувство *меланхолии*. И эта струна была затронута въ первыхъ двухъ пѣсняхъ, но тамъ меланхолія была чисто юношескимъ недовольствомъ. Растроченная безъ пользы молодость лежала позади Чайльдъ Гарольда, и онъ, подобно *флегматическому* меланхолику Гамлету, между могильщиками, стоялъ у могилы Ахиллеса и взвѣшивалъ, съ черепомъ въ рукахъ, цѣну жизни и брениной славы, между тѣмъ какъ онъ, еще не испытавшій прелести славы, теперь ни къ чему такъ страстно не стремился, какъ къ славѣ, къ этой, для виду-то и выдуманной философіей, презираемой, ничтожной славѣ. Теперь онъ ею наслаждался и узналъ, какая она малопитательная пища. Сердце его походитъ теперь на разбитое въ куски зеркало, которое одинъ и тотъ же образъ отражаетъ въ тысячѣ видахъ, и этотъ образъ тѣмъ труднѣе забывается, чѣмъ на большее количество кусковъ разбито зеркало. Съ страшно надломленными силами, онъ ищетъ въ природѣ того, что своимъ контрастомъ могло-бы хоть нѣсколько унять его муку,— онъ ищетъ открытый свободный океанъ, сѣдою гривую котораго онъ забавлялся еще въ дѣтствѣ, и который знаетъ его, какъ конь своего всадника и господина; онъ любитъ море, потому что оно одно не знаетъ разрушенія, одно не покрыто морщинами старости и одно имѣетъ тотъ же видъ, какой имѣло въ утро временъ. Но все въ природѣ напоминаетъ ему о мукѣ и борьбѣ. Отдаленный громъ, какъ грозный колокольный звонъ, будитъ въ немъ все, что въ немъ уже успокоилось. Даже маленькое озеро Неми не производитъ на него мирнаго, кроткаго впечатлѣнія: оно кажется ему «спокойнымъ, какъ затаенная ненависть» (пѣснь IV, стр. 173). Его меланхолія чисто холерическаго свойства. Если бы онъ могъ всю свою страсть выразить однимъ словомъ, и это слово было-бы такъ-же разрушительно и страшно, какъ молнія, онъ и тогда-бы не задумался сказать его. Все лучше покоя! Вотъ его лозунгъ: покой—адъ для сильныхъ душъ. Душевный пылъ, разъ загорѣвшись, никогда не потухнетъ,

но все растеть и растеть и, наконецъ, принимаетъ исполнскіе размѣры. Это—лихорадка, не понятная для того, кого она охватываетъ. «Та лихорадка», говорить онъ, «возрождаетъ

Безумцевъ, бардовъ, королей;
Она на битвы призываетъ
Вокругъ разбитыхъ алтарей;
Она творить людей движенья,
Въ которыхъ кровь живѣй бѣжить;
На ихъ дѣла, на ихъ стремленье
Толпа, смѣясь, порой глядитъ.
Что-жь за причины ихъ терзанья?
О, какъ-бы были хороши
Хотя-бъ одной такой души
Для насъ открыты признанья:
Тогда-бы все мы, можетъ быть,
Не стали славу такъ любить.

Въ душъ ихъ — буря, жизнь—волненье,
Хоть часто губить ихъ оно,
Но безъ борьбы, но безъ паденья
Имъ въ мѣръ жить не суждено.
Покой ихъ давить вѣчной скукой,
Имъ нужны: ненависть, вражда...
Такъ спалены борьбой и мукой
Они потухнуть навсегда,
Какъ постепенно потухаетъ
Безъ дровъ оставленная печь *).

Ахъ, восклицаетъ Чайльдъ Гарольдъ:

Отъ юныхъ лѣтъ мы вянемъ хило,
Бредемъ безъ цѣли цѣлый вѣкъ,
Хоть до конца—вплоть до могилы—
Все ищетъ слабый человекъ
Какой-то призракъ, но проклятье
На немъ съ цѣлѣнь еще лежитъ.
О, слава и любви объятья!
То и другое насъ мутить,
То и другое минеть скоро.
Ихъ безобразна красота,
Они исчезнуть, какъ мечта,
Какъ блескъ случайный метеора.

*) Пѣснь III, стр. 43 и 44.

Ихъ тушить вдругъ сгобомъ своимъ
Зловѣщей смерти черный дымъ *).
Жизнь наша—вѣчный грѣхъ природы
Наслаиe небесныхъ каръ,
Клеймо судьбы, позоръ свободы;
Жизнь наша—то же, что Анчаръ
Съ его смертельною отравой
И ядовитою росой.
Жизнь служить хищною забавой
Для мукъ, недуговъ, смерть съ косою
За ней слѣдить, Жизнь есть страданья,
Хоть ихъ, порою, не видать:
Они слышють истерзать,
Игрысть всю грудь безъ состраданья.
А въ сердца боль царить одна.
Неувротима и сильна.

Но среди всего этого мрачнаго недовольства, которое тяжелымъ бременемъ ложится на душу человѣка, вмѣстѣ съ неизбежною мыслью о всеобщей жалкой долѣ, удачно названною у нѣмцевъ «Weltschmerz» (мировая скорбь), *любовь къ свободѣ*—третьей основной мотивъ поэмы, уже встрѣчавшійся въ двухъ первыхъ пѣсняхъ «Чайльдъ Гарольда», является единственною спасительною силою, которая указала жизни практическую задачу. Еще въ Португаліи воскликнулъ онъ:

О, для чего въ странѣ свободной
Народъ свободный не живетъ!

А испанцамъ онъ трубить на ухо:

Сыны Испаніи, проснитесь!
Оружье въ руки и—впередь!
На крикъ призывный отзовитесь:
Впередь! Васъ рыцарство зоветъ **).

Уже тогда онъ обратился къ угнетенному греческому народу съ увѣщаніемъ:

Рабы! Но развѣ вы забыли
Кому свободы сладокъ даръ,

*) Пѣснь IV, стр. 124.

**) Пѣснь I, стр. 37.

Тѣ рабству сами наносили
Въ бою рѣшительный ударъ.
Защиты-ль русскаго народа
Вы ждете? Гдѣ-ли васъ спасеть?!
Но пусть вашъ врагъ отъ нихъ падеть,
А все-жъ желанная свобода
Не будетъ Греціи дана.
Мѣний-же, бѣдная страна,
Своихъ владыкъ—они могучи—
Но надъ тобой все будутъ тучи... *)
Когда возстанутъ легіоны,
Проснутся Атики сыны
И снова греческія жены
Родать героевъ для страны,
Тогда лишь только край узнаетъ
Иную жизньъ, уставъ страдать... **)

Но его тогдашняя любовь къ свободѣ была чисто политическаго характера: это было негодованіе свободнаго англичанина, видѣвшаго, какъ другіе народы не въ силахъ свергнуть съ себя иго чужеземнаго владычества, иго, котораго его народъ никогда на себѣ не испытывалъ, да и не въ силахъ бы былъ выносить его. Теперь же онъ беретъ свободу въ болѣе широкомъ, полномъ, общечеловѣческомъ смыслѣ. Теперь онъ чувствуетъ, что свободная мысль есть исходный пунктъ всей духовной жизни. Да, говоритъ онъ (пѣснь IV, стр. 127. Сравни «Донъ Жуанъ», пѣснь IX, стр. 24):

Все-жъ будемъ размышлять мы смѣло.
Безчестно отступать отъ правъ:
Мысль—наше право. наше дѣло,
И я храню ея уставъ.
Хоть съ дня рожденья мысль въ насъ гнали,
Водили къ пыткамъ и на казнь,
Терзали, жгли и оскорбляли,
Хотя завистливо боязнь
Ее во мракъ содержала,
Чтобъ съ свѣтомъ не жилъ человѣкъ,
Но все-жъ порою видѣлъ вѣкъ,

*) Пѣснь II, стр. 76.

**) Пѣснь II, стр. 84.

Что мысль лучемъ своимъ сіяла—
И мы узнали, наконецъ,
Что прозрѣваетъ и слѣпецъ.

Онъ не желаетъ ограничиваться однимъ размышленіемъ, онъ хочетъ дѣйствовать. Онъ зоветъ время, этого великаго мстителя, напоминаетъ ему, что спокойно и съ гордостью сносилъ ненависть свѣта—всякаго рода ненависть пришлось ему извѣдать

Отъ крупныхъ золь до хитрости ничтожной,
Отъ громкаго хуленья клеветы
До шопота измѣны осторожной
Тѣхъ низкихъ душъ, которыхъ тонкій ядъ
Невидимо вредитъ своей отравой. *)

—и заключаетъ мольбой:

Ужель свой крестъ напрасно я носилъ?

Когда онъ затѣмъ переѣзжаетъ изъ страны въ страну, то его личное горе постепенно ступеневывается при видѣ огромныхъ развалинъ Рима, и онъ, подобно Сульпицію Шатобриана (Мученики), чувствуетъ все ничтожество своего рока въ сравненіи съ рокомъ, стершимъ съ лица земли города Греціи.

О, Римъ родной! Друзья страданья
Пускай къ тебѣ теперь придуть:
Ничтожно горе наше тутъ.
Что наши скорби и рыданья? **)
Здѣсь вставала
Мегара прямо предо мной,
А сзади—новая картина—
Лежали: древняя Эгипа,
Пирей, Коринѣвъ... Влекомъ волной,
Смотрѣлъ я, грустенъ и печаленъ,
И мнѣ казалось, что они
Стоять теперь, какъ и въ тѣ дни,
Когда на груды ихъ развалинъ
И историческихъ руинъ
Глядѣлъ другъ ***) Туллія одинъ. ****)

*) Чайльдъ Гарольдъ. IV. 136.

**) Чайльдъ Гарольдъ IV, 78.

**) Сервій Сульпицій, другъ Цицерона.

****) Чайльдъ Гарольдъ IV. 44.

И когда, не довольствуясь одною мыслью о свободѣ, обращаетъ онъ свои взоры на внѣшнія событія и занимается ими, то не только повторяетъ свои прежнія воззванія къ угнетеннымъ, какъ напримѣръ (IV, 13) къ Венеціи, о которой говоритъ, что она цѣлые вѣка славы потопила въ грязи рабства и что лучше было бы ей погрузиться въ море, чѣмъ переживать подобный позоръ; но возстаетъ противъ побѣдителей при Ватерлоо, и отъ обзорѣнія внѣшней стороны политической борьбы переходитъ къ разсмотрѣнію ея соціального значенія. Конечно, говоритъ онъ:

Французы памятникъ сложили
Изъ предрасудковъ долгихъ лѣтъ,
Кулисы дряхлыя сломили—
И много жи увидѣлъ свѣтъ.
Но вмѣстѣ съ зломъ уничтожались
Зачатки прежняго добра:
Однѣ развалины остались,
Обломковъ пыльная гора.
На нихъ опять такія жъ зданья
Росли, какъ нѣкогда, изъ тьмы...
Опять безправье, гнетъ тюрьмы
И воскрешенное преданье,
Опять цѣпей позорный звонъ,
А честолюбецъ все силенъ *).
Не будетъ длиться это долго!
Ужъ силы чувствуетъ въ себѣ
Народъ.

И хотя Франція, омытая кровью, совершила цѣлый рядъ ужасныхъ преступленій (IV, 97, 98 и 137).

Но все-же ты жива, свобода!
Твой стягъ, изорванный кругомъ,
Стоитъ святыней у народа;
Твой голосъ, слышный словно громъ,
Теперь, усталый, грянетъ снова,
И въ сердца дерева больного,
Подъ старой, ветхою корою,
Гдѣ слѣдъ оставила сѣкира,

*) III. 82.

Еще теперь кипитъ для міра
Сокъ жизни съ прежнею игрой,
И сѣмена его донынѣ
Найдемъ и въ сѣверной пустынь,
И скоро міру лучшей плодъ
Весна иная принесетъ.
Но я на свѣтъ жилъ не даромъ.
Быть можетъ, умъ мой ослаблѣлъ
И кровь обжигъ не съ прежнимъ жаромъ,
Но я за то въ борьбѣ съумѣлъ
Смять и время, и мученья:
Я даже послѣ погребенья
Останусь жить съ своей тоской
И долго надъ душой людскою
Незримо буду я склоняться
И каменистую ихъ грудь
Я разбужу когда-нибудь—
И въ ней тогда зашевелится
И угрызенья, и тоска,
Иль неизвѣстный ска.

Такъ, въ этой чудной поэмѣ, чувства одиночества и меланхоліи сливаются вмѣстѣ съ любовью къ свободѣ, и съ каждою пѣснью внутренней міръ поэта все болѣе и болѣе расширяется и растетъ. Вордсвортъ воплотилъ свое *я* въ органъ для Англии, Скоттъ и Муръ все чувства, лежавшія въ шотландскихъ и ирландскихъ сердцахъ, выразили въ своихъ пѣсняхъ. Но *я* Байрона имѣетъ общечеловѣческую форму, его опасенія и надежды при сути всему человѣчеству. Послѣ того какъ это *я* мужественно уходитъ въ самого себя и углубляется въ свое личное горе, послѣднее расширяется въ грусть о жалкой долѣ всего человѣчества, грубая, эгоистическая кора спадаетъ и глубокий энтузіазмъ къ свободѣ пролагаетъ себѣ путь, чтобы охватить и возвысить все современное поэту поколѣніе. Тогда поэтъ исполняетъ свою службу Богу, и душа его просвѣтляется благоговѣніемъ: какъ древніе персы, воздвигавшіе свои алтари на вздымавшихся къ небу скалахъ, преклоняетъ онъ голову въ великомъ храмѣ природы, созданномъ изъ воздуха и гранита.

IV.

Посѣтивши Ватерлооское поле сраженія, Байронъ отправился вверхъ по Рейну въ Швейцарію, гдѣ и поселился на Женевскомъ озерѣ. Въ одномъ изъ тамошнихъ пансіоновъ онъ встрѣтился съ Шелли, который былъ четьрьмя годами моложе его. Шелли, въ свое время, какъ-то послалъ ему «Королеву Мабъ», но письмо, сопровождавшее посылку, до Байрона не дошло, и такимъ образомъ, между ними не возникло никакой переписки. Онъ прибылъ туда двумя недѣлями раньше Шелли вмѣстѣ съ Мэри Годвинъ и ея сводной сестрой, миссъ Джэнь Клермонъ, которая еще въ Лондонѣ была страстною поклонницею Байрона. Побочная дочь Байрона была плодомъ его непродолжительной связи съ этою молодою дѣвушкой.

Жизнь вмѣстѣ съ Шелли имѣла на умъ Байрона одно изъ сильнѣйшихъ и глубочайшихъ вліяній, къ которымъ онъ былъ такъ воспримчивъ. Наибольшее впечатлѣніе на Байрона произвели личность и міровоззрѣніе Шелли. Первый разъ въ своей жизни Байронъ стоялъ лицомъ къ лицу съ умомъ, для него совершенно незнакомымъ и свободнымъ отъ всякихъ предразсудковъ. При всей своей гениальной способности усваивать все то, что согласовалось съ его натурою, ему только на-половину удалось овладѣть и литературнымъ образованіемъ, и философіей, и онъ въ большинствѣ случаевъ руководился болѣе симпатіями, нежели убѣжденіями. Шелли предсталъ предъ нимъ теперь, какъ истый жрецъ гуманизма, пламенѣвшій одушевленіемъ и не терзавшійся никакими сомнѣніями. Разсѣянная жизнь въ лондонскихъ салонахъ и сокрушающій гнетъ тяжелой доли Байрона тревожили его душевный покой и не давали ему много размышлять надъ метафизическими вопросами и о преобразованіи человѣчества; онъ былъ слишкомъ занятъ самимъ собою. Теперь же, въ тотъ именно періодъ своего поэтического развитія,

когда въ немъ стало утихать его собственное я, онъ встрѣтился съ умомъ, который крестилъ его огнемъ. Душа его всецѣло отдалась новому вліянію; это вліяніе легко можно прослѣдить въ цѣломъ рядѣ стихотвореній, написанныхъ имъ за это время. Многія пантеистическія идеи, высказанныя имъ въ III-й пѣснѣ «Чайльдъ Гарольда», несомнѣнно, болѣе чѣмъ на-половину обязаны своимъ появленіемъ разговорамъ съ Шелли, въ особенности то чудное мѣсто (III, 100 etc.) о всемогущей любви, какъ духъ природы, что у Шелли выражается въ ученіи о любви и красотѣ, какъ мистическихъ силахъ, разлитыхъ по всему міру. Въ одной изъ своихъ тогдашнихъ замѣтокъ въ записной книжкѣ онъ даже до того далеко заходитъ въ своемъ шелліевскомъ пантеизмѣ, что чувство, которое охватываетъ Кларенсъ и Мельери (сцена изъ «Новой Элоизы» Руссо), называетъ чувствомъ высшаго порядка, какъ симпатію съ единою страстью; «это», говоритъ онъ, — «чувство о существованіи любви въ самомъ высокомъ и самомъ широкомъ значеніи этого слова и о нашемъ собственномъ участіи въ ея благодати и славѣ; это—великій принципъ вселенной, который воплощенъ здѣсь въ болѣе поэтическомъ образѣ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и въ которомъ мы безсознательно принимаемъ участіе и теряемъ свою индивидуальность, проявляя себя въ красотѣ цѣлаго». Виѣшнее вліяніе Шелли легко усмотрѣть въ сценѣ духовъ въ «Манфредѣ» и особенно въ третьемъ актѣ этой драмы, переработанномъ по его совѣту. Наконецъ, «Канишъ» никогда бы не носилъ въ себѣ той печати, которая лежитъ теперь на этомъ произведеніи, если бы Шелли не принялъ прямого участія въ этой мистеріи, или если бы Шелли совершенно вычеркнулъ изъ жизни Байрона.

Оба поэта побывали вмѣстѣ въ Шильонѣ и его окрестностяхъ, и тутъ Байронъ встрѣтилъ второе сильное впечатлѣніе, въ послѣдствіи весьма плодотворно подѣйствовавшее на него, — впечатлѣніе, произведенное на него альпійскимъ хребтомъ. Для него, еще такъ недавно дышавшаго душливою атмосферою лондонскихъ гостинныхъ, было

чрезвычайнымъ удовольствіемъ спокойно наслаждаться созерцаніемъ вѣчныхъ снѣговъ, любоваться горами, гордо поднимающими свои головы надъ людскою суетой. Его предшественникъ, Шатобріанъ, ненавидѣлъ Альпы: ихъ величіе дѣйствовало подавляющимъ образомъ на его тщеславіе; Байронъ же, наоборотъ, среди нихъ чувствовалъ себя, какъ дома. «Манфредъ», поэтическое достоинство котораго именно и слѣдуетъ искать въ томъ, что драма эта есть собственно альпійскій ландшафтъ, и притомъ ландшафтъ безподобный, возникъ непосредственно изъ этихъ картинъ природы. Тэнъ крайне рѣзко отозвался, сказавъ, что альпійскіе духи въ «Манфредѣ» только театральныя божества; но Тэнъ, когда писалъ это, еще не зналъ Швейцаріи. Нигдѣ природа такъ не напрашивается на олицетвореніе, какъ здѣсь. Даже обыкновенный туристъ чувствуетъ къ этому нѣкоторое поползновеніе. Я помню, какъ однажды вечеромъ, я, стоя на Риги-Кульмъ, любовался на прекрасныя озера у подошвы горы и на небольшія облачка, тянувшіяся вдаль внизу надъ ихъ зеркальною поверхностью. Вдругъ, съ самой окраины небосклона, скатился небольшой бѣлый облачный шаръ. Минуту спустя, когда онъ достигъ Шилата, онъ превратился въ огромный слой тумана. Съ неимоверною быстротою распространился онъ по небу и края его облачнаго плаща раскинулись на нѣсколько миль по обѣ стороны. Туманъ этотъ спустился затѣмъ на поверхность озеръ, окуталъ своей пеленою зубцы скалъ, горныя хребты, проникъ въ глубокія пропасти, затѣмъ еще развернулъ свои края, поднялся клубами, подобно дыму къ небу, свинцомъ упалъ на города, поглотилъ все краски и разлился всюду сѣрымъ мрачнымъ свѣтомъ. Бѣлизна снѣга, зелень деревьевъ, тысячи разнообразныхъ цвѣтовъ и тѣней,—все это въ одинъ мигъ исчезло, слилось въ однообразную массу. Взоръ, который только что еще свободно парилъ надъ неизмѣримою поверхностью, теперь оказывается неотступно прикованнымъ къ безобразной массѣ, которая съ быстротою и силою міроваго тѣла въ его первобытномъ состояніи летѣла на зрителя. Казалось, небесное воинство,

сотни тысячъ воздушныхъ всадниковъ въ сомкнутыхъ колоннахъ, на крылатыхъ, безмолвныхъ коняхъ, вихремъ несутся, безпрепятственно и безслѣдно истребляя все на своемъ пути, подобно азіятскимъ ордамъ или гуннамъ Аттилы. Житель сѣвера, при видѣ подобной картины, невольно вспоминалъ о нашествіи варваровъ. Въ ту минуту, когда облако достигало края Кульма, стоявшіе въ его теряли другъ друга изъ виду и одинъ за другимъ исчезали въ этомъ облакѣ, которое плотно охватывало каждого своею густою влагою, замыкая уста и тяжело ложась на грудь. — Картины природы такого рода послужили Байрону матеріаломъ для сценъ, въ которыхъ духи являются Манфреду. Наброски изъ дневниковъ поэта, одинъ за другимъ, перешли въ его поэму, и нерѣдко выраженія въ ихъ первой, бѣглой редакціи гораздо пластичнѣе, чѣмъ въ поэмѣ, куда они впослѣдствіи переходили.

Но какъ ни плодотворны были прогулки Байрона вмѣстѣ съ Шелли. ихъ все-таки съумѣли до нѣкоторой степени отравить. Туристы, ихъ земляки, не давали имъ нигдѣ покою своимъ любопытствомъ и съ невѣроятнымъ пахальствомъ проникали въ домъ къ Байрону. Если ихъ почему либо не принимали, то вооружившись длинными подзорными трубами, они располагались для своихъ рекогносцировокъ гдѣ нибудь на берегу озера или на дорогахъ, взбирались на заборы, подкупали прислугу, гондольеровъ, чтобы вывѣдать отъ нихъ какой-нибудь скандалчикъ. Байронъ и Шелли живутъ де съ двумя сестрами, — вотъ первая сплетня, пущенная въ ходъ, и чѣмъ больше народная молва превращала обоихъ поэтовъ въ воплощенныхъ дьяволовъ, тѣмъ сплетни эти становились гнуснѣе и гнуснѣе. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что, когда Байронъ однажды вошелъ въ гостинную г-жи Сталь, жившей въ Коппэ, одна благочестивая старушка, мистрисъ Гервей, писательница англійскихъ романовъ, при видѣ его, упала въ обморокъ, «словно увидала она, говорилъ Байронъ, — самого сатану».

Если мы хотимъ понять настоящую причину теперь

уже для насъ смѣшного ужаса, который внушала личность Байрона, то намъ придется обратиться къ распространившейся въ Англии о немъ клеветѣ, о которой онъ узналъ впервые только здѣсь, на берегу Женеvскаго озера. Это была клевета, которую преподнесла свѣту г-жа Бичеръ Стоу якобы со словъ лэди Байронъ, «въ то время какъ небесное сіяніе покоилось на воздушномъ челѣ этой дамы»,—исторія о преступной связи Байрона съ его сестрой, мистрисъ Лэй. Исторія эта, въ теченіе года, превратилась у лэди Байронъ въ *idée fixe*, такъ что она, какъ свидѣтельствуемъ объ этомъ появившаяся въ 1869 году книга «Медора Лэй», не постыдилась дочери, Августы Лэй, обратившейся къ ней за помощью по причинѣ стѣсненныхъ обстоятельствъ, и объявила ей, что она дочь не полковника Лэй, а лорда Байрона и его сестры. При этомъ г-жа Байронъ сказала, что она будетъ постоянно заботиться о ней, а впоследствии, разумѣется, оставила ту на произволъ судьбы. Объ этомъ обвиненіи Байронъ, покидая Англию, или зналъ очень мало, или совсѣмъ ничего не зналъ. Онъ съ трудомъ читалъ всѣ статьи, направленные противъ него. Самъ онъ говоритъ: «Только спустя довольно долгое время послѣ моего отъѣзда, извѣстили меня объ отношеніяхъ ко мнѣ и сплетняхъ моихъ враговъ. Мои друзья должны мнѣ многое сказать, о чемъ скрывали отъ меня». Только въ Швейцаріи узналъ онъ все отъ одного изъ своихъ друзей. Этимъ объясняется истинный смыслъ стиховъ, съ которыми поэтъ изъ Швейцаріи обращается къ Августѣ (Чайльдъ Гарольдъ, III, 55):

Да, онъ любилъ одно созданье,
И связь, сильнѣй законныхъ узъ,
Связала ихъ: ей нѣтъ названья.
Былъ чистъ и крѣпокъ ихъ союзъ.
Во всемъ далеки лицемѣрья,
Они не видѣли бѣды
Въ нападкахъ моднаго повѣрья
И не боялися вражды;
Ничто любви не угрожало,

И ей-то съ чуждыхъ береговъ
Мотивы тихихъ, нѣжныхъ строфъ
Гарольду Муза вѣшвала,
И повторяетъ онъ за ней
Слова мелодіи своей.

Стансы, написанные Байрономъ къ Августѣ, свидѣтельствуютъ, что и она также знала объ этихъ гнусныхъ сплетняхъ.

Этотъ ударъ неволью заставилъ Байрона сразу перемѣнить взглядъ свой на жену. Въ первое время послѣ размолвки, онъ говорилъ: «Я не могу себѣ представить, чтобы можно было найти такое веселое, доброе, милое и ласковое существо, какъ она»; всю вину поэтъ приписывалъ своей вспыльчивости и легкомыслію, — теперь онъ видитъ только темныя стороны ея характера и, подъ этимъ впечатлѣніемъ, объявляетъ безпощадную войну жещинѣ и недостойнымъ образомъ выводитъ ее, въ лицѣ Инесы, въ первой пѣснѣ «Донъ-Жуана». Вѣсское доказательство, поистинѣ уничтожающее всѣ обвиненія противъ лэди Байронъ, появилось въ октябрѣ 1869 года въ «Quarterly Review». Тамъ были перепечатаны семь писемъ, которыя лэди Байронъ писала къ мистрисъ Лэй, и которыя были полны разными нѣжностями и увѣреніями въ любви. Такъ, между прочимъ, она говоритъ: Было бы «великимъ утѣшеніемъ» узнать, что мистрисъ Лэй находится при своемъ мужѣ; она теперь имѣетъ полное право называть ее «своею дорогою сестрою», и надѣется, что это не повредитъ тому доброму расположенію, которое питала къ ней всегда мистрисъ Лэй. «Въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ», пишетъ она, «я—сама истина, когда говорю, что, каково бы ни было мое положеніе, никто не будетъ мнѣ дороже и милѣ тебя. Чувства эти не измѣнятся ни при какихъ перемѣнахъ. Если даже ты меня осудишь, я все таки не буду тебя менѣ любить». Такъ писала лэди Байронъ къ той, которая нѣсколько лѣтъ спустя обвиняла ее въ томъ, что та было прогнала изъ дома ея супруга. Но этого мало. Дружеская переписка между лэди Байронъ и мис-

тристъ Лэй продолжалась до самой смерти Байрона. Еще послѣднее неоконченное письмо Байрона начинается словами: «Моя дорогая Августа, нѣсколько дней тому назадъ я получилъ отъ тебя и отъ лэди Байронъ извѣстіе о состояніи здоровья Ады». И послѣ этого, они хотять увѣрить, что лэди Байронъ всю свою жизнь видѣла въ Августѣ, которая была постоянною посредницею между супругами, гнусную преступницу, которая оказалась виновницею всего ея несчастія. Какой хаосъ жи и безуміа!

«Безуміе здѣсь—самое умѣстное слово; ибо, говоритъ «Quarterly Review», какъ лэди Байронъ съ самаго начала объясняла всѣ поступки своего мужа однимъ сумасшествіемъ, такъ и мы теперь не можемъ иначе объяснить ея поведенія, какъ только душевною болѣзнью. Но замѣчательна разница между болѣзнью Байрона и болѣзнью его жены. Онъ помѣшанъ былъ на томъ, чтобы прослыть невозможнымъ грѣшникомъ, а она чтобы сдѣлаться невозможною святошей. Въ припадкѣ безумія онъ придумывалъ все возможное, чтобы очернить свою славу, а она принимала его самообвиненія, которыя зачастую были плохою острою или мистификаціею, за чистую монету. Ея галлюцинаціи, напротивъ, происходили изъ ея желанія—причинить вредъ тѣмъ людямъ, которые стояли къ ней ближе всего и, повидимому, должны были быть ей дороже всѣхъ. Какое-жъ помѣшательство тутъ было опаснѣе и гнуснѣе—рѣшить не трудно!» *).

Такимъ образомъ, послѣднимъ впечатлѣніемъ, вынесеннымъ Байрономъ въ Швейцаріи, была ужасная клевета, подъ гнетомъ которой ему приходилось жить. Его мысли, конечно, не переставали возвращаться къ ней и, какъ художникъ, онъ отдается творчеству. Какъ бы по ея внушенію, Жоржъ-Зандъ однажды въ письмѣ къ Сентъ-Беву нѣсколькими смѣлыми штрихами изобразила свою натуру и поэтическую натуру вообще. Она говоритъ о философѣ

*) „Quarterly Review“. Октябрь 1859. Сравни. превосходн. сочиненіе о Байронѣ Карла Эмза.

Жуффра *)), который желалъ представиться ей, но передъ которымъ она, какъ предъ черезуръ строгимъ и нѣскольке тяжеловѣснымъ моралистомъ, испытывала нѣкоторую робость: «Жуффра, пишетъ она, очевидно, такой человѣкъ, который, если бы зашла рѣчь о людодѣствѣ, непременно воскликнулъ бы: «Истинному человѣку никогда не приходило въ голову ѣсть человеческое мясо!» Вы, обладая болѣе широкимъ взглядомъ на вещи, вы, напротивъ, сказали бы: «Люди, которые дѣйствительно ѣдятъ человеческое мясо, непременно существуютъ!» А я, вѣроятно, подумала бы: «Каково-то на вкусъ человеческое мясо?»—Глубокія слова, прекрасно опредѣляющія поэта въ противоположность созерцателю и моралисту. Наклонность давать полную свободу своему воображенію и своей мысли производить всякіе эксперименты и останавливаться мечтать надо всѣмъ, чего вообще гнушаются или боятся люди, была въ высшей степени присуща Байрону. Извѣстный анекдотъ, возбуждившій, въ свое время, такой ужасъ, о томъ, что онъ однажды съ пожемъ въ рукѣ воскликнулъ: «Мнѣ очень хотѣлось бы узнать, что чувствуетъ самоубійца передъ смертью!»—неимѣетъ другаго объясненія. Его увлекала идея преступной любви, какъ увлекала идея самоубійства. Его прежніе герои, Гяуръ и Лара, совершили таинственное убійство, а, какъ извѣстно, преступленіе его героевъ, безъ всякихъ разсужденій, приписывалось Байрону. Даже самъ старикъ Гёте до того былъ обманутъ людскою молвою, что дѣтскіе «нянюшкины розказни» назвалъ «весьма вѣроятными», будто бы Байронъ имѣлъ во Флоренціи (гдѣ онъ всего-то пробылъ одно утро) любовную связь съ одной молодой женщиной, которая была убита изъ ревности мужемъ, а Байронъ, въ свою очередь, изъ мести убилъ этого мужа. Какъ раньше старались видѣть въ трагическомъ выраженіи лица Лары доказательство его преступленій, такъ

*) Франузскій философъ и публицистъ (1796—1842), одинъ изъ основателей журнала „Le globe“, профессоръ Collège de France.

точно и въ наши дни въ отчаяніи Манфреда и женитьбѣ Каина на своей сестрѣ хотѣли видѣть доказательства его преступной связи. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что Байронъ и Муръ вздумали однажды написать фантастическую біографію лорда Байрона, въ которой хотѣлъ вывести такъ много лицъ мужскаго пола, убитыхъ имъ, и такъ много лицъ женскаго пола, соблазненныхъ имъ, что можно было надѣяться, что эта біографія зазметъ ротъ всѣмъ остальнымъ собирателямъ анекдотовъ. Они отказались отъ этого плана только изъ опасенія, что публика въ своей наивности приметъ шутку за серьезное.

Весьма вѣроятно что у Шелли и Байрона, вслѣдствіе легко объяснимыхъ причинъ, заходилъ иногда разговоръ о любви между братомъ и сестрой, тѣмъ болѣе, что подобный же бесплодный вопросъ занималъ и Шелли. Байрона раздражало особенно то обстоятельство, что болѣе всего строго относились къ этому преступленію лицемѣры, въ то-же самое время утверждавшіе, что человѣчество, происходя отъ одной пары, размножилось именно путемъ браковъ между братьями съ сестрами. Поэтому Байронъ особенно подчеркиваетъ въ «Каинѣ», что Каинъ и Ада были родные братъ и сестра, и заставляетъ Люцифера говорить послѣдней, что ея любовь къ брату не заключаетъ въ себѣ никакого грѣха, но что такая любовь будетъ считаться грѣхомъ въ грядущемъ потомствѣ, на что Ада очень логично замѣчаетъ:

Что-жь за грѣхъ такой,
Въ которомъ нѣтъ грѣха?
Ужель добро и зло отъ обстоятельствъ лишь зависятъ?

Продуктомъ всѣхъ истолкованныхъ здѣсь психологическихъ элементовъ были «Манфредъ» и «Каинъ». Первое изъ этихъ произведеній менѣе значительно, чѣмъ второе, и, конечно, вовсе не выдерживаетъ сравненія съ гётевскимъ «Фаустомъ», съ которымъ у него немало общаго

и съ которымъ его такъ часто сопоставляютъ. Самъ Гёте замѣчаетъ, что объ этомъ можно было-бы прочесть хорошую лекцію, что и дѣлалось не разъ, только никому не удавалось провести этой параллели такъ оригинально и такъ талантливо, какъ Тэню. Только въ одномъ мѣстѣ «Манфредъ» возвышается надъ «Фаустомъ». Для критиковъ лучшимъ анатомическимъ мѣриломъ, при оцѣнкѣ различныхъ частей произведенія, служить именно то, что удержится въ памяти критика отъ всего произведенія по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ; я, по крайней мѣрѣ, твердо помню, что единственная сцена, сохранившаяся въ моей памяти изъ «Манфреда», послѣ того какъ я десять лѣтъ не читалъ его, это сцена, гдѣ Манфредъ, передъ своею смертью, произноситъ строгій надъ собою приговоръ и, оттолкнувъ отъ себя аббата съ его утѣшеніями, гордо и съ глубокимъ презрѣніемъ прогоняетъ отъ себя злыхъ духовъ, съ которыми не имѣетъ ничего общаго и которымъ никогда не позволялъ взять надъ собою ни малѣйшей власти. Контрастъ съ Фаустомъ, который продаетъ себя Мефистофелю и падаетъ на колѣни предъ духомъ земли, выходитъ здѣсь поразительный. Предъ глазами англійскаго поэта стоялъ идеаль самостоятельнаго мужества, до котораго нѣмецъ не возвысился, и герой его является столько-же типомъ *мужа*, сколько герой Гёте—типомъ человѣка. Онъ самъ обвиняетъ и самъ судитъ себя. Здѣсь заключается вся мораль Байрона. На уединенныхъ высотахъ, по ту сторону снѣговой линіи, гдѣ нѣтъ мѣста для произрастанія человѣческой немощи и изнѣженности, душа его впервые вздыхаетъ свободно, и альпійскій ландшафтъ воплощается въ личности, родственной этому ландшафту по своей суровой дикости.

Но въ «Манфредѣ» обнаруживается, главнымъ образомъ, субъективная сторона байроновской поэтической души. Его глубокая общечеловѣческая симпатія впервые вполне высказалась въ «Кайиѣ», этой дополнительной драмѣ къ «Манфреду». «Кайиѣ»—это исповѣдь Байрона, т. е. признаніе во всѣхъ своихъ сомнѣніяхъ и критическихъ взгля-

дахъ. Если вспомнить, что онъ не успѣлъ путемъ упорной работы мысли завоевать себѣ, подобно Шелли и великимъ германскимъ поэтамъ, свободного созерцанія міра, и, не обладалъ, подобно современнымъ нѣмецкимъ поэтамъ, ни научными знаніями въ области природы, ни научной критикой памятниковъ, для должнаго уразумѣнія прошедшаго и настоящаго, то нельзя не подивиться той смѣлости и основательности, съ какими онъ разрѣшаетъ тутъ всѣ высшіе вопросы жизни

Какъ частное лицо, Байронъ, конечно, былъ совершенно одинаковымъ дилеттантомъ какъ по части свободомыслія, такъ и въ сферѣ своихъ политическихъ убѣжденій. Его ясный умъ возмущался всякаго рода суевѣріемъ; но онъ былъ, подобно большинству великихъ людей пачала нынѣшняго столѣтія, т. е. до развитія религіозныхъ знаній и естественныхъ наукъ, въ одно и то же время, и скептикомъ, и суевѣрнымъ. Еще въ дѣтствѣ онъ получилъ отвращеніе къ клерикализму. Мать постоянно водила его съ собою въ кирку, а онъ мстилъ ей тѣмъ, что кололъ ее булавами, если ему тамъ становилось черезчуръ скучно. Юношей онъ однажды до того былъ раздраженъ ученіемъ англиканъ съ ихъ 39-ю параграфами, что записалъ себѣ въ памятную книжку (Memorandum), что запрещать изслѣдовать ученіе умомъ такъ-же бесполезно, какъ говорить сторожу: «Не бодрствуй, усни!» Однако, при всѣхъ своихъ ѣдки-остроумныхъ нападкахъ на клерикаловъ, онъ чувствовалъ себя не вполнѣ убѣжденнымъ. Онъ не осмѣливается согласиться съ результатами, къ которымъ привело его міровоззрѣніе Шелли, и воспитываетъ свою незаконную дочь въ монастырѣ, чтобы на ребенка не повліяли разговоры свободомыслящихъ Шелли и его супруги. Прекрасное и характеристичное письмо Шелли есть лучшее свидѣтельство байроновской шаткости въ убѣжденіяхъ. Вотъ что пишетъ Шелли: «Одно или два письма Мура, въ которыхъ послѣдній дружески отзывается обо мнѣ, доставили мнѣ истинное удовольствіе, ибо я не могу не считать лестнымъ для себя одобреніе изъ устъ такого

человѣка, превосходство котораго надъ собой признаю съ гордостью. Но Муръ, повидимому, боится моего вліянія на Байрона въ религіозномъ отношеніи, и топъ, которымъ написанъ «Каннъ», онъ приписываетъ мнѣ. Прошу васъ, убѣдите Мура, что я въ этомъ отношеніи не имѣю ни малѣйшаго вліянія на лорда Байрона. Еслибъ представился такой случай, я, конечно, воспользовался-бы имъ и съ корнемъ вырвалъ изъ его души всѣ призрачные элементы легковѣрія, которое, не смотря на его ясный разумъ, повидимому, возвращается къ нему и лежитъ про запасъ на часы болѣзни и несчастья. «Каннъ» былъ много лѣтъ раньше задуманъ и начатъ, чѣмъ я встрѣтился съ Байрономъ въ Равеннѣ. Какъ былъ бы я счастливъ, если-бы я могъ приписать себѣ хоть косвенное участіе въ этомъ безсмертномъ произведеніи!»

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Байронъ отнюдь не выработалъ твердаго принципа въ своемъ міросозерцаніи. Тѣмъ замѣчательнѣе, какъ геній Байрона, въ области его поэтического творчества, возвышаетъ и дѣлаетъ его побѣдоноснымъ въ своихъ доводахъ и съ неподобною увѣренностью побуждаетъ его касаться самыхъ затруднительныхъ вопросовъ. И какой переворотъ послѣдовалъ въ европейской поэзіи, до 1821 года, глубоко погрязшей въ квіетистическомъ обскурантизмѣ!

«Каннъ» написанъ не съ лихорадочною послѣдностью вдохновенія; произведеніе это не мечетъ ни громомъ, ни молніей. Байронъ понялъ здѣсь, что ему нужно сдѣлать то, что для бурныхъ натуръ является труднѣйшею задачей и квинтъ-эссенціею всякой морали: такъ сказать, *каналлизировать* свою страсть, т. е. дать ей плодотворное направленіе. Произведеніе это—работа мыслителя, это—трудъ медленно развѣдающей рефлексіи, анализирующаго остроумія и разрушающей всѣ доводы мыслительной силы. Нигдѣ такъ кстати не подходятъ слова Гёте къ Байрону, какъ тамъ, гдѣ онъ заставляетъ его говорить во второй части «Фауста», въ образѣ Эвфоріона:

Добычей вздорной
я не прельщусь:
Къ борьбѣ упорной
Я лишь стремлюсь *).

Но вся эта дробящая, разрушительная сила ума, столь видимо господствующая здѣсь и дѣйствующая съ такой увѣренностью, приводится въ движеніе могучей и пламенной фантазіей, и въ самой глубинѣ этой силы таится душа поэта. Вѣра Байрона была ему такъ же кстати, какъ и его скептицизмъ. Съ истинно поэтическою наивностью соглашается онъ съ древне-еврейскими сказаніями въ томъ видѣ, въ какомъ они есть. Въ ихъ образахъ онъ видитъ не символы, а дѣйствительность, и поступаетъ искренно, приступая такимъ образомъ къ дѣлу. Это удается ему безъ труда, потому что скептицизмъ его постоянно, даже въ самой поэзіи, оперируетъ на почвѣ традиціи и имѣетъ ее своею основой. Притомъ же и направленіе его ума, и его душевная жизнь были ветхозавѣтнаго характера. Изъ груди его вырывались жалобы, подобныя жалобамъ Іова: когда его утѣшали и увѣщевали друзья; подобно Давиду, онъ день и ночь взывалъ о мщеніи. «Еврейскія мелодіи» служатъ прекраснымъ свидѣтельствомъ того, какъ іудейскій образъ мыслей соотвѣтствовалъ его чувствамъ.

Между тѣмъ какъ Байронъ, не мудрствуя лукаво, соглашается съ традиціей, предварительно подчинивъ свой разумъ ея авторитету, въ его произведеніяхъ человѣчскій разумъ старается освободиться отъ этого авторитета, снова зажить самостоятельной жизнью, видимъ, какъ онъ страдаетъ подъ гнетомъ этого авторитета и какъ онъ сокрушаетъ его. И это зрѣлище дѣлается тѣмъ привлекательнѣе, что этотъ разумъ еще молодъ и такъ недавно еще родился на свѣтъ Божій. На истиннаго поэта такъ сильно дѣйствуетъ восходъ солнца, какъ будто онъ ви-

*) См. Соч. Гете. Изд. Гербеля Т. 8, Фаустъ, перев. Н. А. Холодковского, стр. 334.

дить его въ первый день творенья. Всѣ сомнѣнія и вопросы Байрона дышать такую свѣжестью, что ихъ можно вложить въ уста первому человѣку, когда его начали впервые мучить вопросы и сомнѣнія. Чтобы воплотить въ форму эти сомнѣнія и жалобы, потребовался длинный рядъ человѣческихъ поколѣній, терзавшихся и стопавшихъ подъ суровымъ игомъ жизни. Но влагая здѣсь въ уста перваго возмущившагося существа все накопившееся вѣками страданіе, всѣ вѣковыя муки, вынесенныя свободнымъ человѣческимъ разумомъ онъ высказываетъ все это такимъ первобытнымъ и наивнымъ образомъ, какъ будто вся работа мысли миллионовъ людей уже завершена была этою первою мыслящею головою. Это могучее противорѣчіе, прежде всего, поражаетъ васъ въ поэмѣ.

Само собою разумѣется, Байронъ не имѣлъ въ виду написать что-нибудь богохульное, да и было-бы безуміемъ подвергать критикѣ Высшее, Всеобъемлющее Существо. Въ «Каннѣ» онъ борется только за ту идею, что порядокъ, существующій въ природѣ, отличается этическимъ характеромъ, по что добро, вмѣсто того, чтобы быть цѣлью человѣческой жизни, стало лишь ея средствомъ. Съ болью въ сердцѣ говоритъ онъ о безконечной горечи человѣческаго бытія. Въ основѣ этого произведенія лежитъ не пессимизмъ, какъ назвали это чувство пустымъ и ничего не выражающимъ словомъ, но глубокое чувство роковыхъ человѣческихъ страданій. Въ душѣ Байрона нѣтъ озлобленія противъ міровой силы, которая творитъ только затѣмъ, чтобы разрушать; въ ней скорѣй живетъ глубокое безграничное состраданіе ко всеобщему горю, которому нельзя помочь и отъ котораго некуда бѣжать. Въ мистеріи «Каннѣ» лежитъ глубоко трагическая основа, что человѣкъ рождается, страдаетъ, грѣшитъ и умираетъ. Байронъ мотивируетъ здѣсь библейское сказаніе. Адамъ и Ева наказаны должнымъ образомъ, Авель—послушный и тихій мальчикъ. Каннъ—молодое человѣчество, которое мыслить, анализируетъ, жаждетъ и требуетъ. Онъ

Handwritten notes:
1/2 Канн
въ библейскій
смыслъ
Каннъ—молодое
человѣчество

долженъ принять участіе въ благодарственной молитвѣ. За что прославлять и молиться? За жизнь? Но развѣ я не долженъ умереть? За жизнь? Да развѣ я желалъ жить? За жизнь? Да развѣ я еще не въ раю?—Почему я страдаю? За грѣхъ Адама? Да я то тутъ при чемъ? Для чего онъ пошелъ на это гибельное искушеніе? Ну, хорошо! Такъ я, по крайней мѣрѣ, не буду притворяться довольнымъ въ своемъ ничтожествѣ, не буду показывать, что я радъ своимъ страданіямъ. Война противъ всѣхъ и всего, смерть всѣмъ, болѣзнь для большинства, мученіе и скорбь,—вотъ плоды запрещеннаго дерева. Такъ развѣ жребій человѣка не жалокъ? Только одно добро получили мы отъ роковаго яблока: разумъ. Но кто станетъ гордиться разумомъ, который тѣлесными узами приковаць къ жалкой массѣ и жалкимъ потребностямъ существа, для котораго нѣтъ выше наслажденія, какъ самоупиженіе и погоня за какими-то обманчивыми призраками. А тутъ еще тебя тревожитъ мысль, что всѣ эти бѣдствія будутъ расти все больше и больше и передаваться по наслѣдству. Видѣть первыя слезы и знать, какое море слезъ должно еще пролиться!

Таково душевное настроеніе Каина передъ тѣмъ, какъ ему нужно приносить жертву; оно поддерживается и развивается въ немъ еще болѣе рѣчами Люцифера. Люциферъ этотъ — не дьяволъ. Онъ самъ говоритъ о себѣ: «Но кто-же станетъ искать зла ради самого зла? Никто! Ничто! Оно — закваска всякаго бытія и небытія». Онъ и не Мефистофель. Кромѣ случайной легкой шутки, онъ постоянно серьезецъ. Нѣтъ, этотъ Люциферъ, дѣйствительно,—денища, геній знанія, гордый и непоколебимый духъ критики. Онъ — духъ свободы, но довольно своеобразный. Онъ не прямо и открыто борется за свободу, но, подобно заговорщикамъ и конспираторамъ борется за нее тайно, во мракѣ осторожно иди по заповѣднымъ путямъ.

Черезъ Люцифера «Каинъ» сталъ драмою духовъ. Люциферъ ведетъ своего ученика чрезъ безпредѣльные пространства вселенной, показываетъ ему всѣ міры съ ихъ обитателями, царство смерти и въ туманѣ грядущаго по-

коящіяся, еще не родившіяся поколѣнія. Отъ Каина онъ не требуетъ ни слѣпой вѣры, ни слѣпой покорности. Онъ не говоритъ: «Сомнѣвайся во мнѣ, и ты будешь низвергнутъ, вѣръ—и будешь возвышенъ!» Онъ не ставитъ вѣры въ себя условіемъ для спасенія Каина и не требуетъ ни колѣнопреклоненія, ни благодарности. Онъ открываетъ лишь глаза Каину.

Затѣмъ, Каинъ возвращается назадъ на землю, и первый возмутитель оставляетъ перваго убійцу наединѣ съ самимъ собой, жертвою пожирающаго сомнѣнія. Нужно принести жертву, и онъ долженъ избрать жертвенникъ. Но что для него всѣ жертвенники? Одни лишь камни, да трава. Онъ, содрогающійся при видѣ страданій, не хочетъ заклать невинныхъ животныхъ, онъ кладетъ плоды на свой жертвенникъ *). Молится Авель. Нужно молиться и Каину. Что онъ будетъ говорить?

Если жертвы

Тебѣ нужны, чтобъ сталъ ты благосклоннымъ,
Прійми ты эту жертву! Здѣсь два смертныхъ
Алтарь тебѣ воздвигли. Можетъ быть,
Ты любишь кровь? Пастухъ кровь эту пролилъ
На алтарѣ...

Вотъ мой алтарь—и я, его воздвигшій,
Прошу о томъ, что можно получить
Безъ всякаго колѣнопреклоненія.

Тутъ молнія внезапно зажигаетъ жертву Авеля, межъ тѣмъ, какъ вихрь вѣтра какъ бы съ презрѣніемъ низвергаетъ алтарь Каина. Отъ гнѣва въ Каинѣ кровь закипаетъ, онъ хочетъ опрокинуть жертвенникъ Авеля, но послѣдній удерживаетъ его отъ этого «Прочь съ дороги!» кричитъ ему Каинъ. И обезумѣвъ отъ гнѣва, онъ совершаетъ первое убійство, не сознавая того, что значитъ убійство, и вноситъ, такимъ образомъ, въ человѣческій міръ смерть, одно имя которой, предсказанное человечеству, повергло его въ ужасъ. Каинъ уже раскаял-

*) Здѣсь замѣчается вліяніе Шелли.

ся, прежде чѣмъ преступленіе было совершено, такъ какъ Каинъ, любя всѣхъ людей, сердечно любитъ и Авеля. Затѣмъ слѣдуютъ проклятіе, кара, изгнаніе и каиново клеймо.

Каиново клеймо, это—печать муки и безсмертія. Драма рисуеъ борьбу страдающаго человѣчества противъ роковой силы.

«Каинъ» былъ посвященъ В. Скотту, который нашелъ, что муза Байрона никогда еще не совершала такого высокаго полета, и потому на будущее время взялъ поэта подъ свою защиту отъ всѣхъ нападокъ. Но на появленіе «Каина» въ Англии смотрѣли, какъ на истинное народное несчастіе. Когда Муррей получилъ рукопись для изданія, то настойчиво просилъ Байрона сдѣлать нѣкоторыя измѣненія; Байронъ рѣшительно отвѣчалъ ему: «Ни то, ни другое мѣсто измѣнены быть не могутъ». Тотчасъ по выходѣ книги, явилось другое чье-то изданіе ея, и Муррей обратился къ лорду Эдлопу съ просьбой о немедленномъ огражденіи своего права собственности; но ему было отказано на томъ основаніи, что книга, изданная имъ, не принадлежитъ къ числу тѣхъ, за самовольную перепечатку которыхъ издатель преслѣдуется судомъ. Такимъ образомъ, «Каинъ», подобно «Wat Tyler» Соути, былъ отнесенъ къ числу произведеній, по отношенію къ которымъ даже право собственности теряетъ свою силу.

Между тѣмъ, Муръ писалъ Байрону: «Каинъ удивителенъ, страшенъ, онъ никогда не забудется. Если я не ошибаюсь, онъ глубоко западетъ въ людскія сердца». Исторія оправдала этотъ приговоръ.

V.

Когда наплывъ англійскихъ туристовъ въ Швейцарію къ осени 1816 года началъ все болѣе и болѣе увеличиваться, Байроуъ, будучи не въ силахъ долѣе оставаться тамъ, вмѣстѣ съ спутникомъ своей юности, Гобгоузомъ,

отправился въ Италію. Въ Миланѣ онъ сошелся съ однимъ изъ остроумнѣйшихъ публицистовъ своего времени, Анри Бейлемъ, на котораго личность Байрона произвела такое сильное впечатлѣніе, что молодой человекъ невольно подчинился ему, хотя постоянно былъ насторожѣ, чтобъ не увлечься преждевременно энтузіазмомъ Байрона, и сразу открылъ въ немъ нѣкоторую неестественность. «Я встрѣтилъ Байрона въ театрѣ la Scala, въ ложѣ министра Брема», говоритъ онъ; «я былъ его глазами въ тотъ моментъ, когда слушалъ онъ секстетъ изъ оперы Мейснера «Елена». Во всю свою жизнь не выдалъ я такихъ прекрасныхъ, такихъ выразительныхъ глазъ. Еще сегодня мнѣ представляется эта чудная голова, когда я подумаю, какое выраженіе придалъ-бы великій художникъ гению. Нѣкоторое время я былъ, какъ въ чадѣ... Никогда не забуду божественнаго выраженія лица его, на которомъ ясно отпечатывалось сознаніе своей силы и гениальности».

Изъ Милана Байронъ отправился въ Венецію, самый любимый городъ, который онъ прославилъ въ четвертой пѣснѣ «Чайльдъ Гарольда», въ «Маринно Фаліеро», въ «Двухъ Фоскари», въ «Одѣ Венеціи» и, наконецъ, въ «Беппо». Никогда у него на душѣ не было такъ тяжело, какъ теперь, и никогда онъ болѣе не нуждался въ забвеніи. Восхитительный климатъ и очаровательный воздухъ Италіи въ первый разъ привѣтливо встрѣтили его. Ему было тогда 29 лѣтъ. Венеція, съ ея красивыми женщинами, съ ея легкими нравами, вполнѣ южною жизнью, манила къ себѣ забыть и отдохнуть въ чадѣ страстей отъ всѣхъ жизненныхъ тревоженій. Пламенное влеченіе къ счастью и наслажденію было въ характерѣ Байрона, а его необузданный темпераментъ еще болѣе обострялъ это влеченіе. Кго считали способнымъ на всякій развратъ. И онъ, дѣйствительно, давалъ массу поводовъ англійскимъ туристамъ для сплетень, отъ которыхъ старые ханжи падали въ обморокъ, не забывая все-таки писать о немъ всякія гадости.

Первымъ своимъ долгомъ въ Венеціи Байронъ счелъ обзавестись гондолой, гондольеромъ, ложей въ театрѣ и любовницей. Последняя легко отыскалась. Онъ водворился на жительство у одного купца, двадцати-двухъ-лѣтняя жена котораго, Маріана Сегати, была, какъ говорили, настоящая газель съ большими черными глазами. Они влюбились другъ въ друга, такъ что Гобгоузу, спутнику Байрона, пришлось ѣхать въ Римъ одному. «Я хотѣлъ ѣхать вмѣстѣ», пишетъ Байронъ, «но влюбился, и нужно подождать, пока это пройдетъ». Молодая женщина водила его съ собою на всѣ карнавальныя развлечения. Онъ жилъ совсѣмъ по-венеціански, проводилъ безъ сна ночи напролетъ, соблюдалъ (изъ страха, чтобъ не потлѣть) свою обычную діету, ѣлъ растителную пищу и истреблялъ значительное количество рому съ водой для подкрѣпленія силъ и воображенія. Въ это время онъ оканчивалъ «Манфреда». Печальную картину представляетъ его тогдашняя беспорядочная жизнь: чтобы создать какой-нибудь противовѣсъ своимъ развлечениямъ и дать какую-нибудь точку опоры своимъ порывамъ, онъ каждый день по нѣскольку часовъ проводилъ въ монастырѣ Санъ-Ладзаро, занимаясь у монаховъ армянскимъ языкомъ. Онъ выписалъ себѣ въ Венецію свою скаковую лошадь, утро обыкновенно посвящалъ изученію армянскаго языка, а вечеръ верховой ѣздѣ. Для катанья верхомъ онъ обыкновенно съ Шелли и другими пріятелями отправлялся въ Лидо. Шелли, въ своемъ произведеніи «Юліанъ и Мадала», сравниваетъ жизнь эту съ жизнью въ домѣ сумасшедшихъ. Вслѣдствіе нездороваго венеціанскаго климата, Байронъ заболѣлъ горячкою; съ трудомъ разстался онъ съ Маріаной Сегати, но какъ вернулся въ Венецію изъ Феррары и Рима, гдѣ пробылъ очень недолго, страсть къ ней совершенно исчезла, въ особенности, когда онъ узналъ, что Маріана распродала всѣ его подарки и вообще старалась какъ можно больше извлечь выгоды изъ своей связи съ нимъ. За время своего перваго пребыванія въ Венеціи, Байронъ преимущественно посѣщалъ аристокра-

тическое общество, которое большею частью собиралось въ салонѣ литературно-образованной графини Альбритци (Albrizzi); теперь онъ совсѣмъ отстранился отъ свѣтскаго общества. Онъ напаялъ для себя и для своего звѣрнца палаццо на Большомъ Каналѣ. Палаццо этотъ быстро превратился въ гаремъ, а любимую султаншею этого гарема сдѣлалась простая женщина, жена булочника, Маргарита Коньи. Это была въ полномъ смыслѣ венеціанская красавица, и хотя ея фигура была нѣсколько велика, тѣмъ не менѣе она была чрезвычайно стройна и къ ней какъ нельзя болѣе шелъ національный костюмъ. Наивная и веселая, какъ простой ребенокъ, она не умѣла ни читать, ни писать, и поэтому не могла падоѣдать Байрону своими письмами. Ревнивая до крайности, она нерѣдко срывала маски съ знаменитыхъ дамъ, когда замѣчала ихъ въ обществѣ Байрона, входила къ нему, когда ей вздумается, не стѣсняясь ни временемъ, ни мѣстомъ, ни обществомъ. Въ одномъ письмѣ Байронъ говоритъ о ней: «Когда я познакомился съ нею, у меня была связь съ одной знатной дамой, которая имѣла глупость сдѣлать ей какія-то угрозы. Маргарита, выведенная изъ себя, сорвала съ ея головы платокъ и давай ея отчитывать на всѣ стороны на своемъ безхитростномъ венеціанскомъ нарѣчійи «Вы-де не его жена, и я не его жена. Вы его донна, и я его допна. Вашъ мужъ простофиля, и мой простофиля. Какъ-же вы смѣете ругать меня? Да развѣ я виновата, что онъ мнѣ отдастъ предпочтеніе передъ вами?» Накопецъ, она формально водворилась въ домъ Байрона, какъ Donna di governo (въ качествѣ «хозяйки»), строгимъ порядкомъ на половину уменьшила его расходы, важно расхаживала по палаццо въ длинномъ платьѣ со шлейфомъ и въ шляпѣ съ перомъ—предметы роскоши были замѣтною мечтою ея вождедѣній—била дѣвушекъ, старалась сама выучить азбуку, чтобы узнать при случаѣ какъ-нибудь по почерку дамскія письма. Но, не смотря на все это, она страстно любила его. Ея радость, когда она увидала его однажды благополучно вернувшимся изъ опас-

ной морской поѣздки, походила на радость тигрицы, ко-
торой возвращаютъ ея дѣтеныша». Когда Байронъ,
вслѣдствіе ея все болѣе и болѣе усилившейся назойли-
вости, былъ вынужденъ, наконецъ, удалить ее, она сна-
чала пригрозила ему пожомъ, а потомъ отъ ярости и от-
чаянія бросилась ночью въ каналъ. Ее вытащили во время
и отправили домой, а Байронъ со всѣми подробностями
описалъ эту исторію Муррею; онъ зналъ, что его письма
къ издателю будутъ, подобно печатнымъ произведеніямъ
или официальнымъ актамъ, переходить изъ рукъ въ
руки и послужатъ богатымъ источникомъ для сплетенъ
въ Англіи.

Письмо это показываетъ, что онъ не погибъ въ этой
разнузданной венеціанской жизни, а, напротивъ, восполь-
зовался ею, какъ богатою нищею для своего юмора. Въ
исторіи его умственного и поэтического развитія она такъ
же заняла подобающее мѣсто: въ то время, какъ друзья
его въ Англіи безутѣшно горевали, что онъ легкомысленно
играетъ своимъ достоинствомъ и общественнымъ положеніемъ,
изъ-за безшабашной, веселой карнавальной жизни,
среди простыхъ женщинъ, подъ улыбающимся солнцемъ
Италіи,—въ его поэзіи возникло новое, реальное направ-
леніе. Въ своихъ юношескихъ произведеніяхъ онъ съ
грустью и болью въ сердцѣ рисовалъ лишь «отливы»
жизни, въ «Беппо» вдругъ поднялся «приливъ» ея. Это
былъ реализмъ юмора, жизненная дѣйствительность, вы-
лившаяся въ смѣхъ и шуткѣ. Въ его прежнемъ наосѣ
замѣчалась нѣкоторая монотонность и манерность. Здѣсь
его гений какъ-бы сбросилъ съ себя старую кожу, моно-
тонность исчезла отъ массы разнообразнѣйшихъ непре-
рывно мѣняющихся темъ и красокъ, и всякая манерность
какъ-бы слетѣла прочь подъ задушевнымъ смѣхомъ. Въ
его прежнихъ сатирахъ была весьма достаточная доза
язвительности, но замѣчался большой недостатокъ въ гра-
ціи и юморѣ. Теперь, когда его собственная жизнь при-
няла на нѣкоторое время характеръ карнавального празд-
нества, грація и юморъ сами собою проявились въ его

произведеніяхъ. «Белпо», это—самъ венеціанскій карнавалъ,—та старая тема, на которую Байронъ, подобно Паганини, натолкнулся на своемъ жизненномъ пути, поднялъ концомъ своего божественнаго смычка, украсилъ массой смѣлыхъ и гениальныхъ варіацій и въ изобиліи осыпалъ перлами и золотыми арабесками. Онъ какъ разъ въ это время изучалъ англійскую комическую поэму о королѣ Артурѣ и рыцаряхъ круглаго стола, авторъ которой, дипломатъ Джинъ Фреръ, подражалъ здѣсь обработкѣ итальянца Берни боярдовскаго «Неистоваго Роланда», поэмы, впервые написанной октавами. Это произведеніе пробудило въ Байронѣ желаніе попробовать свои силы на чемъ-нибудь подобномъ; такимъ образомъ явилась въ свѣтъ эта художественная шутка, полная оригинальность которой окончательно заставляетъ забывать о ея первообразѣ. Здѣсь онъ нашелъ наиболѣе удобную для себя форму, оружіе, которымъ хорошо владелъ. О чемъ же трактуетъ поэма? Да о тѣхъ-же пустякахъ, о которыхъ говоритъ Альфредъ де-Мюссе въ своей «Намуи» или Палюдашъ-Мюллеръ въ «Тапцовщицѣ». Сюжетъ самый простой. Одинъ венеціанецъ уѣзжаетъ на чужбину отъ своей жены и такъ долго остается тамъ, что жена успѣла, считая его умершимъ, обзавестись дружкой, какъ вдругъ онъ, проданный въ рабство туркамъ, является домой въ платьѣ турецкаго раба и встрѣчаетъ свою супругу въ маскарадѣ, подъ руку съ неожиданнымъ соперникомъ. По окончаніи бала, онъ становится у дверей своего дома и дожидается возвращенія парочки изъ гондолы. Послѣ того какъ всѣ трое оправились отъ нѣкотораго смущенія, они велятъ принести себѣ кофе, и между ними завязывается слѣдующій разговоръ. Лаура говоритъ:

Ахъ, Белпо! безъ сомнѣнн,
Ты не изычникъ? Тотъ же, какъ всегда?
Ахъ! Господи, какая борода!
Гдѣ-жъ ты скитался долго? Почему-же
Я столько лѣтъ не слышала о мужѣ?
Не туркомъ-ли вернулся ты назадъ?
Не издѣ-ли ты себѣ жену моложе?

Ахъ? Правда-ль, будто турки всё ѣдятъ
Не вилами, а пальцами?.. Мой Боже!
Такую шаль видалъ-ли кто наврядъ:
Не мнѣ-ль ее привезъ ты изъ чужбины?
Ахъ! Да скажи мнѣ, правда-ль, что свинины
Не разрѣшаетъ туркамъ Магометъ?..

Вотъ и все объясненіе, которое получаетъ мужъ на всѣ разспросы. Не имѣя возможности выходить въ своемъ костюмѣ, онъ одѣвается въ платье *cavaliere servente* Лауры, и исторія кончается всеобщимъ примиреніемъ. Поэма эта сама по себѣ не имѣетъ особеннаго значенія; но она была хорошей подготовительной школой для его художественнаго произведенія «Донъ Жуанъ», единственнаго изъ байроновскихъ произведеній, которое захватываетъ весь великій океанъ жизни, съ его бурями и свѣтлыми днями, съ его приливами и отливами.

Друзья Байрона дѣлали съ своей стороны всевозможныя усилія, чтобы оторвать его отъ безпорядочной жизни и вернуть въ Англію. Всѣ увѣщанія не повели ни къ чему: вмѣсто возвращенія домой, онъ продалъ свое ньюстедское аббатство, съ которымъ въ юности никогда не хотѣлъ разставаться, и этимъ показалъ, что не намѣренъ вовсе возвращаться на родину; онъ даже ужасался при одной мысли, что трупъ его когда-нибудь будетъ покоиться въ Англии. Онъ пишетъ: «Я думаю, что никто не подумаетъ консервировать или бальзамировать меня. Мои кости не нашли-бы покоя въ англійской могилѣ и мой прахъ не смѣшается съ прахомъ этой земли. Одна мысль о томъ, что кто-нибудь изъ друзей будетъ ко мнѣ такъ немилосердъ, что перенесетъ меня въ *вашу* страну, могла бы привести меня въ неистовство даже на смертномъ одрѣ. Не желаю я служить добычею вашихъ червей». Но тутъ произошелъ случай, который непредвидѣннымъ образомъ положилъ конецъ полигаміи Байрона, въ которой онъ жилъ въ Венеціи, и имѣлъ рѣшающее значеніе на его дальнѣйшую судьбу. Въ апрѣлѣ 1819 г. Байронъ былъ представленъ, въ домѣ графини Бентона, молодой шестнадцати-лѣтней графинѣ Терезѣ Гвितццоли

(Guiccioli), урожденной графинь Гамби, бывшей замужемъ за 60-ти-лѣтнимъ графомъ Гвитчюли, который уже два раза былъ вдовцомъ.

Представленіе произошло вопреки желанію обоихъ; молодая графиня была утомлена и желала идти поскорѣе домой; Байронъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія заводить новыя знакомства; оба уступили только изъ уваженія къ хозяйкѣ. Но съ первой минуты, послѣ непродолжительнаго разговора, въ сердца обоихъ заронилаь искра, которая съ того времени никогда уже не погасала. Графиня говоритъ: «Его прекрасныя, благородныя черты лица, его милодичный голосъ, все его существо и необыкновенная, чарующая прелесть, окружавшая его, дѣлали изъ него чудное обаятельное созданіе, какого мнѣ не приходилось еще видѣть во всю мою жизнь. Съ этого дня мы видѣлись съ нимъ каждый вечеръ во время моего пребыванія въ Венеціи». Черезъ нѣсколько недѣль, Терезѣ нужно было ѣхать съ своимъ супругомъ домой въ Равенну. Эта разлука до того потрясла ее, что она первый день лежала въ обморокъ и до того расхворалась, что ее еле живую привезли домой. Въ это же время она лишилась матери. У графа было много помѣстій и замковъ между Венеціей и Равенной, и съ каждой изъ этихъ станцій Тереза посылала Байрону самыя страстныя письма, въ которыхъ выражала свое отчаяніе по поводу разлуки и заклинала его прибыть въ Равенну. Она съ большимъ чувствомъ изображаетъ ту рѣшительную переменъ, которая произошла въ ея чувствахъ. Въ то время, какъ прежде она мечтала только о праздникахъ и балахъ, теперь любовь къ Байрону до того переимѣнила все ея существо, что она, согласно желанію Байрона, избѣгала всякаго общества и въ глубокомъ уединеніи предавалась чтенію, музыкѣ, верховой ѣздѣ и домашнему хозяйству. Отъ тоски и тревоги она опасно захворала, ею овладѣла изнурительная лихорадка и даже появились симптомы чахотки. Тогда Байронъ отправился къ ней въ Равенну. Онъ засталъ графиню въ положеніи близкомъ къ смерти:

она кашляла и харкала кровью. Онъ пишетъ. «Я очень боюсь, не больна-ли она грудью. Такъ бываетъ съ каждымъ предметомъ, съ каждымъ человекомъ, къ которому я испытываю истинную привязанность. Но если съ ней случится какое нибудь несчастье, оно не минуетъ и моего сердца, это—моя послѣдняя любовь. Та разнузданная жизнь, которой я предавался раньше и которою пресытился до-нельзя, имѣла въ себѣ, по крайней мѣрѣ, ту хорошую сторону, что я могу теперь чувствовать любовь въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова». Отношеніями графа къ молодому иностранцу всѣ были не мало удивлены; онъ отличался утонченной вѣжливостью, давалъ Байрону ежедневно для прогулокъ экипажъ, запряженный шестеркой лошадей и, по словамъ Байрона, носился съ нимъ «какъ Виттингтонъ съ своею кошкой». Байронъ чувствовалъ себя вблизи любимой женщины совершенно счастливымъ. Превосходное стихотвореніе «Къ По», которое проникнуто такимъ глубокимъ рыцарскимъ чувствомъ и которое оканчивается желаніемъ умереть въ молодости, было первымъ плодомъ его новой страсти. Отъ всей души и отъ всего сердца любилъ онъ, и любилъ какъ юноша, нисколько не пытаясь скрывать своего чувства или побѣдить его. Когда графиня, въ августѣ, должна была на нѣкоторое время отлучиться, чтобъ сопровождать своего супруга въ его поѣздкѣ по имѣніямъ, Байронъ ежедневно бывалъ въ домѣ своей возлюбленной, входилъ въ ея комнату, читалъ тамъ ея любимѣйшія книги и дѣлалъ даже нѣкоторыя замѣтки на поляхъ. Въ одномъ экземплярѣ «Коринны» нашли слѣдующія строки: «Моя милая Тереза— я читалъ эту книгу въ твоёмъ саду—дорогая моя, когда тебя не было, да иначе я-бы читать и не могъ. Это твоя любимая книга, и авторъ *) ея былъ мнѣ хорошимъ другомъ. Ты не поймешь этихъ англійскихъ словъ и другіе не поймутъ, потому-то я и нацарапалъ ихъ не по-италіански. Однако, ты узнаешь почеркъ того, кто тебя

*) Г-жа Сталь.

страстно любилъ, и догадаешься, что сидя надъ книжкой которая принадлежитъ тебѣ, я могъ... думать только о любви. Въ этомъ словѣ, которое прекрасно на всѣхъ языкахъ, но прекраснѣй всего звучитъ на твоёмъ—*amortio*—заключается и настоящее, и будущее моей жизни... Думай порою обо мнѣ, если океанъ и Альпы раздѣляютъ насъ; но этого никогда не будетъ, если ты захочешь». Нѣтъ нужды сравнивать это письмо съ письмомъ къ лэди Лэмбъ, чтобы увидѣть тутъ языкъ неподдѣльной, искренней любви.—Когда графъ въ сентябрѣ былъ отозванъ дѣлами въ Равенну, онъ позволилъ Байрону безъ всякихъ стѣсненій быть вмѣстѣ съ графиней въ Болоньѣ, а затѣмъ вдвоемъ съ нею ѣхать въ Венецію, гдѣ они жили подъ одной кровлей, такъ какъ графиня поселилась на виллѣ Байрона *La Mira*. Послѣ смерти Байрона, она въ письмѣ къ Муру слѣдующимъ образомъ говоритъ о тѣхъ дняхъ: «Я не могу забыть объ этомъ счастьи,—такъ поразителенъ контрастъ съ настоящимъ. Если бы ангелъ изъ обители полного небеснаго блаженства былъ посланъ на землю, чтобы испытать тутъ всю чашу земныхъ горестей, страданіе его не было-бы больше того, какое пришлось мнѣ испытывать съ того самаго момента, когда до моего слуха дошло страшное извѣстіе и когда я навсегда потеряла надежду увидѣть снова того, взгляда котораго для меня былъ дороже всякаго земнаго счастья».

Молодая женщина, которой свѣтъ обязанъ тѣмъ, что Байронъ не погибъ окончательно въ водоворотѣ беспорядочной жизни, съ той минуты, когда водворилась въ его виллѣ, на всегда скомпрометировала себя въ глазахъ своихъ соотечественниковъ. Итальянскій кодексъ нравственности (превосходно описанный въ итальянскихъ разсказахъ Стендаля), позволялъ молодой женщинѣ имѣть *amico*, даже смотрѣлъ на него, какъ на ея настоящаго супруга, но только подъ однимъ условіемъ, чтобы было соблюдено внѣшнее приличіе; этого-то условія она и не приняла во вниманіе. Выставляя себя на судъ и порицаніе общественнаго мнѣнія, она отнюдь не дѣйствовала по легкомыслію;

напротивъ, она смотрѣла на свои отношенія къ Байропу въ нѣкотораго рода поэтическомъ освѣщеніи. Она видѣла въ нихъ задачу своей жизни, своею любовью хотѣла вырвать благороднаго и высокоодареннаго поэта изъ омута всякихъ пороковъ и возратить ему вѣру въ чистую любовь. Она надѣялась быть его музой. Въ ней кипѣла молодая кровь, и она была необыкновенно красива. Свѣтлорусая съ темными глазами, небольшого роста, она обладала превосходнымъ бюстомъ. Американскій художникъ Уэстъ, рисовавшій портретъ Байрона въ *Vila Rosa*, неподалеку отъ Пизы, описываетъ ее слѣдующимъ образомъ: «Когда я рисовалъ его портретъ, окно, освѣщавшее нашу комнату, вдругъ потемнѣло, и я услышалъ какой-то голосъ, произнесшій: *E troppo bello* *). Я обернулся и увидѣлъ красивую молодую женщину, которая стояла у окна, нѣсколько облокотившись на него, чтобъ заглянуть изъ сада въ комнату. Длинные золотистые волосы густыми прядями падали ей на лицо и на плечи; фигура ея была верхомъ совершенства; ея улыбка придавала лицу какую-то особенную прелесть, нѣчто романическое, не виданное мною, въ особенности, когда ее обливали свѣтомъ своимъ яркіе солнечные лучи». Чѣмъ больше желала графиня выдѣлиться изъ сонма всѣхъ остальныхъ возлюбленныхъ Байрона, тѣмъ больше стремилась она поднять его творчество въ тѣ высшія чистыя сферы, въ которыя такъ рѣдко проникалъ онъ до того времени.

Однажды вечеромъ, когда Байронъ перелистывалъ рукопись своего «Донъ Жуана», двѣ пѣсни котораго начаты были имъ еще до знакомства съ графинею, послѣдняя остановилась за его стуломъ и, указавъ на мѣсто, гдѣ онъ читалъ, спросила, что тамъ написано. Это была 137 строфа первой пѣсни, и Байронъ отвѣчалъ по-итальянски: «Вашъ мужъ идетъ!» — «О, Боже, онъ идетъ!» воскликнула графиня и въ ужасѣ отскочила въ сторону. Ей показалось, что онъ говоритъ объ ея собственномъ мужѣ. Но

*) Слишкомъ хорошъ

этотъ случай возбудилъ въ ней желаніе познакомиться съ «Донъ-Жуаномъ», и когда Байронъ прочелъ ей двѣ первыя пѣсни во французскомъ переводѣ, она заклінала его, какъ женщина, возмущенная цинизмомъ содержація, не продолжать произведенія. Онъ тотчасъ-же обѣщалъ своей «диктаторшѣ» все, что ей угодно. Это было первое непосредственное вліяніе, которое пріобрѣла графиня Гвичіоли въ области поэтическаго творчества Байрона,—въ послѣднемъ случаѣ, впрочемъ, далеко не удачное; она скоро, впрочемъ, взяла свой запретъ назадъ, но подъ условіемъ, чтобы впредь въ произведеніяхъ поэта ничего не было скабрзнаго, и связь съ нею имѣла своимъ послѣдствіемъ цѣлый рядъ чудныхъ, не умирающихъ памятниковъ во всѣхъ произведеніяхъ, которыя явились съ того времени изъ-подъ пера Байрона. Способъ, при содѣйствіи котораго въ «Донъ Жуанѣ» срывается покровъ всякой иллюзіи, беспощадное издѣвательство надъ всѣмъ сентиментальнымъ, оскорбили графиню, какъ женщину, потому что женщины, по самой натурѣ своей, не любятъ, чтобы лишали послѣдняго покрова тѣ обманчивые призраки, которыми красна наша жизнь. Но стараясь отклонить Байрона отъ подобнаго рода творчества, которое разрушаетъ вѣру въ людей и цѣнность человѣческой жизни, графиня, подъ влеченіемъ своей романтической натуры ко всему возвышенному, какъ страстная итальянская патріотка, побуждала любимаго человѣка избирать такіе сюжеты, которые возвышали-бы духъ ея соотечественниковъ и воодушевляли ихъ на освобожденіе отечества отъ чужеземнаго ига. По ея желанію, Байронъ написалъ «Пророчество Данте» и перевелъ извѣстные стихи Данте о любви Франчески, а подъ ея вліяніемъ написалъ венеціанскія драмы: «Марино Фаліеро» и «Двое Фоскари», которыя, хотя и написаны по-англійски, по слогу и сюжету, скорѣе соотвѣтствуютъ романской, нежели англійской литературѣ, равно какъ фактически принадлежать не англійской, а итальянской сценѣ. Это—страстные политически тенденціозныя пьесы, цѣлью которыхъ было—

расшевелить заснувших итальянских патриотов и воспламенить их, чтобы все они, как один человек, возстали против своих притеснителей. Непосредственно под первым впечатлѣніемъ своей любви къ графинѣ, написалъ Байронъ и «Мазепу», возлюбленная котораго носить ея имя; наконецъ, личность ея фигурируетъ въ двухъ превосходнѣйшихъ женскихъ образахъ, созданныхъ Байрономъ въ этотъ періодъ: въ Адѣ («Кайнъ») и въ Миррѣ («Сарданапаль»).

Въ графинѣ Гвितчіоли Байронъ отыскалъ воплощеніе того женскаго идеала, который постоянно носился предъ нимъ, но которому никакъ не удавалось ему въ своихъ прежнихъ произведеніяхъ придать естественный обликъ. Онъ самъ однажды сдѣлалъ наивное признаніе лэди Блессингтонъ, какъ ему трудно доставалось созданіе женскихъ идеальныхъ типовъ. «Мнѣ нравятся», говорилъ онъ, «здоровыя, полныя женщины, но онѣ рѣдко обладаютъ красивыми, тонкими пальцами, соответствующими идеальной женщинѣ. Поэтому, чтобы удовлетворить своей фантазіи, мнѣ приходилось самому создавать себѣ женщинъ и дѣвушекъ, которыя совмѣщали бы въ себѣ все качества, которыя такъ трудно встрѣтить вмѣстѣ. Затѣмъ, я люблю простыхъ, естественныхъ женщинъ, но такія обыкновенно не образованы и почти не знакомы съ изящными манерами, а образованныя и благовоспитанныя очень неестественны. Поэтому мой выборъ останавливался обыкновенно на греческихъ дѣвушкахъ, которыя съ неподдѣльною граціею и наивною соединяють врожденную свободу мыслей и чувствъ». Такая смѣсь была невозможна и неизящна, не носила на себѣ почти никакого отпечатка дѣйствительности и соответствовала лишь характеру тѣхъ героевъ, которымъ поклонялись эти женщины. Все эпическія произведенія Байрона, начиная съ «Гяура» и кончая «Осадой Коринѳа», отличаются романтическими характеромъ и сильно запечатлѣны личностью Байрона. Страсть обоготворялась у обоихъ поколѣній. Все эти герои, выражаясь словомъ Гяура, — «враки» *), опустошенные бурей,

*) Обломки разбитаго корабля.

но которые любятъ болѣе вращаться среди бурь и непогодъ, чѣмъ прозябать въ спокойной тиши; они любятъ не холодную любовью сѣверныхъ жителей, но ихъ сердца извергаютъ огонь и лаву. Самымъ рельефнымъ представителемъ этихъ героевъ является благородный морской разбойникъ «Корсаръ», который гордо, съ ироніей и презрѣніемъ, относится къ человѣчеству, мстителенъ до жестокости, мучится угрызениями совѣсти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ благороденъ и великодушенъ, что скорѣе самъ готовъ идти на самыя варварскія пытки, чѣмъ убить спящаго врага. Бандитъ, интересный, съ таинственными чертами лица, съ своей театральной позировкой и безграничнымъ рыцарствомъ по отношенію къ дамамъ, онъ какъ бы является байроновскимъ профилемъ къ шиллеровскому Карлу Моору. Его идеалу мужчины мало соотвѣтствовали король, правящій по закону въ странѣ и окруженный придворнымъ этикетомъ; послѣднему не доставало романтическихъ дѣяній, свободной жизни на сушѣ и на морѣ. Поэтому Байронъ взялъ главу пиратовъ и къ свойствамъ, вытекавшимъ изъ этого ремесла, присоединилъ нѣжнѣйшія стороны своей собственной души: Корсаръ, привыкшій купаться въ крови, въ ужасѣ отступаетъ передъ молодою султаншей, которая его любитъ, замѣчая у нея на лбу небольшое кровавое пятно, не потому чтобы онъ могъ содрогаться при видѣ такихъ пустяковъ, но оттого, что самъ Байронъ пришелъ бы въ ужасъ при видѣ подобнаго зрѣлища. Словомъ, всѣ эти юные герои и героини потому такъ особенно нравились толпѣ, что они—какъ кто-то сильно выразился о нихъ—«постоянно двигаются, даже тамъ, гдѣ у нихъ нѣтъ и суставовъ». Публика не столько восторгалась пылкою страстью въ лирическихъ моментахъ и неподдѣльными поэтическими перлами, сколько невозможностью движеній, лежавшихъ внѣ человѣческой природы. Это было удивленіе, каковымъ обыкновенно награждаетъ публика отважнаго акробата, который выдѣлываетъ разныя неестественныя штуки, — штуки, отъ которыхъ не трудно сломать себѣ шею.

Но нѣкоторыя отдѣльныя черты этихъ характеровъ приближаются постепенно къ байроновскому идеалу, начинавшему теперь слагаться въ довольно опредѣленный образъ. Непоколебимая твердость Конрада въ несчастіяхъ имѣеть много сходнаго съ непоколебимостью Манфреда. Онъ такъ же не хочетъ преклонять колѣнъ, какъ Каинъ — предъ Люциферомъ или Донъ-Жуанъ — предъ Гюльбею. Состраданіе къ меньшей братіи, никогда не покидавшее души Байрона, живетъ въ Ларѣ, хотя и выражается здѣсь больше ненавистью къ тиранамъ, а стремленіе къ освобожденію Греціи проглядываетъ въ «Гяурѣ», равно какъ и въ «Осадѣ Коринѳа». Знаменательно то обстоятельство, что самъ поэтъ окончилъ свою жизнь среди тѣхъ людей, подобныхъ которымъ онъ воспѣвалъ. Во всѣхъ этихъ образахъ есть одна реальная черта, которая господствуетъ во всѣхъ произведеніяхъ, примаыкающихъ по своему духу къ «Ларѣ, — реализмъ трагическаго. Юморъ въ «Беппо» — это форма, подъ которою реализмъ одерживаетъ верхъ надъ театральностью и манерностью въ его идеализмѣ. Сочувствіе къ человѣческимъ страданіямъ, которое мало помалу вытѣсняетъ всякій другой интересъ, — это форма, въ которой чувство реальной жизни окончательно поглощаетъ собою романтизмъ въ его произведеніяхъ. Чувство это, послѣ разрыва съ Англіей, болѣе обострилось и сдѣлалось реальнѣе, чѣмъ когда либо прежде. «Шильонскій Узникъ» рисуеть намъ муки, которыя пришлось вытерпѣть благородному Боннивару, высидѣвшему въ продолженіе шести лѣтъ въ подземельи, прикованнымъ къ каменной колоннѣ на такой короткой цѣпи, что даже при лечь ему было невозможно, между тѣмъ какъ братья его умирали неподалеку отъ него, точно такимъ же образомъ прикованные къ ближайшимъ колоннамъ, и онъ не могъ имъ подать руки помощи въ послѣднюю минуту. Затѣмъ, послѣдовалъ «Мазепа», произведеніе, написанное въ томъ же духѣ.

Юноша, привязанный къ спинѣ дикой лошади, которая, потрясая косматою гривой, покрытая вся дѣной, вихремъ

мчить его по лѣсамъ и полямъ; за нимъ—воспоминанія о пережитыхъ мученіяхъ, впереди—ужасная неизвѣстность; оторванный отъ любимой дѣвушки, въ такомъ ужасномъ положеніи, онъ мучится передъ нами отъ жажды, ранъ и стыда. До сихъ поръ. Байронъ ограничивался, главнымъ образомъ, изображеніемъ ужасовъ физическихъ страданій; даже тамъ, гдѣ страданія, какъ у Боннивары, представляли духовную сторону и сюжетъ давалъ поводъ къ изображенію героическаго характера, онъ съ особенною любовью останавливался на изображеніи чисто физическихъ страданій. Теперь же, когда въ немъ пробудился энтузіазмъ къ великимъ мученикамъ Италіи, его изображеніе трагическаго приняло болѣе облагороженный видъ. Въ «Пророчествѣ Данте» рисуетъ онъ жребій поэта, полный всяческихъ незаслуженныхъ страданій, и заставляетъ поэта, несправедливо изгнаннаго изъ отечества, воскликнуть: «Вотъ что ожидаетъ людей, подобныхъ мнѣ: въ жизни пытки и безконечная борьба, разбитое, истерзанное сердце и смерть въ одиночествѣ!»

Ужъ давно занимался Байронъ выработкою характера Тассо. Бѣглое сровненіе между гётевскимъ «Тассо» и байроновскимъ произведеніемъ «Жалоба Тасса» показываетъ, съ какою страстью байроновская фантазія гонялась за изображеніемъ безнадежныхъ страданій. Гёте представляетъ «Тассо» пылкимъ юношей, влюбленнымъ поэтомъ, вводитъ его при феррарскомъ дворѣ въ кругъ красивыхъ женщинъ, гдѣ онъ, счастливый несчастливецъ, возбуждаетъ удивленіе и подвергается оскорбленіямъ. Байронъ рисуетъ Тассо одинокимъ, разбитымъ, разлученнымъ съ міромъ, заключеннымъ въ домъ сумасшедшихъ, будучи вполнѣ здоровымъ, жертвою варварства своего прежняго благодѣтеля:

Не думалъ я, бродя въ уединенъи,
Что рокъ судилъ окончить въ заточеньи
Мнѣ дни свои, въ сообществѣ людей
Больныхъ умою и мрачныхъ палачей.
Когда-бъ мой умъ лишонъ былъ всякой силы,
Вполнѣ своей онъ стоялъ-бы могилы;

Но кто меня въ конвульсіяхъ выдастъ?
Кто бредъ и смѣхъ безумный мой слыхалъ?
Тоска пловца на берегъ пустынною
Не такъ тяжка, какъ узы на безвинномъ:
Предъ намъ просторъ — вселенная предъ нимъ,
Моя же — здѣсь, съ убожествомъ своимъ,
Что превзойти всего лишь можетъ вдвое
Пространство то, что смерть отризаетъ мнѣ.
Онъ можетъ взоръ на небо всеблагое
Поднять съ тоской, ввѣряся волнѣ,
Но узникъ глазъ къ нему не подымаетъ,
Хотя ихъ сводъ тюремный и скрываетъ.

Гёте изъ феррарскаго двора, который посѣщала Лукреція Борджія и гдѣ процвѣтали въ полной силѣ дикія страсти и суровые нравы эпохи возрожденія, сдѣлалъ нѣмецкій Веймаръ въ миниатюрѣ, который былъ весь проникнутъ самымъ нѣжнымъ, гуманнымъ чувствомъ XVIII столѣтія.

Взоры же Байрона привлекались, какъ магнитомъ, возмутительнымъ варварствомъ герцога феррарскаго; ему понятна вся свирѣпость той безчеловѣчной эпохи, и поэма его превращается въ обвинительный актъ противъ произвола и тираніи. Еще болѣе обвинительный, хотя черезчуръ натянутый характеръ приняло, наконецъ, изображеніе трагическихъ страданій въ драмѣ «Двое Фоскари», гдѣ отецъ присуждаетъ своего любимаго сына ко всевозможнымъ мучительнымъ пыткамъ, и гдѣ сынъ, герой произведенія, только затѣмъ покидаетъ застѣнокъ, къ которому онъ былъ привязанъ, съ первой и до послѣдней сцены, чтобы умереть въ изгнаніи отъ мучительной скорби и тоски. Трагедія эта, какъ и всѣ остальные трагедіи Байрона, написана съ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ правилъ Аристотеля и совершенно въ духѣ французскихъ трагедій; Байронъ былъ убѣжденъ, что этотъ путь единственно вѣрный и доходилъ даже въ этомъ отношеніи до комическаго пародокса, утверждая, что въ Англіи до сихъ поръ не было настоящей драмы. Немало удивлялись тому, что Байронъ, который ничуть не менѣе всѣхъ другихъ

англійскихъ поэтовъ этой эпохи былъ однимъ изъ ярыхъ натуралистовъ, т. е. предпочиталъ лѣсъ саду, естественнаго человѣка человѣку салонному, первобытное выраженіе страсти ея спеціальному, избытому языку, — не мало удивлялись, какъ онъ могъ отличаться такимъ фанатизмомъ къ Попу и небольшой группѣ поэтовъ, которые, подобно Самуэлю Роджерсу, Краббу и Кэмблѣ, еще держались классическихъ традицій, какъ онъ могъ, говорю, отличаться такимъ фанатизмомъ, который доходилъ у него до подражанія самому стилю прошлаго. Байроновскій духъ противорѣчія былъ первою тому причиною. Придерживаясь въ эстетикѣ старинной системы и дѣлая одновременно успѣхи во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, Байронъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ Арманомъ Каррелемъ, который, будучи ultra-свободнымъ мыслителемъ во всѣхъ политическихъ и религіозныхъ вопросахъ, боролся противъ новой школы въ литературѣ. Такъ оба они, занимая мѣсто въ наиболѣе развитыхъ областяхъ, смотрѣли почти на все глазами Франціи XVIII вѣка; для нихъ было не трудно прійти къ согласію на одномъ какомъ-нибудь пунктѣ, которымъ отстаивался литературный застой. Между прочимъ, вѣроятно, эта теоретическая рѣшетка невыгодно повліяла на его итальянскія драмы. Онѣ состоятъ изъ монологовъ и декламациі. Геній Байрона, взятый вмѣстѣ съ патріотизмомъ графини Гвितчіоли, не могли ничего болѣе сдѣлать, какъ окрасить ихъ нѣкоторымъ общимъ поэтическимъ колоритомъ.

Но за то, при разработкѣ «Каина» и «Сарданапала», молодая графиня была дѣйствительно, какъ она надѣялась, музою Байрона. Лучшій характеръ во всемъ «Каинѣ» — Ада. Въ то время, какъ мужскіе характеры Байрона, — и это не разъ было замѣчаемо, — всѣ походили другъ на друга, его женскіе образы — это нерѣдко оставалось незамѣченнымъ — отличаются въ высшей степени разнообразнымъ характеромъ. Ада — не Каинъ въ женскомъ образѣ, хотя она — единственная женщина ему подъ пару. Женскій образъ Каина — это гордая, непреклонная

Аголибама въ мистеріи «Небо и земля». Но какъ Каинъ видитъ вездѣ уничтоженіе, такъ Ада видитъ вездѣ возрожденіе, любовь, прозябаніе, счастье. Кипарисъ, листья котораго шатромъ склонились надъ головою малютки Еноха, кажется Каину деревомъ печали; Ада-же видитъ въ немъ только тѣнистый пріютъ для своего ребенка. Послѣ того, какъ Каинъ высказалъ свои отчаянныя слова, что чрезъ Еноха должны будутъ войти въ міръ всѣ бѣдствія и несчастія, Ада говоритъ:

Каинъ, видишь-ли, какъ онъ
Хорошъ, силенъ, какъ радостенъ и веселъ,
Какъ *на меня* похожъ онъ, на тебя,
Когда не враченъ ты.

Ада такъ мало говорить, что всѣ ея реплики, взятая вмѣстѣ, не займутъ и восьмой части листа. Когда Каину представляется выборъ между знаніемъ и любовью, она говоритъ: «Каинъ, выбирай любовь!» Когда Каинъ убилъ Авеля и стоитъ, проклятый и отверженный, она на его слова: «Оставь меня», отвѣчаетъ: «Но ты, вѣдь, всѣми оставленъ!» Услыша страшное проклятіе ангела, Каинъ остается безмолвнымъ, но Ада открываетъ свои уста и говоритъ:

Это выше силъ!
Съ лица земли его ты прогоняешь—
И долженъ онъ отъ Господа скрываться..
Изгнанникъ и скиталецъ.. Всякій встрѣчный
Убьетъ его.

Второй образъ, въ которомъ еще сильнѣе чувствуется вліяніе графини Гьитчюли, это—греческая невольница Мирра въ «Сарданапалѣ», это—лучшая изъ историческихъ трагедій Байрона. Презирая міръ и людей, гордый Сарданапалъ безопасно предался жизненнымъ удовольствіямъ. Военную славу онъ презираетъ: онъ не желаетъ покупать такъ-называемое великое имя кровью тысячъ неизвѣстныхъ людей; онъ не хочетъ, чтобы ему, подобно его предкамъ, поклонялись, какъ божеству. Его индифферентное высокожѣріе доходитъ до неблагоразумія. Когда у возмущившагося

прорицателя былъ отнять мечъ, онъ возвращаетъ его съ словами:

А между тѣмъ, возьми свой мечъ обратно
И знай, что я священству твоему
Вовниственность твою предпочитаю,
Хотя ни то и ни другое мнѣ
Не по сердцу.

Его мужество, повидимому, слабѣетъ отъ развратной жизни, когда Мирра, молодая гречанка, его любовница и и рабыня, рѣшается его спасти; она закликаетъ его бросить свое равнодушіе и вооружиться для защиты отъ своихъ враговъ. Она столько-же страдаетъ отъ того, что любить его, сколько отъ того, что она—рабыня.

За что его люблю я? Дочерямъ
Моей земли герои только милы
И дороги. Но гдѣ-жъ моя земля?
Рабыня все теряетъ, лишь оковы
Остались ей. Да, я люблю его,
И нѣтъ звена тяжеле въ длинной цѣпи,
Чѣмъ та любовь, гдѣ уваженья нѣтъ!..
. Я въ собственныхъ глазахъ
Упала тѣкъ, отдавшись иноземцу.
И, между тѣмъ, я, кажется, его
Люблю сильнѣй за то, что ненавиждимъ
Онъ варварскимъ народомъ.

Но когда, наконецъ, враги приближаются къ городу, и Сарданапалъ, снявъ свой неуклюжій мечъ и тяжелый шлемъ, легко вооруженный и съ обнаженной головой, кидается въ битву и бьется, какъ герой, Мирра торжествуетъ, словно съ ея души сваливается бремя позора:

Нѣтъ, на душу позора
Я не беру—нѣтъ, не безчестна я
Тѣмъ, что люблю такого человека!
. Да, ежели Алкидъ
Покрывъ себя стыдомъ за-то, что въ платьѣ
Меданки Омфалы наряжался
И пражу прялъ ея веретеномъ,

То человекъ, который, бывши съ дѣтства
До зрѣлыхъ лѣтъ у женщинъ на рукахъ,
Становится внезапно Геркулесомъ
И съ пира въ бой, какъ въ брачную постель,
Кидается—вполнѣ, вполнѣ достоинъ,
Чтобъ въ двушкѣ-гречанкѣ онъ нашелъ
Любовницу, и въ греческомъ поэтѣ—
Пѣвца себя, а въ греческой могилѣ—
Свой памятникъ...

Пророческія слова для самого поэта! И развѣ слова эти не такъ-же приложимы къ самому поэту, какъ здѣсь къ его герою, что онъ зналъ тысячи женщинъ, но до сихъ поръ не зналъ ни одного женскаго сердца?

МИРРА.

Тогда-бы ты могъ то узнать, чего
Не суждено узнать тебѣ во вѣки.

САРДАНАПАЛЪ.

Что-жь именно?

МИРРА.

Прямую цѣлу сердца—
Я говорю о сердцѣ женскомъ...

САРДАНАПАЛЪ.

Я

Ихъ тысячи и тысячи извѣдалъ.

МИРРА.

Сердцеъ?

САРДАНАПАЛЪ.

Ну, да...

МИРРА.

Ни одного! Но часъ
Для этого еще пробьетъ, быть можетъ...

Подобно Миррѣ, молодая графиня указала своему возлюбленному болѣе высокую цѣль, чѣмъ прожиганіе жизни; подобно Миррѣ, она вырвала его изъ существованія, которое не соотвѣтствовало величію его генія. Мы оста-

види влюбленныхъ на дачѣ La Miga, гдѣ Байронъ, между прочимъ, написалъ мемуары, которые подарилъ Томасу Муру въ наслѣдство для его маленькаго сына и которые были сожжены по желанію родныхъ поэта, вслѣдствіе соображеній, которыхъ никогда ничѣмъ нельзя оправдать. Но, повидимому, мирная жизнь молодой четы не могла долго продолжаться. Графъ вдругъ вооружился противъ этой связи, и дѣло кончилось тѣмъ, что графиня разошлась съ своимъ супругомъ и отказалась, вслѣдствіе этого, съ согласія ея родственниковъ, отъ состоянія и общественного положенія; ей назначалась только незначительная ежегодная сумма, но однимъ изъ главныхъ пунктовъ развода утверждалось, что деньги эти будутъ выплачиваться только въ томъ случаѣ, если она останется жить въ домѣ своего отца. Поэтому Байронъ проводилъ у нея свои вечера, слушая, какъ она играла и пѣла моцартовскія и россиніевскія мелодіи. Почти весь его дневникъ съ января по февраль 1821 года состоитъ изъ слѣдующихъ словъ: «Ѣздилъ верхомъ... стрѣлялъ... объѣдалъ... гулялъ... слушалъ музыку и хлопалъ... глупости... вернулся домой... читалъ». Пока графъ Гвичіоли еще стоялъ позади его, какъ грозный призракъ, любовь Байрона не обходилась безъ элементовъ тревожнаго страха, который былъ приправою всей его жизни. Единственную гарантію для своей жизни отъ убійства во время прогулокъ онъ видѣлъ въ томъ, что постоянно носилъ съ собою пистолеть, и его увѣренность служила ему защитою, а единственную основы безопасности въ своемъ домѣ онъ видѣлъ въ томъ, что графъ Гвичіоли былъ, по его мнѣнію, слишкомъ скупъ, чтобы разориться на двадцать скуди, которыя нужно заплатить порядочному убійцѣ. Теперь наступила для него новая и болѣе благородная пора дѣятельности. Италия находилась въ смутномъ броженіи. Послѣ низверженія наполеоновскаго владычества, въ Церковной области и въ Неаполѣ снова водворился старый легитимизмъ, владычествовавшій тамъ съ невѣроятнымъ произволомъ. Всѣ благодѣтельные слѣды фран-

цузскаго правленія исчезли, и мѣсто французскихъ реформъ заступила во всей своей силѣ прежняя неурядица. Невыносимый гнетъ, — слѣдствіе реакціи, — созданный священнымъ союзомъ, заставилъ итальянцевъ прибѣгнуть къ обширному заговору, и по примѣру масонства, образовался тайный союзъ карбонаріевъ, вѣтви котораго распространились по всей Италіи. Байронъ былъ введенъ своею возлюбленною въ кругъ заговорщиковъ. Вся фамилія Гамба принадлежала къ карбонаріямъ и братъ Терезы, Пьетро, молодой двадцатилѣтній энтузіастъ, который былъ особенно дружески расположенъ къ Байрону и впоследствии сопровождалъ его въ Италію, былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ и дѣятельныхъ вожаковъ этого заговора. Карбонаризмъ казался Байрону поэзіею политики. Онъ чувствовалъ отвращеніе къ домашней англійской парламентской жизни, но политика въ этой формѣ вполне отвѣчала его воображенію. Онъ охотно вступилъ въ этотъ союзъ и сдѣлался вожакомъ той фракціи его, которая называлась «Амегліані» (Американцы). Онъ надѣлилъ заговорщиковъ оружіемъ и предложилъ конституціонному неаполитанскому правительству 1,000 лудировъ, какъ залогъ для борьбы противъ священнаго союза. Австрійскихъ притѣснителей онъ клеймилъ въ своихъ письмахъ съ истинною яростью. Гдѣ-бы онъ ни жилъ, вездѣ для австрійскаго правительства онъ былъ бѣльмомъ на глазу: письма его распечатывали, итальянскій переводъ «Чайльдъ Гарольда» въ итальянско-австрійскихъ мѣстностяхъ былъ запрещенъ, ему было даже извѣстно, что полиція направляла противъ него убійцъ. Тѣмъ не менѣе, онъ каждый день одинъ совершенно спокойно совершалъ свои обычныя прогулки, обнаруживая при этомъ на половину героическій стоицизмъ и на половину мальчишеское удалство. Въ своихъ письмахъ онъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, ругаетъ австрійскую полицію. Въ то время какъ всѣмъ строжайше было запрещено держать у себя въ домѣ оружіе, онъ позволилъ сложить у себя въ Романьи оружіе всѣхъ заговорщиковъ, такъ что домъ его сдѣлался

настоящимъ арсеналомъ, а всѣ его шкатулки и ящики были переполнены разными революціонными прокламаціями. Онъ вполне былъ увѣренъ, что у англійскаго пэра никогда не посмѣютъ сдѣлать обыска.

Впрочемъ, легче было его изгнать, чѣмъ запрятать въ тюрьму. И это изгнаніе произошло тѣмъ скорѣе, что графы Гамба получили внезапное приказаніе оставить страну въ двадцать-четыре часа. Такъ какъ въ разводномъ актѣ говорилось, что молодая графиня обязана поступить въ монастырь въ случаѣ, если она не пожелаетъ оставаться въ домѣ своихъ родителей, то были увѣрены, что такимъ образомъ изгнаніе Байрона осуществится скорѣе всего. Въ концѣ письма Терезы къ Байрону, послѣ того, какъ она получила этотъ приказъ, говорилось: «Байронъ, я въ отчаяніи, что должна разстаться съ тобою, не зная, когда мы снова увидимся. Если твоя воля на то, чтобы я такъ ужасно страдала, я рѣшаюсь остаться. Меня запрутъ въ монастырь, и тогда ты уже не сможешь мнѣ... Я не понимаю ничего, что мнѣ говорятъ. Волненіе овладѣло мною—но почему? не ради опасности, которая грозитъ мнѣ, но, клянусь, единственно отъ того, что должна разстаться съ тобою».

Огромное состояніе, доставшееся Байрону отъ его брака, сумма, вырученная продажей Ньюстеда и 20,000 фунтовъ гонорара, который былъ выплаченъ ему въ теченіе года Мурреемъ, позволили ему оказывать большія благотворенія. Когда прошелъ слухъ, что Байронъ намѣренъ покинуть Равенну, бѣдняки обратились къ легату кардинала, прося его продлить срокъ пребыванія Байрона, въ городѣ. Но какъ разъ въ сочувствіи населенія заключалась гибель для правительства, и Байрону пришлось свое мѣстожительство перенести изъ Равенны въ Пизу; но такъ какъ тосканское правительство точно такъ-же боялось Байрона и графовъ Гамба, какъ и Церковная область, то онъ былъ вынужденъ переселиться въ Геную, свою послѣднюю станцію передъ отъѣздомъ въ Грецію.

VI.

Въ періодъ времени отъ 1818 до 1823 года, Байронъ разработывалъ «Донъ Жуана». Какъ только начало рукописи появилось въ Англии, друзья и критики, которымъ уже удалось просмотрѣть ее, испустили крики ужаса при видѣ безнравственной поэмы и заклинали Байрона вымарать или выпустить то или другое мѣсто. Безнравственность!—таково было обвиненіе, которое Байрону пришлось слышать всю свою жизнь и которое преслѣдовало его даже у гробовой доски. Подъ предлогомъ безнравственности, были сожжены его мемуары; подъ предлогомъ безнравственности его статуя не была поставлена въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Байронъ отвѣчалъ въ письмѣ къ Муррею: «Еслибы мнѣ сказали, что поэзія моя дурна, то я бы успокоился, но они говорятъ противное и болтаютъ мнѣ при этомъ о безнравственности—слово это я впервые услыхалъ отъ людей, которыхъ никакъ нельзя назвать негодяями, и которые не злоупотребляютъ имъ ради дурныхъ цѣлей. По моему мнѣнію, это самое нравственное произведеніе, и если люди не хотятъ видѣть въ немъ нравственнаго, то это ихъ вина, а не моя.—Объ ихъ проклятыхъ урѣзкахъ и сокращеніяхъ я и слышать ничего не хочу. Если имъ угодно, то пусть издадутъ мою поэму анонимно,—это, во всякомъ случаѣ, будетъ лучше,—но я все-таки самъ, какъ дикобразъ, проложу себѣ дорогу». Такимъ образомъ, «Донъ Жуанъ» отправился въ путь, изящный и легкій, какъ англійская легкая яхта, снаряженная пушками и укрѣпленіями, созданная для того, чтобы безопасно плыть по широкому житейскому морю и дать дружный залпъ по всѣмъ врагамъ строителя.

Эта поэма, которая появилась въ свѣтъ только съ однимъ именемъ издателя на заглавномъ листѣ, съ ядовитымъ посвященіемъ поэту Соути, и которой, по словамъ

Байрона, было труднее проникнуть въ англійскій домъ, чѣмъ верблюду пройти въ игольное ушко, есть единственное произведеніе нашего вѣка, которое можно поставить наравнѣ съ гётевскимъ «Фаустомъ»; ибо эта поэма, а не малосодержательный «Манфредъ», составляетъ мировую славу Байрона. Своимъ дерзкимъ девизомъ носить она Шекспировскія слова: «Неужели ты думаешь, что если ты добродѣтеленъ, такъ ужъ на свѣтѣ не должны болѣе существовать ни торты, ни вино? Должны существовать, клянусь святою Анною, и инбирь также не перестанетъ горѣть во рту!»—девизъ, который выставляетъ на видъ только соблазнъ и сатирическую шутку; но тѣмъ не менѣе Байронъ писалъ не безосновательно и съ пророческою гордостью: «Если вамъ нуженъ новѣйшій эпосъ, такъ вотъ вамъ «Донъ Жуанъ». Это такой же эпосъ для нашихъ временъ, какъ Иліада для временъ Гомера». Байронъ создалъ то, о чемъ мечталъ Шатобрианъ при созданіи «Мучениковъ»,—новую эпическую поэзію, которая не покоится на романтической основѣ, какъ это хотѣлъ Шатобрианъ, ни на народной жизни одной націи, какъ это пытался изобразить Скоттъ. Эта поэзія удалась Байрону, потому что основою ея была вся космополитическая культура нашего вѣка.

Его Жуанъ не романтическій герой; онъ не превосходитъ ни умомъ, ни характеромъ людей средняго уровня, но онъ баловень судьбы, необыкновенно красивый, гордый, смѣлый и крайне счастливый человекъ, который руководится скорѣе своею судьбою, чѣмъ какими бы то ни было намѣреніями и планами. Такимъ образомъ, онъ какъ нельзя болѣе подходитъ къ герою поэмы, которая должна обнять всю человѣческую жизнь и въ которой герой долженъ быть безъ всякой профессіи, такъ какъ для мѣста и круга дѣйствій поэмы не отведено съ самаго начала никакихъ границъ. Поэма поднимается и падаетъ подобно житейскимъ волнамъ, то озаряемымъ солнцемъ, то гонимымъ бурей, и бросается изъ одной крайности въ другую. За пламенною картиною любви Жуана и Юліи

слѣдуетъ кораблекрушеніе со всѣми ужасами голода и смертныхъ мукъ; за кораблекрушеніемъ—великолѣпная нѣжная гармонія юношеской любви между Жуаномъ и Гайдой, чудная, свободная картинка божественной жизни—обнаженная, но прелестная группа въ жаврѣ Амура и Психеи, группа живая. Надъ ними лунный свѣтъ греческихъ ночей, предъ ними чудное море, мелодическій шумъ волнъ котораго вторитъ ихъ словамъ любви, кругомъ—восхитительный греческій климатъ, и, наконецъ, у ногъ ихъ—вся азійская роскошь востока: темнокрасный атласъ, золото, хрусталь и мраморъ. И подобно тому, какъ все это слѣдуетъ за величайшими житейскими опасностями и обезиленіемъ, такъ и за праздникомъ во дворцѣ Гаиды слѣдуетъ горькая скорбь, сокрушающая сердце Гаиды, а Жуанъ получаетъ рану въ голову, его связываютъ и продаютъ въ рабство. Его вводятъ невольникомъ въ сераль, и тутъ происходитъ забавное переодѣваніе его въ дѣвушку, его представленіе любимой султаншѣ и чудная ночная сцена въ сералѣ, дышащая огнемъ страсти и нѣги, полная игривости и не лишенная чувственности. Затѣмъ, идетъ осада Измаила, эта человѣческая бойня въ гигантскихъ размѣрахъ, со всѣми ужасами бессмысленной рѣзни и грубой солдатской разнузданности, и все это изображено такими грандіозными чертами, съ такою энергіею, какія прѣжде не встрѣчались ни въ одномъ поэтическомъ произведеніи ни одной страны. Затѣмъ, съ Жуаномъ мы отправляемся ко двору Екатерины, а оттуда въ Англію, эту пресловутую страну уличныхъ разбоевъ и нравственности, плутократіи и аристократіи, добродѣтели и лицемѣрія.

Такой бѣглый и грубый контуръ представляетъ только одну глухую схему всей поэмы. Но эта поэма не только всесторонне обнимаетъ всѣ крайности жизни, но и каждую изъ нихъ выдвигаетъ съ поразительной яркостью. Поэтъ, при помощи своей фантазіи, основательно зондировалъ каждое положеніе психологическаго или крайне реальнаго характера. Античное направленіе вкуса возбуждало Гете

по возможности держаться золотой середины, и даже въ «Фаустѣ», гдѣ онъ съ полною серьезностью разоблачаетъ людскую жизнь, поэтъ осторожною рукою подымаетъ покровъ. Вслѣдствіе этого, зачастую его произведенія лишены высшаго напряженія жизни, у него рѣдко находятъ полный просторъ для своего исполинскаго полета гени жизни и смерти. Напротивъ, Байронъ ни разу не даетъ читателю ни отдыха, ни пощады. Онъ только тогда успокаивается, когда выскажетъ все, когда произнесетъ свое послѣднее слово; онъ смертельный врагъ всякаго идеализма, который разсматриваетъ вещи отвлеченно и потому снисходительно относится къ нимъ; все его искусство устремлено на дѣйствительность или природу и говоритъ читателю: познай ихъ!—Возьмемъ первый попавшійся его характеръ, напримѣръ. характеръ Юліи. Ей 23 года, она очаровательна, немного, хотя и безсознательно, влюблена въ Жуана, довольна своимъ пятидесятилѣтнимъ мужемъ, но все-таки желала бы скорѣе имѣть, вмѣсто одного такого, двухъ двадцатилѣтнихъ. Сначала она храбро борется, отстаивая свою добродѣтель, но затѣмъ уступаетъ поле битвы—она еще не совершила пока ничего дурного или смѣшнаго. Затѣмъ, Байронъ представляетъ намъ ее въ крайнемъ положеніи, когда мужъ застаётъ врасплохъ влюбленную чету, и мы открываемъ тутъ новую сторону въ ея душѣ. Она лжетъ, обманываетъ, разыгрываетъ при помощи изворотливости своего языка комедію. Значитъ, она не была ни доброю, ни милою, какъ показалась намъ сначала? Значитъ, мы обманулись въ ней? Нисколько! Байронъ показываетъ намъ другую еще болѣе глубокую черту въ душѣ ея, когда она пишетъ свое извѣстное прощальное письмо, глубоко прочувствованное и чисто женское, одинъ изъ перловъ произведенія. Такимъ образомъ, въ отдѣльные моменты, душевная борьба не исключаетъ преданности, любовь—лжи, ложь—возвышенной душевной нѣжности и красоты. И что же дѣлается съ этимъ письмомъ? Жуанъ читаетъ его на кораблѣ со слезами на глазахъ, но вдругъ трогательное сравненіе между

любовью мужчины и женщины прерывается морскою болѣзнью; Жуану съ письмомъ въ рукахъ становится дурно—бѣдное письмо, бѣдная Юлія, бѣдный Жуанъ, бѣдное человѣчество! Но не такова ли и вся человѣческая жизнь? Къ тому же еще злополучное письмо! Когда матросы, съѣвши свой послѣдній провіантъ, жадными глазами по-сматривали другъ другу на изнуренныя лица и когда рѣшено было бросить жребій, кого убить, чтобы съѣсть, на кораблѣ, увы! не нашлось иной бумаги, кромѣ поэтически нѣжнаго письма Юліи; его насильно отняли у Жуана, разорвали на клочки и перенумеровали. Одинъ изъ этихъ нумерованныхъ билетиковъ рѣшаетъ судьбу несчастнаго Педрилло. Да, существуетъ ли дѣйствительно въ мірѣ такая планета, гдѣ бы уживались рядомъ, другъ съ другомъ, и грезы любви, и каннибальскіе инстинкты, выраженные къ тому же на одномъ квадратномъ дюймѣ бумаги? Байронъ отвѣчаетъ, что онъ знаетъ такую планету, это—земля.

Непосредственно за этимъ мы переходимъ къ Гандѣ. Что въ сравненіи съ нею всѣ прежнія гречанки Байрона? Незрѣлые, неясные образы. Никогда въ новѣйшей поэзіи любовь дикаго сына природы не изображалась такъ хорошо, какъ здѣсь. Женскіе типы Гете: Гретхенъ и Клерхенъ, носятъ на себѣ буржуазный отпечатокъ. Въ чудныхъ женскихъ образахъ Байрона нѣтъ ничего буржуазнаго. Свободная естественность не запечатлѣна въ нихъ никакими буржуазными нравами или привычками. Читая сцены Жуана съ Гандой, чувствуешь, что Байронъ прямой послѣдователь Руссо, но при этомъ нельзя не замѣтить, что высокое, независимое общественное положеніе Байрона, вмѣстѣ со всѣми превратностями, которыя выпали на его долю, дало ему совершенно иной, болѣе свободный отъ предразсудковъ взглядъ на человѣческую природу, чѣмъ тотъ, какой вы замѣтили у Руссо.

«Они гуляли рука объ руку, попирая ногами обточенные водою камешки, блестящія раковины и твердый песокъ, заходили въ дикіе природные гроты, вырытые бу-

рямп, но казавшіеся дѣломъ рукъ человѣческихъ, до того походили они на искусственныя своды зала или кельи, украшенныя сталактитами. Тамъ отдыхали они, сплетаясь руками и наслаждаясь пурпурнымъ отблескомъ сумерокъ».

«Они смотрѣли на небо, разстилавшееся надъ ними, точно широкій розовый океанъ. Любовались равниной моря, простертаго у ихъ ногъ и отражавшаго дискъ поднимающагося мѣсяца, такъ что казалось, будто онъ— свѣтлый и розовый—встаетъ прямо изъ океана; слушали ропотъ волнъ и тихое вѣяніе вѣтра; наконецъ, смотрѣли другъ другу въ глаза, взаимно зажигавшіеся при каждой встрѣчѣ, послѣ чего губы ихъ невольно близились, сливаясь въ поцѣлуй».

«Долгій, долгій поцѣлуй!—поцѣлуй молодости, любви и красоты—трехъ лучей, сконцентрированныхъ въ одномъ фокусѣ и зажженныхъ искрой небеснаго огня!..»

«Гаида не требовала клятвъ и сама ихъ не давала. Она никогда ничего не слыхала объ обѣщаніяхъ брака или объ опасностяхъ, которымъ подвергается полюбившая дѣвушка...»

Какой читатель не почувствуетъ восторга, когда послѣ безграничнаго, отвратительнаго лицемѣрія съ эротической заправкой во французской реакціонной литературѣ, почувствуетъ вдругъ свѣжій согрѣвающій притокъ юношеской страсти, пламенный энтузіазмъ поэта къ благородству естественной красоты и его глубокую, неистощимую насмѣшку надъ филистерскою моралью т. наз. «порядочныхъ» людей! Существуетъ-ли міръ, нормальный міръ, гдѣ дважды-два равно четыремъ, животный міръ, гдѣ самыя низкіе, самыя отвратительныя инстинкты готовы прорваться каждое мгновеніе,—въ которомъ одновременно, ежесекундно, ежеминутно, ежедневно, ежемѣсячно, въ теченіи безконечнаго ряда лѣтъ, совершаются въ человѣческой жизни такія откровенія красоты? Да, отвѣчаетъ Байронъ, такой міръ существуетъ, и онъ—прямо передъ нашими глазами.

Въ поэмѣ, вездѣ и всюду, множество разнообразныхъ

контрастовъ. Но это вовсе не чувственная, сатирико-юмористическая эпопея, въ родѣ эпопеи Аріосто; «Гаида» — страстное политически тенденціозное произведеніе, полное злобы, насмѣшекъ, угрозъ и воззваній, съ частыми долгими рѣзкими звуками протеста. Байронъ не только рисуетъ ужасы, но и комментируетъ ихъ. Когда послѣ взятія Измаила, Суворовъ послалъ извѣстное донесеніе Екатеринѣ, поэтъ поясняетъ: «Написавъ эту сѣверную пѣсенку, онъ положилъ ее на музыку съ аккомпаниментомъ стоновъ, вздоховъ и криковъ, музыку, которая не особенно мелодична, но долго не забывается...» Если сравнить, въ этомъ отношеніи, «Донъ-Жуана» съ «Фаустомъ», величайшею поэмою прошлаго столѣтія, то нельзя не замѣтить, что въ «Донъ-Жуанѣ» преобладаетъ, главнымъ образомъ, историческій характеръ, тогда какъ въ «Фаустѣ» почти вездѣ проглядываетъ философскій. Въ «Донъ-Жуанѣ» — природа и исторія, тогда какъ въ «Фаустѣ» — природа и метафизика. Въ немъ развертывается человѣческая жизнь во всей своей широтѣ, тогда какъ въ «Фаустѣ» она сосредоточивается въ одной личности. Вся поэма есть продуктъ негодованія, пишущаго предъ лицомъ всего міра свое «мани-факель-фаресъ».

Байронъ является самимъ собою впервые въ этомъ произведеніи. Изъ продолжительнаго опыта онъ теперь довольно хорошо узналъ ходъ человѣческой жизни и потому окончательно отрѣшился отъ всякаго ложнаго идеализма. Теперь онъ отлично понималъ, что такое человѣкъ средняго уровня и чѣмъ онъ руководствуется въ жизни. Байрона называли мизантропомъ за его беспощадныя насмѣшки надъ такими людьми. На этотъ упрекъ, мнѣ кажется, Байронъ даетъ прямой отвѣтъ, когда говоритъ (IX, 21):

«Меня, самаго кроткаго и тихаго смертнаго, зовутъ они мизантропомъ! Все это, впрочемъ, происходитъ отъ того, что ненавидятъ *меня они, а не я ихъ*».

Конечно, въ поэмѣ встрѣчаются тамъ и сямъ мѣста, отличающіяся цинизмомъ, но только въ тѣхъ случаяхъ,

гдѣ сама природа цинична. Развѣ онъ не правъ, когда (V, 48) пишетъ:

«Для успѣшнаго убѣжденія обыкновенно совѣтуютъ обращаться къ людскимъ страстямъ, къ людской чувствительности или къ людскому разуму. Это послѣднее средство, впрочемъ, никогда не было въ особенной модѣ, потому что разумокъ вообще не любитъ чужихъ доводовъ».

Развѣ онъ не правъ, когда (IX, 73) безжалостно выставляетъ на показъ, какъ пуста и эгоистична любовь? Или развѣ онъ далеко заходитъ въ горечи своей сатиры, когда (III, 60) острить:

«Впрочемъ, семья вещь хорошая (лишь-бы дѣти не надоѣдали послѣ обѣда). Приятно видѣть мать, которая сама кормитъ своихъ дѣтей (если только отъ этого она не худѣетъ).» Увы, пока все прекрасное здѣсь на землѣ будетъ имѣть свою обратную сторону, до тѣхъ поръ не слѣдуетъ запрещать поэту выставлять ее наружу, какъ бы при этомъ не вздыхалъ моралистъ. Невозможно-же назвать циническими тѣ мѣста въ поэмѣ, гдѣ, какъ и въ нападкахъ Руссо, исчисляются всѣ плоды пресловутой цивилизаціи: война, чума, деспотизмъ,—и гдѣ высказывается пламенная любовь къ природѣ (см. особенно VIII, 61,—68).

«Анонимные писаки, говоритъ поэтъ, называли меня безбожнымъ, но... благоговѣніе возбуждаютъ во мнѣ— море, небо, горы, все, что вытекаетъ изъ первоначальнаго источника, создавшаго наши души и снова берушаго ихъ въ себя». Конечно, подобное поклоненіе природѣ не согласовалось съ теологическимъ ритуаломъ и должно было возбудить осужденіе.—Какъ припѣвъ изъ Чайльдъ Гарольда, прославленіе свободы снова приходитъ на мысль Байрону. Онъ говоритъ (XI, 90): «Я не промѣняю, если даже буду одинъ, своей свободной мысли на королевскій вѣнецъ». Затѣмъ, мы встрѣчаемся съ его злыми нападками на представленія о происхожденіи грѣха, съ злой сатирой на ученіе, будто болѣзни и несчастія дѣлаютъ людей благочестивыми.

Но съ особенною силою его свободолюбивый энтузізмъ сказался въ «Донъ Жуанъ» и въ «Бронзовомъ Вѣнкѣ». Шелли считалъ Байрона достойнымъ и способнымъ быть «спасителемъ своего угнетеннаго отечества»*), но это несправедливо: для упорной и медленной борьбы за свободу англійской оппозиціи онъ не годился. Къ тому же, онъ былъ занятъ политическими нуждами не одной Англии, но, въ своемъ негодованіи противъ всякаго гнета и въ своей ненависти ко всякому лицемерію, онъ выступилъ бойцомъ за все страждущее человѣчество. Его кровь кипѣла при воспоминаніи о невольникахъ-неграхъ въ Америкѣ, о судьбѣ несчастнаго ирландскаго населенія, о мученичествѣ итальянскихъ патріотовъ. Его симпатіи всегда принадлежали французской революціи. Онъ вначалѣ дивился Наполеону, но когда этотъ «герой на время» сдѣлался императоромъ, вновь уничтожилъ «пробудившіяся было человѣческія права, постыдно отдался при Фонтенебло, вмѣсто того, чтобы геройски умереть», съ тѣхъ поръ, Байронъ осыпаетъ сарказмами свой прежній идеалъ. Въ отношеніяхъ къ Наполеону Байрона и Гейне не мало сходства. И тотъ, и другой, издѣваясь надъ нимъ, издѣвались надъ такъ называемой борьбой за свободу своего отечества; но различіе между ними заключалось въ томъ, что непреклонная гордость и свободомысліе англійскаго поэта не дозволили ему такъ восторгаться Наполеономъ. Кровавая военная слава Наполеона не могла импонировать на того, для кого, по его прекрасному выраженію («Донъ-Жуанъ», VIII, 3), «осушить одну простую слезу гораздо славнѣе и доблестнѣе, чѣмъ пролить моря крови»; Байронъ удивлялся лишь тѣмъ бойцамъ, которые, подобно Леониду и Вашингтону, сражались за свободу. Онъ долгое время держалъ свой бичъ надъ головою принца-регента и не разъ ударялъ имъ по его толстому брюху. «Ирландія», говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, «умираетъ съ голоду, а Георгъ вѣситъ 8 пудовъ». Сравнивая Карла I съ Генри-

*) Гамлетъ (V, 2).

хомъ VIII, онъ говорить: «Карлъ безъ головы и Генрихъ безъ сердца» и т. п. Теперь онъ направилъ свои удары на свое отечество. Онъ нападаетъ на всякую неправду, на все ненавистное, начиная съ преданія о дѣвственной королевѣ («наша полу-цѣломудренная Елизавета», говорится въ «Донъ-Жуанъ» IX, 81) и кончая новѣйшимъ *bon ton*'омъ. «Я великій патріотъ», говорить онъ иронически въ «Донъ-Жуанъ» VII, 22), «я готовъ поэтому скорѣе десять разъ солгать, чѣмъ одинъ разъ сказать правду, потому что такая правда была-бы государственной измѣной». Онъ осмѣливается приписывать главнѣйшимъ образомъ пруссакамъ честь побѣды при Ватерлоо, называетъ Веллингтона *Vilainton*'омъ (какъ Беранже) и говорить, что этотъ герой, при всѣхъ своихъ орденахъ и пожизненныхъ пенсіяхъ, оказалъ только одну услугу міру, — «починилъ надломленный костыль легитимизма». Онъ дерзаетъ даже серьезно и энергично замѣтить Англіи, что она своею торійскою политикою сдѣлалась предметомъ ненависти въ глазахъ всѣхъ народовъ (X, 66—68).

«Я не имѣю особенныхъ причинъ любить этотъ уголокъ земли, содержащій въ себѣ все то, что могло бы сдѣлать его обитателей благороднѣйшей изъ націй. Хотя я ничѣмъ не обязанъ Англіи, кромѣ рожденія, но все-же чувствую нѣчто въ родѣ жалости, смѣшанной съ благоговѣніемъ, при видѣ ея угасающей славы и воспоминанія о прежнему ея величій...

«О, еслибы она могла знать, до чего вездѣ, въ настоящее время, ненавидятъ ея великое имя, съ какимъ горячимъ нетерпѣніемъ каждый ожидаетъ удара, готоваго предать мечу ея обнаженную грудь! О, еслибы она знала, что всѣ націи считаютъ ее своимъ величайшимъ врагомъ, худшимъ изъ худшихъ враговъ, коварнымъ другомъ, когда-то любимымъ и общавшимъ свободу всему человѣчеству, а теперь пытающимся оковать все человѣчество!

«Можетъ-ли она гордиться или считать себя свободной, она, первая невольница? Націи заключены въ окопы и кто-же ихъ тюремщикъ? Не она-ли сама—жертва замковъ

и затворовъ? Неужели ничтожное преимущество поворачивать ключъ въ замкѣ тюрьмы заключеннаго можетъ назваться свободой?»

Байронъ стоялъ теперь на той высотѣ, гдѣ его осмотрительность не могли уже сковать никакія условія приличія; онъ преслѣдуетъ англійское министерство, это, какъ онъ выражается, «министерство посредственностей», и бичуетъ его членовъ даже послѣ ихъ смерти. Онъ не даетъ покоя Кэстльри даже и въ могилѣ, потому что, какъ онъ сказалъ въ одномъ изъ своихъ предисловіи къ «Донъ-Жуану», система гнета и лицемѣрія, съ которою имя Кэстльри было тождественно, продолжалась еще долгое время послѣ его смерти. Онъ питаетъ страшное отвращеніе къ легитимизму и до отвращенія часто повторяемымъ фразамъ о «Британіи, владычицѣ морей».

Такимъ образомъ, Байронъ становится въ ряды радикальной оппозиціи; окруженный повсюду плутами, онъ смѣло громитъ политическій романтизмъ и священный союзъ, который былъ ничто иное, какъ возведенное въ систему политическое лицемѣріе Европы; онъ зло смѣется надъ лайбахскимъ конгрессомъ, «гдѣ двадцать чудаковъ хотѣли разрѣшить судьбу человѣчества». Въ «Донъ-Жуанѣ» (XIV пѣснь, 82 и т. д. стр.) онъ говоритъ:

«О, Вильберфорсъ, человѣкъ, озаренный черной славой, чьи заслуги выше всѣхъ пѣсень и похвалъ... Но тебѣ остается совершить еще кое-что—въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ—для возвращенія правъ другой половинѣ человеческого рода: ты освободилъ черныхъ, теперь запри бѣлыхъ!»

«Запри плѣшиваго побѣдителя! Спровадь его, вмѣстѣ съ двумя товарищами, куда-нибудь въ Сенегаль. Запри и спроси, какъ имъ нравится жить въ неволѣ?»

Какой языкъ! Какіе звуки посреди мертвой тишины угнетенной Европы! Они слышались въ политической атмосферѣ и раздавались громкимъ эхомъ кругомъ на далекое пространство. Ни одно слово Байрона не осталось неслышаннымъ на землѣ, и всѣ бѣглецы и изгнанники,

всѣ угнетенные и озлобленные обращали свои взоры на единственнаго человѣка, который, при всеобщемъ упадкѣ интеллигенціи и измельчаніи характеровъ, стоялъ непреклонный и прекрасный, какъ Аполлонъ, мужественный, какъ Ахиллесъ, гордый, какъ всѣ властители Европы.

Онъ самъ («Донъ-Жуанъ», IV, 106) опредѣляетъ поэзію, какъ страсть. Его собственная поэма сдѣлалась теперь настоящимъ воплощеніемъ страсти. Въ его словахъ о будущихъ временахъ уже слышался громъ, который грохоталъ теперь по Европѣ («Донъ-Жуанъ», VШ, 137; IX, 39; VШ, 50 и 51 IX, 24):

Онъ предрекъ революцію; онъ съ горечью долженъ былъ смотрѣть, какъ колебались затѣи карбонаріевъ. Наконецъ, революція разразилась: «отъ вершины Андъ до аѳонской скалы развѣвалось одно и тоже знамя». Онъ былъ исключенъ изъ англійской литературы, а въ Италиіи принужденъ перебираться изъ одного города въ другой. Онъ давно уже высказывалъ мысль, что человѣкъ долженъ дѣлать для человѣчества, а не писать стихи. Онъ зачастую высказывался даже объ искусствѣ, какъ о пустомъ мишурномъ блескѣ.

Теперь все соединилось, чтобы побудить его къ дѣятельности. Если что удерживало его теперь, такъ развѣ графиня Гвितчіоли. Сначала онъ предполагалъ было принять участіе въ борьбѣ за свободу креоловъ, усердно занимался изученіемъ положенія дѣлъ въ южной Америкѣ и уже свою «Оду Венеціи» заключилъ слѣдующими словами:

Не лучше ли въ землѣ съ спартанцами лежать,
Въ ущельяхъ Оериопалъ, сдержавшихъ персовъ рать,
Чѣмъ утонуть въ грязи, чѣмъ взятымъ быть трясинной.
Нѣтъ, лучше во сто кратъ, промчавшись надъ учинной,
Разбавить океанъ одной живой струей,
Одною душъ отцовъ достойною душой,
Усильши тѣмъ край святой свободы сыномъ,
А міръ—еще однимъ свободнымъ гражданиномъ.

Но его влекла болѣе всего та страна, которая впервые вдохновила его музу. Онъ разстался съ своей супругой,

не желая подвергать ее опасностямъ и тягостямъ похода. Англійскій комитетъ эллинофиловъ принялъ его въ свои члены, и онъ значительно разбогатѣлъ отъ этого. Въ Ливорно, въ день своего отъѣзда, онъ получилъ первое и послѣднее привѣтствіе Гёте, извѣстное стихотвореніе цеховаго старшины къ Байрону. Цѣлыхъ пять мѣсяцевъ пробылъ Байронъ въ Кефалоніи, занимаясь изученіемъ состоянія греческихъ дѣлъ. Разныя партіи, наперерывъ одна передъ другой, старались привлечь его на свою сторону. Раздача военнаго матеріала, оружія и денегъ послужила поводомъ къ обширной перепискѣ, которую онъ велъ съ замѣчательнымъ усердіемъ. Наконецъ, рѣшивъ сдѣлать выборъ между греческими вождями, онъ присоединился къ Маврокордато въ Миссолунги. Во время пребыванія тутъ, его честолюбію оказывали почти небывалыя почести и принимали какъ владѣтельнаго князя. Салютаціонныя выстрѣлы и громогласная музыка привѣтствовали его появленіе, все населеніе толпилось на берегу и суетилось въ крайнемъ возбужденіи, а въ домѣ, нарочно устроенномъ для него, поджидалъ поэта Маврокордато съ блестящей свитой греческихъ и иностранныхъ офицеровъ. Байронъ взялъ себѣ 500 суліотовъ, которые за смертью Марко Боццари остались безъ предводителя, на свое собственное иждивеніе. Онъ хотѣлъ самъ взять команду надъ войсками, высланными противъ Лепанто и надѣялся отвагою и энергіею замѣнить то, что ему не доставало въ военномъ дѣлѣ. О стратегіи же собственно заботился, главнымъ образомъ, генеральный штабъ. Онъ лишь нашелъ здѣсь поводъ показать могучее дѣйствіе личной неустранимости и личныхъ преимуществъ надъ полурическими людьми. Онъ ничѣмъ такъ сильно не вліялъ на своихъ суліотовъ, которые вообще были плохіе защитники, какъ своею увѣренностью въ побѣдахъ и своимъ равнодушіемъ къ опасностямъ. Онъ самъ сдѣлался великимъ человѣкомъ. Мы могли-бы, пожалуй, видѣть въ немъ иногда припадки его старой меланхоліи, но путь славы лежалъ открыто предъ его глазами. Свидѣтельствомъ его настроенія мо-

жетъ служить превосходное стихотвореніе, быть можетъ, даже лучшее, написанное имъ въ день своего рожденія на тридцать-седьмомъ году жизни. Если сравнить это стихотвореніе съ полными отчаянія строками, написанными имъ въ день рожденія на тридцать-третьемъ году жизни, то нельзя не почувствовать весьма ощутительной разницы. Въмѣстѣ съ предчувствіемъ близкой смерти, оно заключаетъ въ себѣ самое мужественное намѣреніе.

О, сердце, замолчи: пора забыть страданья!
Уже любви тебѣ ни въ комъ не возбудить;
Но если возбуждать ее не въ состояннѣ,
Все-жъ я еще хочу любить.

Какъ листья, дни мои поблекли и завяли,
Цвѣты моей любви оборваны грозой—
И вотъ грызущій червь, упреки и печали
Одни остались со мной.

.....
Но здѣсь-ли и теперь, когда все жаждетъ боя,
Такая мысль могла возтаты въ умѣ моемъ,
Гдѣ слава лаврами вѣнчается гробъ героя,
Или чело его вѣнкомъ?

И слава Греціи вокругъ меня сіяетъ.
Съ ея полями битвъ, хоругвью и мечемъ.
Здѣсь каждый бранный щитъ огважному вѣщаетъ:
„Иль съ нимъ, или на немъ!“

.....
Иди, ищи того, что часто въ нашей долѣ,
Не думая найти, находятъ безъ труда—
Могила война; найти ее на полѣ
И успокойся навсегда! *)

Главною и первую мыслью Байрона было, какъ это ни трудно отъ него ожидать, позаботиться по мѣрѣ силъ о томъ, чтобы уничтожить всѣ варварства, съ какими велась война. Нѣкоторымъ турецкимъ офицерамъ онъ подарилъ свободу и отослалъ ихъ къ Юсуфъ-пашѣ, съ письмомъ, въ которомъ убѣдительно упрашивалъ его, съ своей стороны, оказать человѣчность по отношенію къ греческимъ

*) Пер. Н. Гербеля.

плѣнникамъ, такъ какъ несчастія войны и безъ того уже достаточно ужасны. Затѣмъ, онъ обратилъ все свое вниманіе на предстоящую ему задачу и здѣсь ясно выказалъ свой практическій взглядъ на вещи въ противность поэтическимъ грезамъ его среды. Въ то время какъ остальные члены англійскаго комитета, въ своемъ философскомъ идеализмѣ, хотѣли перевоспитать Грецію при содѣйствіи свободной прессы, журнальныхъ статей и т. п., въ Байронѣ карбонарій окончательно уступилъ мѣсто реальному политику. Онъ дѣйствовалъ, опираясь на реальныя отношенія, и главнымъ образомъ—на всеобщую ненависть грековъ къ туркамъ, думая, что на это вѣрнѣе можно полагаться, чѣмъ на всякія республиканскія и либеральныя тенденціи. Стэнгопъ хотѣлъ учреждать школы. Байронъ требовалъ и раздавалъ пушки. Стэнгопъ чрезъ миссіонеровъ пытался ввести протестантскую религію; Байронъ, знавшій, что это можетъ отшатнуть отъ возстанія все греческое духовенство, заботился только объ оружіи и деньгахъ. Наконецъ, онъ воздерживался на этотъ разъ отъ всякихъ нападокъ на европейскія правительства. Убѣдившись на себѣ, какъ тяжело карбонаризмъ пострадалъ отъ силы организованныхъ правительствъ, онъ желалъ, прежде всего, добиться признанія за Греціей положенія свободнаго государства со стороны великихъ державъ.

Но, къ сожалѣнію, здоровье его не соответствовало великимъ планамъ. Въ Миссолунги онъ принялся за свои обычныя прогулки верхомъ по городскому валу, и чтобы дѣйствовать на фантазію жителей, обыкновенно бралъ съ собою на прогулки въ провожатые 50 пѣшихъ суліотовъ. Они такъ скоро бѣгали, что поспѣвали за нимъ въ полномъ вооруженіи даже тогда, когда онъ пускалъ свою лошадь въ голопъ. Въ одну изъ такихъ прогулокъ онъ нильно промокъ отъ дождя и не тотчасъ вернулся домой. «Прими я какія нибудь предосторожности», говорилъ онъ, «плохшъ-бы я былъ солдатомъ». На слѣдующій день съ нимъ сдѣлались такія судороги, что трое человекъ на-

силу могли удерживать его, и страданія поэта сдѣлались настолько сильны, что онъ сказалъ: «Мнѣ не страшна смерть, но я не въ силахъ выносить этихъ страданій». Во время ужаснаго состоянія, въ которѣмъ онъ находился послѣдніе дни, въ его комнату ворвалась толпа возмущенныхъ суліотовъ, обнажила сабли и требовала удовлетворенія за мнимое пренебреженіе дѣлами. Байронъ поднялся съ постели и, призвавъ на помощь всю энергію своей воли, тѣмъ спокойнѣе, чѣмъ больше они кричали и шумѣли, отдалъ имъ глазами и выраженіемъ лица приказъ выйти вонъ изъ комнаты.

Раньше онъ писалъ къ Муру: «Если что-нибудь въ родѣ лихорадки, чрезмѣрнаго напряженія, голода или еще чего нибудь подобнаго положить конецъ жизни вашего «брата по Аполлону»,—то подумайте обо мнѣ въ вашихъ пѣсняхъ и попойкахъ. Я надѣюсь, впрочемъ, что «благое дѣло одержитъ верхъ, но знаю, что завѣтъ чести соблюденъ мною такъ-же строго, какъ моя молочная діета». 15 апрѣля Байронъ долженъ былъ снова слечь въ постель, и лихорадка не покидала уже его съ этихъ поръ. 18 апрѣля былъ день Пасхи, который греки обыкновенно празднуютъ пушечными выстрѣлами и ружейными залпами. Изъ уваженія къ благодѣтелю своему, на этотъ разъ, населеніе воздержалось отъ этого обычая. 19 ое апрѣля было послѣднимъ днемъ его жизни... Онъ лежалъ въ бреду, воображалъ, что командуетъ, и кричалъ: «Впередъ, смѣлѣй, впередъ! Смѣлѣй!» Прійдя въ себя, онъ пожелалъ передать послѣднюю волю своему слугѣ и сказалъ: «Сходи къ моей сестрѣ и скажи ей... сходи къ леди Байронъ и скажи ей...», но голосъ отказывался служить ему, и были слышны только отдѣльные имена: «Августа... Ада...» «Теперь я все сказалъ тебѣ», заключилъ онъ.—«Ахъ, милордъ», отвѣчалъ слуга, «я ни слова не понялъ изъ того, что вы изволили сказать».—«Не понялъ», повторилъ Байронъ, взглянувъ на него безутѣшнымъ взоромъ: «жаль, но теперь уже поздно!» Затѣмъ слышались еще нѣкоторыя отдѣльныя слова, выходившія изъ его устъ: «Бѣдная Гре-

ція! Бѣдный городъ! Бѣдые мои слуги!» Затѣмъ, мысль его обратилась къ любимой женщинѣ и онъ сказалъ по-итальянски. «Io lascio qualche cosa di caro nel mondo» *). Наконецъ, къ вечеру онъ сказалъ: «Теперь спать» — и заснулъ на вѣки.

Смерть великаго человѣка, какъ громовой ударъ, поразила всю Грецію. Народъ отнесся къ этой потерѣ, какъ къ страшному событію въ природѣ. Въ самый день смерти появился слѣдующій декретъ:

Приказъ для Западной Греціи.

Праздникъ Пасхи сегодня изъ праздника радости превратился въ день печали и заботы. Сегодня, въ 6 часовъ пополудни, послѣ десятидневной болѣзни, скончался Лордъ Ноэль Байронъ... Симъ приказываю:

1. Завтра утромъ должны послѣдовать 37 пушечныхъ выстрѣловъ съ большой батареи, число, соответствующее лѣтамъ жизни великаго покойника.

2. Всѣ присутственныя казенныя мѣста, не исключая и судсвѣ, остаются закрытыми въ продолженіи трехъ дней.

3. Всѣ торговые дома, кромѣ аптекъ, равнымъ образомъ, должны быть заперты, и будутъ приняты строгія мѣры, чтобы не было увеселеній, какими обыкновенно сопровождается празднованіе Пасхи.

4. Всеобщій трауръ устанавливается на 21 день.

5. Во всѣхъ церквахъ должна быть совершена заупокойная панихида.

Данъ въ Миссолунги 19 апрѣля 1824 г.

А. Маврокордато.

Не нужно лучшаго свидѣтельства, чтобы понять впечатлѣніе, какое произвела на всѣхъ близкихъ Байрону вѣсть объ его смерти. Греческое населеніе бѣгало по улицамъ, вздыхая и восклицая: «Умеръ! великій человѣкъ умеръ!» Трупъ Байрона былъ перевезенъ въ Англію, но

*) Въ мѣрѣ я оставляю кое-что дорогого.

англійское духовенство отказало пріютить его въ поэтическомъ угольѣ Вестминстерскаго аббатства. Но выше всякихъ порицаній Англии и выше всякихъ похвалъ Греціи сохранилось о немъ воспоминаніе на землѣ.

Въ духовной жизни Россіи, Польши, Испаніи и Италіи, Франціи и Германіи сѣмена, которыя опъ посѣялъ своей щедрой рукою, дали богатые плоды. Славянскія націи находившія въ поэзіи Байрона отголосокъ многихъ своихъ чувствъ и симпатій, пристрастились къ ней, и Пушкинскій «Онѣгинъ», Лермонтовскій «Герой нашего времени» и «Конрадъ Валленродъ» Мицкевича показываютъ, какъ глубоко подѣйствовалъ на этихъ поэтовъ Байронъ своею поэзіей. Романскія племена, прекрасный климатъ и прекрасные грѣхи которыхъ онъ воспѣвалъ, и которыя какъ разъ теперь готовились къ возстанію, съ усердіемъ и энергіею переводили и изучали его произведенія. Испанскіе эмигранты и итальянскіе поэты дружно отозвались на его военный крикъ. Но во Франціи непосредственное вліяніе поэзіи Байрона послѣ его смерти виднѣе всего. Немного недѣль прошло между этимъ событіемъ и переходомъ Шатобріана въ оппозицію, и первымъ дѣломъ послѣдняго послѣ своего низверженія было поступленіе въ члены англійскаго комитета «Orientales» Виктора Гюго не были бѣгствомъ на востокъ, какъ и восточная поэзія нѣмецкихъ поэтовъ; поэтъ избралъ путь черезъ Грецію и пробылъ долгое время у героевъ борьбы за освобожденіе. Делавинъ воспѣлъ Байрона въ чудномъ стихотвореніи, а Ламартинъ написалъ послѣднюю пѣснь къ его «Чайльдъ Гарольду»; Альфредъ де Мюссэ пытался принять наслѣдіе великаго покойника, и самъ Ламеннэ скоро заговорилъ такимъ голосомъ, который во многомъ походилъ на голосъ Байрона. Германія, въ политическомъ отношеніи, была слишкомъ отсталой страной, чтобы изгнанниковъ и эмигрантовъ причислять къ своимъ поэтамъ; ея ученые, въ тихомъ филологическомъ одушевленіи своемъ, видѣли въ возстановленіи Греціи лишь возрожденіе древней Эллады, а поэты, въ родѣ Вильгельма Мюллера и (впослѣд-

ствіи) Альфреда Мейснера, писали чудныя элегіи въ честь Байрона. Писатели еврейскаго происхожденія, въ особенности Бёрне и Гейне, послѣдній въ лучшихъ произведеніяхъ своихъ «Зимней Сказкѣ» и «Германія», продолжали дѣло Байрона. Романтизмъ во Франціи и либерализмъ въ Германіи происходили по прямой линіи отъ натурализма байроновской поэзіи.

Натурализмъ въ англійской духовной жизни начинается у Вордсворта любовью къ внѣшней природѣ сохраненіемъ непосредственнаго чувства и относительнымъ уваженіемъ къ животнымъ, дѣтямъ, мужикамъ и простакамъ. У него онъ мимоходомъ и ошибочно попадаетъ на стезю простого подражанія природѣ. У Кольриджа и еще болѣе у Соути натурализмъ приближается къ современной нѣмецкой романтикѣ, слѣдуетъ за ней въ міръ легендъ и суевѣрія, но усильно воздерживается отъ всѣхъ ея наиболѣе дурныхъ сторонъ, благодаря своему естественному обращенію съ романтическимъ матеріаломъ, живому, непосредственному отношенію къ природѣ и ко всѣмъ элементамъ дѣйствительности. Натурализмъ въ народную психологію проникаетъ у Скотта, который изображаетъ живыми красками человѣка, какъ продуктъ извѣстной расы и опредѣленнаго вѣка; у Китса онъ овладѣваетъ міромъ чувствъ и держится здѣсь нѣкоторое время въ нейтральномъ положеніи между спокойнымъ созерцаніемъ природы и проповѣдываніемъ естественнаго евангелія и естественныхъ правъ. Онъ становится эротическимъ и либерально-политическимъ у Мура, котораго печальный видъ роднаго острова переноситъ въ лагерь свободныхъ идей. У Лэндора онъ выступаетъ, какъ свободный языческій гуманизмъ, но чрезчуръ страшный и гордый, и потому не могучій привиться къ Европѣ. У Шелли натурализмъ превращается въ пантеистическія грѣзы о природѣ и въ поэтическій радикализмъ, который располагаетъ чудными поэтическими средствами; но его космическій и отвлеченный характеръ, въ соединеніи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что направленіе это оказалось не по плечу читателямъ, были причиною,

что пѣснь его явилась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и Европа даже не почувствовала, какимъ поэтомъ владѣть она и какого терять въ Шелли, но, подобно Ахиллу, который поднимается послѣ того, какъ сжегъ трупъ Патрокла, съ тѣмъ большею силою подымаетъ теперь свой голосъ Байронъ послѣ смерти Шелли. Европейская поэзія протекала соннымъ и тихимъ потокомъ, и кто шелъ по его берегу, находилъ немного, на чемъ могъ-бы остановить свое вниманіе. Но вотъ, какъ продолженіе потока, возникла поэзія, передъ которой почва такъ часто подавалась, что вода стала падать каскадами—потокъ вѣдь чаще всего замѣчаютъ въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ его волны образуютъ водопадъ. Здѣсь у Байрона увидали, какъ потокъ пѣнится и кипитъ, и услышали, какъ онъ шумитъ, подобно музыкѣ, и посылаетъ къ небу свои звучныя пѣсни. Здѣсь забила вверхъ поразительно прекрасная влага чистымъ ключемъ, завертѣла вихремъ удовольствій, разбиваясь и разбивая все, что ни попадалось на пути, способная современемъ долбить даже скалы. И среди водопада стояла, какъ изобразилъ Байронъ въ «Чайльдъ Гарольдѣ» (VI, 72), чудная Ирида, сіяющая великолѣпнѣмъ радуги, символъ гармоніи, мира и наслажденія свободой, Ирида для многихъ незамѣтная, но видимая каждому, у кого надъ головою солнце и кто стоитъ прямо. Байронъ возвѣстилъ Европѣ лучшіе дни.

